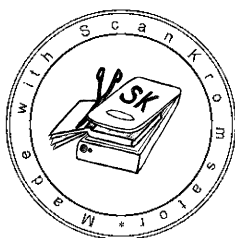

МИЛОШ ГЛАВСА

**СПЯЩИИ
ПРОБУЖДАЕТСЯ**

Scan AAW

Путешествия Приключения Фантастика

**МИЛОШ
ГЛАВСА**

**С П Я Ш И
ПРОБУЖДАЕТСЯ**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛЖИРУ

*Государственное Издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва ~ 1959*

MILOŠ HLAVSA
SPÁČ SE PROBOUŽI

Praha, 1957

Перевод с чешского

В. С. КОВАЛЕВСКОГО

Послесловие С. В. ДАТЛИНА

Книга Милоша Главсы „Спящий пробуждается“ — увлекательный и яркий рассказ о поездке двух чехословацких журналистов по Алжиру в 1956 году. Много сотен километров проехали они по стране и о своих впечатлениях от путешествия живо и интересно повествуют в этой книге. Читатель знакомится с некоторыми страницами истории Алжира, со своеобразной культурой, обычаями народа, который в наши дни ведет ожесточенную борьбу против французских колонизаторов за свою национальную независимость.

Художник И. А. СИДОРОВА

1

АЛЛО, ЭТО АЛЖИР!

В КОНЧАЕТСЯ АЛЖИРСКОЕ ЛЕТО

Этот год алжирское лето кончилось раньше, чем обычно. Хотя было еще только 11 сентября, жара не была такой мучительной, как в другие годы. После полудня я мог уже без опасения выйти на улицу с непокрытой головой, не тревожась, что ее опалит солнцем. Белый пробковый шлем носили на голове лишь местные «зазу» — подобие европейского «стиляги».

Трое мужчин, говорившие между собой по-чешски, сидели на боковой террасе отеля «Алетти» и больше от скуки, чем от жажды, потягивали из стаканов зеленоватый, пахнущий мятой аперитив, в котором плавали кусочки льда.

Вы спросите — кто эти трое, сидящие на белой террасе отеля?

Чехословак номер один: сотрудник чехословацкого генерального консульства на бульваре Бужо, № 15, Алжир. Беседа с чехами из Праги, он говорит по-чешски с

пражским выговором, так же как с парижанами — с носовым парижским прононсом. Его всегда белоснежный галстук служит гармоничным дополнением к белому костюму, хорошо защищающему от солнечных лучей и при жаре в 42° по Цельсию.

Чехословаков номер два и три представляют автор и его спутник Божек, отчасти агент по распространению изделий из стекла, отчасти литератор. Да, Божек, представитель фирмы «Богемский хрусталь», молодой бродяга и насмешник, корреспондент журналов, специализирующихся на экзотике, исключительный знаток арабского языка и истории ислама. Божек типичный продукт первого десятилетия после второй мировой войны. Когда ему не хватает опыта, его выручает энтузиазм, а порой и «Путеводитель по Алжиру» Мишелина.

С главной террасы огромного отеля приглушенно доносятся обрывки мелодий, слащавых, как медовая глазурь. Их передают Милан, Радио Парма, Париж, Касабланка. Сентиментальная, выдуманная любовь, вздохи об устах, что молчат под звездами. Прибавьте к этому немножко экзотики, рокот моря, тщательно перемешайте их, и вы получите переливающийся красками, заманчивый, хотя и дешевый музыкальный коктейль.

Каждый день здесь рождаются новые и новые музыкальные «боевики». Необработанные мотивы привозят сюда из Французской Западной Африки, с Мадагаскара, из Дагомеи, с Убанги Тшари, с островов теплых морей и из тропических лесов Нигера. Потом эти мелодии поступают в переработку на музыкальные фабрики, там их измельчают, дробят на полутона, а потом спекают вместе.

Внимание! Вот ансамбль гитаристов состязается с оркестром джазовых тыкв. По воздуху несутся амперы ритма, еще не измеренные ни одним физиком. Молодые люди, которые у нас на родине увлекаются джазовыми суррогатами, должны бы хоть несколько минут послушать, как звучит классический джаз!

Дебаты о перспективах нашего экспорта и о погоде вот уже в пятый раз заводят нас в тупик. Мелодичное состязание гитар с тыквами вытесняет из головы все мысли и целиком овладевает нашим вниманием.

— Алжирское лето вот-вот кончится, — заключает дебаты наш друг и информатор из консульства, — и наступит великолепная осень. Растительность Алжира разукрасит-

ся, как палитра художника. Ах это тепло, эти краски! Настоящий сезон для бездельников на морских пляжах в Типасе и Черчилле.

— Эти краски нам еще успеют надоесть, — заметил чехословак номер два. — Сегодня здесь на террасе мы в последний раз пьем эту зеленую водичку. Послезавтра на старой колымаге мы отправляемся на юг, к Лагуату. Вот смотрите, у нас с собой образцы товаров «Богемский хрусталь» и безделушки и флаконы для благовоний.

— Черт возьми! — резюмировал первый. — Раз так, еще три аперитива, да покрепче!

Через два дня мы отправляемся внутрь страны, уже стоившей бесконечных потоков крови и французских солдат и алжирцев. Внутрь страны, у которой такое пестрое прошлое и которая по примеру народов Туниса и Марокко добивается теперь независимости.

То, что родится во время этого путешествия, будет не подробным репортажем, а всего лишь яркими его осколками. Во время сбора этих цветистых осколков нас должны охранять корреспондентское удостоверение, выданное в Праге, и разрешение алжирского резидента из дворца Бардо. Кроме этого — рекомендация Service de Presse (служба прессы) от милой дамы, которая очень представительно исполняет функции владычицы храма прессы. И в другом кармане — рекомендации наших французских друзей.

Во время такого путешествия вы иногда сталкиваетесь с тем, чего не измерить европейскими масштабами. Встретитесь и с выветрившимися развалинами, и с горячим песком, и с древними обычаями жителей пустыни. Со своеобразной республикой Мзаб, которая сохраняет свой старинный жизненный уклад, несмотря на гул самолетов, крейсирующих в африканском небе. С остатками древних культур Карфагена и Рима, с развалинами, которые зарастают зеленью, доказывая тем самым скоротечность всего существующего. С высохшими руслами рек Сахары, ожидающими воды, и с высохшими душами, теми, что жаждут освежающего Слова.

Но вы встретитесь также и с тем, что уже неудержимо пробивается из-под тысячелетних наслоений давно исчезнувших цивилизаций.

Ростки новых мыслей нельзя удушить. Воды! Хлеба! Свободы!

Состязание гитар с тыквами на террасе отеля кончается ничейным счетом 1 : 1. Со стороны моря к нам доносятся

запахи соли и нефти. Море, насыщенное предсумеречной переходящей в фиолетовые оттенки синью, превращается на горизонте в прямую без конца и края.

ПОРТ, ЛИШЕННЫЙ РОМАНТИКИ

Есть ли романтика в запахах масла, рыбы и дегтя?

Если нет, то тогда в алжирском порту, конечно, нет ничего романтического. Точно так же, как и в любом другом порту южного Средиземноморья. Правда, не везде есть барак с надписью:

SERVICES ÇANITAIRES DE L'ALGERIE *

Эта табличка охраняет здоровье Алжира от тех, кто приезжает сюда. У вас нет «fiche de débarquement» ** с печатью о прохождении медицинского осмотра и санитарного пропуска и с отметкой о прививках? Тогда возвращайтесь скорей в Европу. На земле Алжира вам делать нечего!

Сегодня 12 сентября, и алжирский порт тяжело дышит ноздрями, полными соленой воды. Судно «Джиджелли» освобождаёт свою железную утробу под ленивый скрип подъёмных кранов. Стайка оборванных мальчишек с кожей цвета меди и белоснежными зубами, с жесткими клочьями черных волос, грубых, как овечья шерсть, ждут и ждут. Ждут, не удастся ли заработать («дайте франк, мсье!»), ждут трех часов пополудни. Это торжественный момент. Из судовой кухни как раз в это время выносят помои и остатки от обеда. На объедки, выброшенные из жестяных баков, набрасываются рои зеленоватых мух и голодные худые руки подростков.

И те и другие с нетерпением ждут этого мига: и мухи, и люди.

А судно «Джиджелли» сохраняет полное собственного достоинства, стоическое спокойствие, лишь дым валит из широкой его трубы. Сохраняет спокойствие даже тогда, когда Омар тащит из-под носа у Давида рыбную кость, на которой еще осталось чуточку мяса. Миг, и противники с азартом, но совсем без злобы барахтаются на мостовой пристанского мола. Вокруг них зрители — грязные и не менее голодные

* Санитарное управление Алжира.

** Разрешение на высадку.

мальчишки — с волнением ожидают, кому же достанется добыча. Бой за объедки в то же время и рыцарский спорт. Это зрелище не нарушает спокойствия и портового ажана, стража порядка в белой униформе и пробковом шлеме. Он привык к этому. Ему и в голову не придет размышлять о «типичности» подобного зрелища. Стоит ли обращать на это внимание!

На судне моют кухонные котлы. Запах жира и гниющих овощных отходов. Нетерпеливое металлическое жужжание зеленых мух. Вода вблизи сточного люка «Джиджелли» покрывается масляными пятнами. Какой поэт сложит оду радужным пятнам масла и нефти?

Последний день в Алжире!

В памяти снова разматываются, как киноплёнка, события трех последних недель. Главный вокзал в Праге, в 8.14 отправляется «Восточный экспресс» Прага — Нюрнберг — Страсбург — Париж. Душно. Освежающая ванна в отеле Монталамбер. Парижский Трокадеро на фоне знаменитой Эйфелевой башни. Метро, три ряда автомобилей, снующих по асфальту, гудки автомобильных сирен. Американский *Ise cream Club* на бульваре Гауссманн. Рю де Бак и опять метро. Уличка «Кошка, ловящая рыбу», увечеченная романом Иоланы Фольдеш. Бистро «*Au vieux coin*» — «На старом углу», где к дешевому вину бесплатно получите соленые маслины. Неоновые вывески магазинов и реклам переливаются в прическах женщин светло-синими и голубоватыми отблесками. «*Défense d'afficher*» (наклейка плакатов воспрещена) — такое предупреждение вывешено на каждой стене, чтобы никто ею не пользовался... Потом юг Франции, рыбацкий поселок Sète. Впервые мы вдыхаем соленый запах французского моря, покупаем на рынке корзину с оливками и устрицами.

В Марселе волокита с визами в Африку и красные вывески баров в Старом порту. Ночная жизнь кабаре «*Chez Langoustières*» — «У ловцов лангуст» — приюта для людей, возвращающихся с индокитайских морей. Наконец, палуба почтенной старомодной матроны «Марии Луизы», а на далеком горизонте — темный массив, на котором то и дело вспыхивают огни маяка острова Мальорки.

После двух дней морской качки — Алжир.

А сегодня, 12 сентября, прямо с пристани мы вопрошающе всматриваемся в твое лицо, Алжир. Цивилизация, как видно, захватила бóльшую твою часть. Превратила

тебя, вчерашнее убежище морских пиратов, в резиденцию финансовых и торговых магнатов — завоевателей сегодняшнего дня. Надо видеть твое побережье, увенчанное пылающим ожерельем банков, пароходных компаний и отелей, чтобы почувствовать это. Своими белыми постройками, асфальтом, рекламой кока-кола и безупречными фраками официантов в «Brasserie Suisse» — «швейцарского рестораника» — ты в какой-то мере напоминаешь Марсель или любой другой город на Средиземном море. Этому способствует и фиолетовое сияние, которое льется из неоновых трубок реклам твоего ночного заведения «L'Arc-en-ciel» — «Радуга» — на широченном бульваре Бюго.

Как ты чувствуешь себя, старинное пиратское убежище, под космополитическими наслоениями нового века? Знаете ли вы, что прежняя жестокость, воплощенная в кровавых преступлениях беев, переросла в другую крайность — в холодную и корректную жестокость, которую в огромных масштабах, по-плантаторски, культивирует Банк Ротшильда? Толпы твоих безработных и дети, покрытые сыпью, с глазами, зараженными трахомой, доказывают это. Кто вылечит тебя, кто укажет тебе Путь, кто скажет истинное Слово?

Последнее уже принадлежит к твоей нынешней истории, Алжир, и еще больше — к твоей будущей истории.

Спят глаза своей белизной террасы вилл, в беспорядке разбросанных по склону. Виллы окружены зелеными веерами пальм. Наводнение растительности! Можно захлебнуться и утонуть в бурных водопадах белых, голубых, оранжевых и розовых цветов. Мавританские своды, разукрашенные каменными кружевами. Персидская майолика мечети Джема Сафир, на которую бросают тень платаны.

Я читал сказки из «Тысячи и одной ночи», но лишь теперь, лицом к лицу с тобой, Алжир, получил ясное представление о том, как выглядит роскошь восточных правителей и владык. Что это — мираж? Действительность?

Да, действительность. Вы найдете ее 12 сентября, здесь в порту, у мола, на дамбе «Северный мол», где стоят на якоре... «Джиджелли», «Ville de Bougie», «Mascara» и «Kou-toubia».

Пестрая картина всевозможных народностей и рас. И все эти люди с переливающимися мускулами ищут работу. Смуглые лица, рваные майки, сквозь дыры просвечивают синие наколотые сердца — татуировка. Алжирцев опреде-

лите с первого взгляда: кожа их цвета темной меди, во рту два ряда белоснежных зубов — они улыбаются часто и охотно. На голове красная феска — шашия. Здесь же вы видите и таких рабочих, которых африканское солнце как следует еще не успело коснуться. Эти приехали из Франции или еще откуда-либо, чтобы искать счастья на алжирской земле. А в местном словаре слово счастье — это синоним слову деньги.

Юноша европеец подскакивает с ящичком в руках и предлагает вычистить «господам» обувь, пусть они заплатят ему, сколько сами захотят. В который раз сегодня! Это безработный мойщик автомобилей, уволенный из гаража «Cognelle».

— Гараж «Cognelle» — самый большой в городе, — сообщает паренек. — Шеф решил навести экономию. Он оставил из европейских рабочих только квалифицированных, а нас, мойщиков, и других неквалифицированных рабочих шеф три дня назад уволил, заявив, что для нас работы нет. На наши места он возьмет туземцев, которых можно нанять за меньшую плату. Вот мне ничего и не остается, как бродить по Северному молу и ждать, не подвернется ли в конце концов хоть какая-нибудь работа.

Даем пареньку сигарет.

— Нет, спасибо, обувь чистить не надо.

Потом желаем ему успеха. И снова обращаем взор к белым террасам дворцов, которые тонут в фонтанах зелени. Кулиса, которая никого не обманет.

Настоящая действительность именно здесь, в порту.

НЕЧИСТОТЫ НА УЛИЦЕ Н'ФИССАХ

Мы видели белый Алжир. Алжир тех, кто греется на солнцепеке Судьбы. И Алжир тех, которые в порту среди отбросов ищут хотя бы корку хлеба, потому что не могут получить целого куска. Но существует и другой, туземный Алжир, на его границе висит табличка с надписью:

КАСБА

Это значит, что после шести часов вечера европейцы могут входить туда только на свой собственный риск.

Отойдя несколько шагов от трамвайной остановки, вы оказываетесь в ином мире. В мире, который алжирское

туристическое бюро OFALAC в своих проспектах, напечатанных на меловой бумаге, официально называет в о с т о к.

Хотите видеть этот восток?

Неожиданно вы оказываетесь посередине узкой, круто спускающейся вниз улочки. Затхлая плесень темных углов. Мавританское средневековье, завитушки арабских букв, запах дубленой кожи, бараньего сала и гнили.

— Мсье, дай бакшиш! — скалит зубы курчавый мальчуган.

На его рожице грязь, но глаза как вишни. Дашь ему мелкую монетку, и через минуту тебя уже окружает толпа оборванных попрошаек.

Используя тактические приемы, вы спасаетесь от этого шумного сборища и направляетесь по темной узенькой улочке Н'Фиссах. Стены без окон, запах мусора и плесени, таинственный полумрак. Наверху множество смотровых щелей, галерей, террас. Между стенами протянуты веревки, на которых сушится пестрое, залатанное белье. Таковы все улочки Касбы — туземного квартала. Хотя бы улица Бахрам или Сиди Моктар!

У вас болят ноги? Неудивительно. Нет сомнения, на улице Н'Фиссах самая неровная мостовая в мире. Неожиданно вы окунаетесь в море самых разнообразных запахов. Здесь налицо все — от запаха затхлости до аромата бараньего сала и вони дубленой кожи. «Канализация» проведена прямо по мостовой, само собой разумеется, что ни о каких трубах не может быть и речи. Отсутствуют основные гигиенические и эпидемиологические предосторожности? Фатализм местных властей? Незаинтересованность санитарной комиссии городской управы? А может быть, стремление определенных кругов демонстрировать на этом, бросающемся в глаза примере культурную отсталость туземцев? Осторожно, на философские размышления нет времени! Скорей в сторону, кто-то с галереи выливает нечистоты из лоханки прямо на мостовую. Погибшая улица!

«Мсье, дайте бакшиш!»

По улице текут нечистоты. Кто знает, откуда, и кто знает, куда? А вон там, на углу улицы Н'Фиссах, густая толпа. Множество толпящихся фигур в тюбанах, платках и женских покрывалах. В руках медные сосуды — это очередь за водой. Каменный колодец под крышей осажден ими. Кувшины звенят, ударяясь друг о друга. Взволнованные

дебаты, оснащенные хриплыми *х* и гортанными *г* и *к*. Это характерные звуки арабского языка.

Единственно, кто в этой сутолоке сохраняет спокойствие, — нищие.

Угол улицы запружен ими. Посмотрите-ка вот на этого. Одетый в ветошь, он сам лежит на тротуаре как кусок ветоши. Рядом с костлявой, обезображенной рукой — миска. Но это еще не все: его уродливая, покрытая язвами голова трясется в какой-то неопишуемой лихорадке. Из рта этого существа, так не похожего на человека, вырываются подобные мяуканью звуки. В них словно слышится жалобный упрек, брошенный в лицо человечеству всеми нищими мира.

Ужасное зрелище. Неужели это человек? Жестоко должен быть наказан тот, кто так поступил с Человеком.

Я ждал, пока последний прохожий не скрылся за углом улицы. Я был почти убежден, что нищета и страдания культивируются здесь исключительно в рекламных целях. Прохожие прошли, и вот, притаившись в укрытии, я слежу за нищими. И что же вижу? Чудовищная голова продолжает трястись, словно в экстазе. Нет, он не симулирует. Возвращаясь к несчастному и бросаю в его миску еще монету.

И в других местах нищих тоже много, целые толпы. Как и у всех, у них свое рабочее время. В одиннадцать часов утра, когда жара приближается к своему апогею, лавки запираются, и улицы пустеют. И нищие в эту пору тоже уходят или уползают со своих «рабочих мест». Хотя бы в тень бензиновой колонки.

Смотрите, как символично: бензиновая колонка и нищий, отталкивающийся от земли обрубок потерянной руки. Вот вам цивилизация и ее продукт.

Но «заработки» нищих, оказывается, ничтожны. Правда, в коране сказано: «Молитесь и подавайте подаяние, и за все сотворенное благо будете вознаграждены богом». Но нынешний алжирец рассуждает так: «О нищих пусть позаботится общественность. Разве не существует социальный отдел в городской управе? Разве я не помогаю общественной благотворительности своими деньгами? Разве не плачу подати и налоги?»

Внезапно оказываешься среди белых, движущихся с подчеркнутым достоинством свертков. Это женщины. Они видят мир, свой мир, через узкую щелку в покрывале, которое укутывает их с ног до головы. Нигде не встретишь женщину с открытым лицом.

Даже рядом, на улице любви, где в узкие оконные щели выставлены женщины-товар, они предлагаются покупателю тоже «в упаковке», пусть и символической. Некоторые одеты очень легко, но на лице — непременно покрывало. И курят сигареты. Марокканские «муктубки», французские «gaulloises», но больше всего — американские всех сортов, потому что заграничные любители экзотики привозят с собой массу «честерфильдов» и «кемилов» в целофановой упаковке. Когда проходишь мимо, такая дама затянется дымом и кокетливо сдвинет шаршаф. К тому же добавит еще профессиональную улыбку. Это должно бы действовать привлекающе, как улыбка кинозвезды на рекламном плакате новой зубной пасты. Но результат противоположный: вы испытываете ощущение гнусности и отвращения. На продажных лицах слой румян. Кто знает, что закрывает краска и пудра: морщины, синие круги вокруг глаз, экзему, а может и следы сифилиса?

Иногда увидишь в окне и молодую свежую девушку, кидающую страстные взгляды. Это ученицы, которых лишь недавно затащило в водоворот, откуда нет спасения. Смогут ли они удержаться или канут в нем?

Здесь, в алжирской Касбе, никого не меряют европейскими масштабами. Профессия проститутки такая же уважаемая, как и профессия танцовщицы. Собственно говоря, каждая проститутка немного танцовщица, а каждая танцовщица немного проститутка. Алжирская полиция, которая в 1953 году проводила регистрацию продажных женщин, обнаружила поразительный факт: у большинства проституток в регистрационной карточке под рубрикой «профессия» было написано: свободная предпринимательница.

Среди них вы найдете не только арабов или берберок. Тут и француженки, и итальянки, и гречанки, и жительницы Мальты и многих других мест. Вряд ли они всегда носят покрывало-шаршаф. Для экзотики — дело другое. Так сказать, в интересах коммерции.

Покрывала эти очень разнообразны. Одни тяжелые и плотные, другие — прозрачные и легкие, как облачко. Как и белье дам, они сделаны из заграничного нейлона. Ну, конечно, американские фирмы знают свое дело — они производят покрывала для арабских женщин в целофановой упаковке с надписью: «Orig. Packed for musulman Ladies» — «Оригинальная упаковка для леди-мусульманок», так же как на духах «Kiss me» или головных щетках из пластмассы.

Немного дальше ваши ноздри начинают ощущать аромат «чего-то». На раскаленной сковородке шипит масло. Под сковородкой раскаленные уголья. А над всем этим—мрачный бербер.

— Мсье, купите лучшее лакомство Касбы,— советует на ломаном французском языке добровольный гид,— это лепешки из самой лучшей сушеной и размолотой саранчи, такой крупной...

— Нет, спасибо. Сегодня мы охотнее отведаем кушанья, которые приготовит мсье Грюбли, повар швейцарского рестораника.

Возле заведения бербера куча мусора. Внутренности овец и лужи зловонных нечистот. Рои мух. Вероятно, тут придерживаются мнения, что соблюдение правил гигиены мешает пищеварению.

Мы покидаем улочку Н'Фиссах и тешим себя надеждой еще встретиться с «настоящей алжирской кухней», ожидающей нас в южных районах страны. И с лепешками из сушеной саранчи, такой крупной.

У ПОРОГА НЕБА

— Были ли вы уже у порога неба? — спросил неожиданно доктор М., сотрудник нашего консульства. Тот самый, что сидел с нами на террасе отеля «Алетти».

— Гм, небо, это, должно быть, ужасно далеко,— отвечали мы.

— Вовсе нет. Туда можно добросить камнем.

Да, из Алжира до Тизи Узу действительно можно докинуть камень. Почему бы нам в самом деле не закончить последний день нашего пребывания в Алжире поездкой к обещанному небу?

Серебристо-серый консульский Тудор с аппетитом глотает асфальтовые километры шоссе Алжир — Менервиль — Тизи Узу.

Из Тизи Узу неведомая сила влечет нас вверх, к горным склонам Атласа. Колеса бегут вдоль сухих русел рек, заполненных камнями и багрянцем цветущих олеандров. Внизу, под нами, мелькают заросли олив, ясеней и акаций.

Крохотный автомобиль, будто жук, ползет по крутым склонам.

— Обратили ли вы внимание на ясени внизу? — спрашивает наш друг из консульства. — Ветви у них словно

подстрижены. Это сделали кабилы. Листья идут на корм скоту. Чистая работа. Пустить бы их в Прагу, в Стромовку...

Но вот здешняя «Стромовка», наполненная криками нахальных маленьких обезьян — маготов, остается под нами.

Мы карабкаемся к самому «порогу неба». Льстим себя надеждой, что святой Петр с ключами будет дома.

Вот мы и в кабийских горах. Красные цветущие олеандры и фишашки исчезли. Африканская степная трава — галва — занимает здесь почти монопольное положение.

Сколько силы и воли к жизни в стебле африканской травы!

Узким ущельем, напоминающим уличку какого-то фантастического каменного города, мы пробираемся на небольшое плоскогорье, на котором живут люди. Домики из неровных камней, скрепленных глиной. Живая изгородь из колючих кабийских смоковниц.

Выложенный камнями колодец, окруженный каменной же стенкой.

Так как колодец называется «бир» и потому, что здесь во время оно будто бы совершил чудо марабу Зейрам, все это гнездо называется Бир Зейрам. Оно устояло перед римлянами, византийцами, вандалами, турками! Тут не хотят и слышать о европейской цивилизации. Бир Зейрам живет по-своему и все предложения о введении так называемой «высшей культуры» решительно отвергает.

Это плоскогорье кабилы и называют п о р о г о м н е б а. Они понятия не имеют о плоскогорьях Гималаев и Кордильер, и поэтому им кажется, что их Бир Зейрам действительно очень близок к небу. Лежит на самом его пороге...

Но святого Петра с ключом от небесных ворот не оказалось дома. Зато дома Бенбарек Смайл.

Грязный белый бурнус, на голове красная шашия, нечто вроде плоской фески. Небритое лицо с двумя угольками подвижных умных глаз. Доктор М. здоровается с ним, как со старым знакомым. Кабил произносит краткое традиционное приветствие:

— Господин, позволь, чтобы тебе и твоим друзьям я служил молоком своей козы...

Делает он это, вероятно, потому, что его, кабила, живущего в хижине, сложенной из камней, ветер занес когда-то в Чехословакию.

— Это было во время войны. Я работал во Франции и после оккупации Франции Гитлером попал на военный завод в... Брно. Чехи... хороший народ. К хлебу маргарин давали!

Ага, Бенбарек Смайл ел «протекторатский» маргарин и знает Брно. Значит, он нам почти земляк.

Смайл отправляется доить козу.

Мы осматриваем его хозяйство. Смотрите, домашняя мельница: большой каменный круг, закрепленный у земли; вокруг него на примитивном рычаге вращается другой круг. Между обоими каменными дисками насыпаешь зерно и можешь молоть. Электричества не нужно, сэкономишь киловатты.

Здесь экономят все. Даже воду.

Смотрим на большой кувшин из необожженной глины. Из него медленно сочится вода. Таким способом она фильтруется и чистая, без примесей, стекает по каплям в другой сосуд, который помещается под кувшином.

Какая полезная вещь — необожженный кувшин! Фильтр и одновременно устройство для охлаждения.

Все просто и примитивно, как две-три тысячи лет назад.

Корни общественной организации у кабилы уходят в глубь веков. Это своеобразное племя горцев сохранилось, несмотря на то что над его головой промчалось столько бурь. Бури финикийская, римская, византийская, турецкая, французская. Каждая оккупация, правда, несла примесь чужой крови, но никак не отклонение от основ местной общественной и правовой организации. До сегодняшнего дня тут, например, сохраняется родовая демократия: племя делится на небольшие изолированные группы по территориальному признаку. Исполнительная власть в этих группах принадлежит совету сауиджа, законодательная — народному собранию джемаа. Важнейшие вопросы решаются коллективно на народном собрании.

Кабилы настойчиво придерживаются своего традиционного права — кануна. Европейское правосудие встречается здесь с определенными трудностями. К примеру, кабийские кануны не признают в качестве меры наказания лишение свободы. Такая кара свободолюбивому кабилу непонятна. Он знает лишь старинный обычай — отлучение и изгнание. Это объясняет упорство, с каким здесь в горах стремятся сохранить родовую организацию.

Кабил не знает и телесных наказаний. Вот одна из причин, из-за которых здесь так ненавидели турок с их режимом,

державшемся при помощи плеток и стражников. Удар, любое насилие служат поводом к кровной мести. И пока кабил не отомстит, он не стрижет ногтей и волос, а лоб натирает смолой.

Если же кровная месть не выполнена подобающим образом, тогда, по представлениям кабилов, на крышу дома садится птица Гама и пронзительно кричит: «Утолите мою жажду!» Она улетает, лишь намочив свой клюв в крови виновного.

Населенная кабилами, территория La Grande Kabylie имеет свои законы — жестокие и кровавые. Но разве законы «цивилизованного мира» менее жестоки и менее кровавы?

Еще одна особенность выделяет кабилов из остального мусульманского мира: положение женщины. Кабилка не носит шаршафа. Она полноправный партнер своего мужа, вероятно потому, что частые войны поставили жительницу гор плечом к плечу с ее мужем, братом, отцом.

Но, возможно, что причина этого лежит гораздо глубже и упирается своими корнями в детство человечества.

На пороге цивилизации мужчина охотился на львов, кабанов, куропаток. Но у него было примитивное оружие, и поэтому результат охоты всегда был делом случая. Женщины же занимались земледелием. Только благодаря их труду все были обеспечены пищей. Отсюда то независимое положение, которое сохранили кабилки до сегодняшнего дня. Возможно, здесь сказалось и влияние христианства. У мусульман кабилов большим уважением пользуется Иисус, пророк Иса. И кабилы знают, что Иса — это «бен М'риам», сын Марии.

— Да, у нас в Бир Зейраме жена полноправный партнер своего мужа, — подтверждает Смайл. — Поэтому мне и в голову не приходит жениться.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

Тихий вечер в Бир Зейраме. Вместо зеленого аперитива на террасе отеля «Алетти» — козье молоко в хижине Бен-барека Смайла.

Из расположенного неподалеку каменного строения несутся дикие вопли. Кто-то, как безумный, колотит в жестяную банку. Ко всему этому присоединяется рев ослов и собачий лай.

— Хассим... Хассим... — раздается завывающий голос.

— Что случилось? — встревожился один из чехословаков.

Все выглядело так, словно местная противовоздушная оборона объявила учебную воздушную тревогу.

— Не волнуйтесь, — успокаивает нас Смайл, — вчера умер старый еврей Хассим, кожевник. Это лишь объявление о начале похорон. Через минуту вы увидите траурный обряд.

И в самом деле!

Немного погодя у дверей каменного дома Хассима собирается процессия. Центром внимания служит осел, к спине которого привязан ангареб. Это сплетенные из веревок носилки, в них находится тело покойника. За ослом идут седовласая вдова умершего, братья и другие родственники.

Родных умершего можно отличить с первого взгляда. Голова у них обмотана куском грязноватой ткани. Родственники с жалобными, протяжными воплями бьют по голове ладонями. Вдова покойника вымазала лицо грязью и посыпала его дорожной пылью. Все хором причитают, словно по указке невидимого дирижера.

«Иа Хассим... Иа Хассим...»

Чтобы лучше видеть, мы подходим ближе и слышим причитания:

«Такова судьба».

«Господь утешит тебя, брат».

«Счастлив Хассим, он будет жить вечно».

«Завидуйте Хассиму, он смотрит в лицо господу».

Дарбука и другие местные музыкальные инструменты выводят однообразную, постоянно повторяющуюся мелодию. Звучание струн сопровождает каждое значительное событие в жизни кабила.

Так же однообразны постоянно повторяющиеся причитания. Гнусавые и лживые голоса воспевают деяния старого Хассима:

«Его уста имели лишь один язык».

«Его гири всегда были верными».

«Его ладонь была всегда раскрыта».

«Его душа жаждала справедливости».

В последний раз нестройный, разноголосый хор захлебывается в надгробном вопле, и похоронная процессия отправляется в путь. На спине у осла раскачивается ангареб с телом Хассима.

Жители Бир Зейрама собрались со всего плоскогорья. И по мере того как процессия продвигалась вперед, каждый

старался хоть несколько шагов пройти рядом с покойником, держась за носилки.

Вдруг — что это?

Как будто из другого мира донесся звон колокола. Тонкий, чистый металлический звук. Мы поворачиваем головы. Пытаемся определить, откуда раздается этот звук, здесь, в центре мусульманского мира, наполненного кровной местью.

Ага, на краю селения, посреди колючих смоковниц, на крутом склоне горы, расположена небольшая часовенка — памятник христианскому миссионеру, который жил здесь в 1852—1867 годах.

Очевидно, благодаря ему чистый звон христианского колокола сопровождает сегодня старика еврея на мусульманское кладбище.

Разве не сказал сам пророк, что и христиане и евреи попадут в рай, если они жили согласно их вере и если тела их были после смерти омыты? И разве он потом не сказал, что вечно будут питаться падалью те, чьи уста признают святой ислам, но в сердцах которых нет бога?

Да, умер человек. Неважно, какого цвета была у него кожа, взывал ли он к Иисусу, Моисею или Мухаммеду. Здесь, под кабийским небосводом, у порога неба, мы тоже скорбим по поводу смерти человека. Растроганный, стоит у гроба покойника и весь Бир Зейрам.

«Прими к себе своего покорного слугу Хассима бен Нафи ибн Муссали, который, устав после скитаний по каменистым тропинкам, спускается в вечнозеленую долину. О ты, свет небес и аль-баки, вечный!»

Мы отправились к тому месту, откуда раздавался голос колокола. Небольшая колокольная, на звонке надпись:

ANA-L-NAKK

В переводе это означает: «Я есмь правда».

Каменные стены, красные цветы олеандров и колючая ограда из смоковниц выглядят притихшими на ярком фоне оранжевого алжирского заката. Виднеющиеся на горизонте женщины с сосудами на голове кажутся нереальными, словно фигуры в театре теней. Грустно, но все так торжественно и просто в Бир Зейраме, на пороге неба.

КОГДА КАПРИЗНИЧАЛА СВЕЧА

Разумеется, я имею в виду запальную свечу автомобильного мотора. Но начну по порядку.

— Значит, завтра вы собираетесь выехать из Алжира. Но, господа, ведь это будет тринадцатое! — предупредил нас лифтер, облаченный в белую, обшитую золотыми галунами ливрею служащих отеля «Алетти». Один из тех, что переняли у своих хозяев и тон, и манеру держать себя, чтобы завтра же не вылететь на мостовую.

Был вечер накануне отъезда.

— Не все люди представляют собой мешок с предрассудками, топ аті,— заявил Божек.— Если вы всегда так ненавидите цифру тринадцать, то не решитесь в 2013 году и носа высунуть из дома в страхе, что межпланетный корабль упадет вам на голову. Я не говорю уже о прошлом, когда — обратите только внимание! — был 1313 год. Для меня тринадцать достаточно счастливая цифра. Я живу в доме номер 13, и как раз недавно я в тринадцатый раз серьезно влюбился.

Эти доводы заставили нас примириться с таким крупным психологическим препятствием к нашей поездке. И так как мы не верим ни в «тринадцать», ни в «черную кошку», ни в магию, черную, белую, серую или в клеточку, мы решили отправиться именно завтра, 13 сентября.

Когда я говорю «мы», я имею в виду пару, которую образуют два чехословака, смотрящие на мир не через стекла очков. Божек и я. Божека, агента фирмы «Богемский хрусталь» и корреспондента жаждущих экзотики газет, интересуют и репортаж, и коммерция. Меня, кроме того,— быт, нравы и правовые нормы на юге Алжира, у жителей каменистой или песчаной пустыни.

— Наш драндулет готов, можно идти укладываться,— сообщил Божек вечером, накануне ожидаемого с такими опасениями тринадцатого.

Божек — шофер и капитан, я — помощник шофера, управляющий финансами и одновременно фоторепортер. Приготовленные вещи по системе плановой неорганизованности в беспорядке навалены в чемоданы. Точнее сказать, в чемоданчики. Возможно, кто-либо из вас отправился бы в горячие пески вокруг Гардаи или Уаргли, скажем, с удочкой для ловли рыбы или нагруженным теплой одеждой. Мы тоже возьмем все это с собой, когда поедem в Лухачевицы во время своего отпус-ка.

«Наше снаряжение должно быть простым, легким и целесообразным».

Таков лозунг дня. Это наша генеральная линия. Мозг лихорадочно работает. Моторы, скрытые где-то в машинном отделении нашей нервной системы, ревут на полных оборотах. Приступаем к проверке целесообразности каждого предмета.

— Послушай, нужно ли брать с собой спиртовку?

— Ты прав, это лишнее. Яйца мы съедим сырыми или испечем их в горячем песке!

— Вычеркнуть!

И вот, наконец, кроме личных вещей и консервов, нашими спутниками становятся компас, походная аптечка, в которой хранятся стеклянные трубочки с хинином, неальгилом и атебрином. Последним мы будем пользоваться как профилактическим средством против малярии. Ведь малярию, эту злую бабу, не обнаружишь, пока она безжалостной рукой не схватит тебя за горло, не заглянет тебе в глаза и не швырнет тебя оземь. Так случается и со всеми остальными неприятными вещами на свете.

Важная мелочь, о которой нельзя забывать: сыворотка в ампуле и шприц. Это набор, к помощи которого необходимо прибегнуть при укусе змеи или песчаного скорпиона. Такие вещи ведь не берут с собой, когда отправляются на воскресную прогулку, на экскурсию в Сарку или, скажем, на быстрицкую плотину.

Потом бинт, термометр, борный раствор.

Карта № 152 из путеводителя Мишелина, фотоаппарат «Роллейфлекс» с экспонометром.

Грамматика арабского языка для французов и разговорник. На последних страницах словарь наиболее часто употребляемых слов: кхобз — *хлеб*, лех'ам — *мясо*, шераб — *вино*, к'ахуат — *кофе*, мельх — *соль*...

Дымчатые очки против солнца, портативная пишущая машинка с запасной лентой, конверты «Авиа».

Раствор лимонной кислоты и диметилфталата против комаров, распространителей малярии. Мазь против солнечных ожогов, «*ambre antisolaire*» за 670 франков.

Проспекты о Чехословакии и брошюра о нашем стекле. Стеклянные безделушки, которые мы вместе с автомобилем оставим у мсье Малокка в Лагуате.

И, наконец, походная фляга и козий мех для воды.

Эти предметы будут нашими молчаливыми спутниками в течение тридцати дней.

Ага, не забыть бы еще одно наиважнейшее дорожное лекарство — бутылочку коньяку с тремя звездочками. Наверняка, этого лекарства хватит совсем ненадолго.

Вечер перед отъездом в пустынные просторы Юга мы посвящаем цивилизации. Радио Алжира передает оперу Бизе «Кармен». Потом посещение кинотеатра «Колизей». Американский кинофильм «Моя жена ищет друзей». Приключения миссис Бесси, жены американского офицера, служащего на одной из военных баз в Тихом океане.

За два часа, пока продолжается киносеанс, мы знакомимся с тихоокеанским раем, офицерским клубом на острове Таонги и с обстановкой спальни миссис Бесси. В кинотеатре «Колизей» превосходное воздушное охлаждение, поэтому нам совсем не хочется выходить наружу и отправляться в душный гараж.

Однако все же необходимо взглянуть на наш «летающий ящик», как мы называем свой старенький рено. Нужно прочистить карбюратор, разобрать его, отрегулировать расход горючего. Поплавок упрямится. Туго входящую иглу поплавка мы даем заточить.

Ко всему этому, черт побери, еще капризничает свеча, зачистка контактов не помогает.

— Что-то с изоляцией,— констатирует Божек, потный, измазанный и злой.

Действительно, прекрасен «последний вечер в белом городе!» Но, увы, элегические вздохи нам не помогут. Свечу надо сменить.

Нашим «техническим советником» во всех этих хлопотах является Пьер, безработный автомеханик из Нейи, близ Парижа. Дельный парень. Но тогда почему он в Алжире?

— Честное слово, мне безразлично, где скитаться без работы, там или тут.

Если тут кому-нибудь что-то безразлично, он употребляет выражение «с'est kif-kif» из арабско-парижского жаргона. Пьеру все равно, будет ли он множить ряды безработных в Алжире или в Париже. Ему это «kif-kif».

На улицах появились фиолетовые и ядовито зеленые огни неоновых реклам ночных заведений «Болеро» и «Радуга». Это зрелище чисто европейское. И тут же, перед отелем «Алетти», на европейском бульваре вы встречаетесь с Востоком: над асфальтовым тротуаром возвышается пальма с широкой перистой кроной. Нет, это не декорация к фильму «Белые ночи Алжира». Это настоящая пальма, огороженная

кованой мавританской решеткой. Под пальмой спит вечным сном какой-то мусульманский святой — марабу. Словно его совершенно не интересуют гудзоны, кадиллаки и шевроле, элегантно скользящие по асфальту бульвара.

В роскошных, сверкающих автомобилях развалились отнюдь не неудачники из предместий и порта. Это счастливцы, чья судьба вознесла на высшие ступени общественной лестницы. Те, у которых в сейфах лежат акции компаний Union des Mines Colomb Béchar, Cie Borgne, Mines d'Ouenza и т. п. Еще бы, ведь пора ехать ужинать, сыграть партию-другую в карты или кости с друзьями, либо отправиться в клуб на вечерний коктейль.

...Взгляните-ка только, — сплюнул автомеханик из Нейи, склонившийся над нашим радиатором. Он не слишком любит тех, кто ездит на вечерний коктейль, в то время как сам не уверен, будет ли сыт завтра. И через две-три секунды.

— Когда-нибудь мы с ними поговорим!

СРЕДИ ПЕСКОВ

АЛЖИР ПОЗАДИ

На следующий день в 5.45 утра старенький рено промчался вдоль бульвара Бюго. По асфальту бульвара двумя рядами тянется цепочка автомобилей. При виде их охлаждающих вентилях у заднего колеса и шин сверхвысокого давления у нас от зависти перехватывает дыхание.

— Божек, а ведь отсюда весной 1947 года двинулись в путь к Ливии и Египту инженеры Ганзелка и Зикмунд.

— Послушай, дружище, мы двое, никому не известные, и вот без поддержки со стороны нашей национализированной промышленности идем по таким славным следам. Здорово, а? Теперь о маршруте. Направление на Таблат и Сиди Айса. До Бу Саады 250 километров. Будет хорошо, если мы доберемся туда к вечеру. Или, как здесь говорят, к вечерней молитве.

Пока нас еще освежают остатки утреннего холодка.

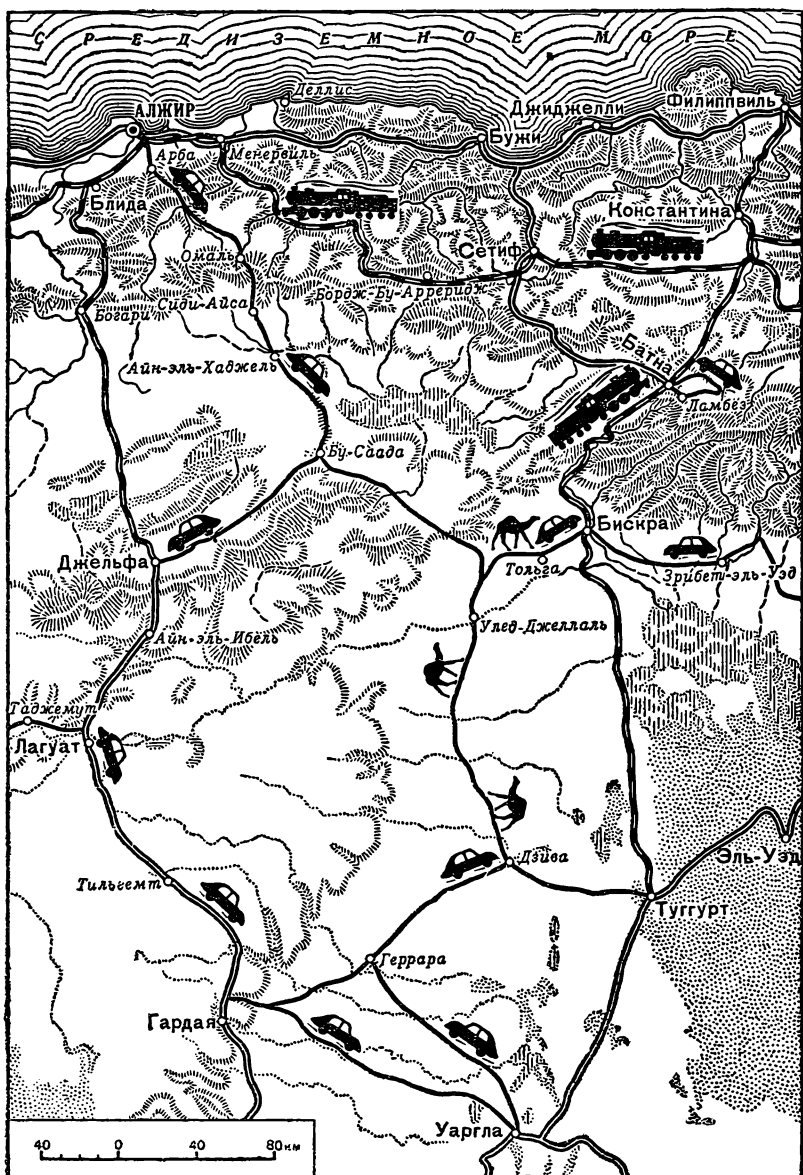
На счетчике нашего автомобиля A18114 скачет цифра за цифрой, как дрессированные обезьянки на манеже.

У Эль Арбы развилка дороги и табличка с надписью «Авиационная база 362 Буфарик». Нет, спасибо. Там нам делать нечего!

Алжирские склоны дышат плодородием. На них догорает жаркое алжирское лето. Мы направляемся снизу вверх, к вершинам. Снизу вверх ползет и ртуть нашего термометра.

Между Эль Арбой и Сакаоди ремонтируют дорогу. Крутой подъем: 200, 400, 740 метров. Колышущийся раскаленный воздух дрожит над радиатором. У нас в жилах словно расплавленный свинец — такими тяжелыми кажутся собственные руки. По виску медленно стекает капелька пота, за ней другая.

Кажется, что дорожные рабочие так жару не ощущают. Они загорелые и худые, как сушеная исландская треска. Непредвиденное препятствие: на одном участке укатывают проезжую часть. Сопение дизеля. Оно заглушается бречением буксирных цепей и ревом пневматического перфоратора. Камень и металл. И свою волю им навязывает человек.

Маршрут путешествия по Алжиру
Милоша Главсы

Раздражает запах гравийной пыли и дегтя. Явление такое же распространенное, как где-нибудь у нас в Чехословакии, к примеру на шоссе Прага — Бенешов, перед Сазавой...

Останавливаемся только «на одну сигарету», хотя мы и убежденные противники курения. Предлог для разговора. Рабочие меряют нас метром недоверия. Только услышав, что мы из Чехословакии, становятся приветливее.

— Tchécoslovaquie... Oui, Zatopek...*

Название нашей страны — это не такое слово, которое им ничего бы не говорило. Здесь работают по большей части алжирцы, но среди них немало французов и итальянцев.

— Сколько зарабатываете в неделю? — спрашиваем мы пожилого француза с птичьим лицом.

— Землекоп — 7500 алжирских франков в неделю. В месяц получается 30 000 алжирских франков, разумеется при полной занятости. Из этого платим за еду 13 500 франков. Работаем шесть часов. А там вон наша лавка.

Да, в пятнадцати метрах от дороги возвышается барак. Крыша из гофрированной жести. В другом бараке, стоящем метрах в тридцати от лавки, живут и спят сорок человек. При лавке процветает также важное «культурно-просветительное» учреждение, которое называют здесь «салонем радости». В этом публичном доме «работает» неопрятная мадам со своими девушками. Можете вы представить себе культурную жизнь в такой вот барачной колонии? Карты, дешевое вино, берберка и ее дочери. Хозяин, видно, «заботится» о полном удовлетворении потребностей своих рабочих. Недельная плата за питание 3375 франков и за посещение общественного салона 500 франков вычитаются авансом из заработка. Если же что-либо окажется в лавке разбитым «при обмене мнениями», попросту во время драки, вычет делается после.

«К счастью», здесь не существуют такие вычеты из заработной платы, как, например, на социальное или больничное страхование.

— Но у нас есть взаимопомощь, — объясняет нам человек с птичьим личиком. — Каждый, кто хочет иметь пособие на случай болезни или увечья, вносит деньги в страховой фонд. Три казначея выбираются всеми рабочими и контролируются профсоюзной организацией. Хозяин не имеет к этому никакого отношения.

* Чехословакия... Да, Затопек...

— Извините, — не отстаем мы, — еще один вопрос. У вас интеллигентный вид и, по всей вероятности, вы образованный человек. Почему же вы ремонтируете шоссе в этой раскаленной печи? Разве это ваша первоначальная профессия?

— Ну где там, — неестественно хихикнул он. — Видите ли, одни находятся наверху, другие — внизу. Перед войной я имел в Тунисе, в Матеуре, недалеко от Бизерты, собственное торговое дело. Циновки, галва и так далее. Война все уничтожила. Потом я работал в фирме Brignaud et Brignaud — оптовая торговля сеном. Очень солидная, известная фирма. Там я был доверенным, у меня есть опыт в этой области. Но в один прекрасный день старику захотелось взять на работу новоиспеченного зятя. Меня выбросили на мостовую как мальчишку, а я слишком стар для того, чтобы начать сначала. Если бы иметь компаньона с деньгами... Но где там! *C'est la vie*, такова жизнь. Это должно было случиться, потому что так хотел шеф.

Обладатель птичьего личика по всем правилам представляется нам: мсье Лефевр. Мы прощаемся с человеком, который сменил кресло доверенного фирмы на мотыгу. Ведь так хотел шеф!

* * *

За окном автомобиля, будто в калейдоскопе, мелькает ленточка горной речушки Зеруа. Дома-кубики, словно выбелены солнцем. Бир Рабалу, Омаль, Сиди Аисса и Айн-ель-Хаджель. Последнее селение имеет особенно своеобразный арабский облик. Европейские домики французов-переселенцев остались где-то за Омалем. Здесь преобладают вылепленные из глины мазанки с плоскими крышами. Воинские части французских резервистов в форме цвета хаки поднимают густую пыль тяжелыми, окованными железом ботинками.

Показались новые действующие лица: кричащие жестикулирующие арабы, на этот раз уже подлинные жители внутренних районов страны. На головах закутанных женщин плетенки с овощами и фруктами или глиняные кувшины. В корзинах финики, гранаты, мята. Скот гонят прямо посередине улицы.

Неподалеку от дороги уселся туземный брадобрей. Бедный клиент! Сколько пыли он наглотается, прежде чем «парикмахер» исцарапает ему голову бритвой!

Дамам нравится не только сладкая ложь, но и сладкий соус из сахара и кокосовой муки. В этом мы убедились и здесь, в Айн Хаджеле. Представительницы женского пола окружили ларек, где продают кокосовые сладости и медовый рахат. Они так энергично толкаются, что прилавку угрожает серьезная опасность. Владелец лавки не может никак решить, кого же отгонять пальмовой ветвью от прилавка. Может быть, рои золотисто-зеленых мух, а может быть — таторящих клиенток.

Повсюду ссоры из-за места впереди. И любопытнее всего, что никого это на самом деле не интересует. Никто здесь никуда не спешит, никто не опаздывает ни в театр, ни на собрание, ни на трамвай. Это лишь невинные словесные стычки. Лишь упражнение для голосовых связок и языка.

Времени достаточно на все. Разве аллах, щедрый, милосердный, не дал каждому суткам двадцать четыре часа?

Перед Бу Саадой опять ремонтируют дорогу.

Табличка:

ROUTE EN RÉCONSTRUCTION*

Из-под шлема стекает едкий пот. Нужно вытереть лоб и выпить глоток неподслащенного чая.

Буквы CSR, выведенные пальцем на слое пыли, покрывающей крыло нашего «летающего ящика», вызывают провокационный вопрос:

— Вы чехи? Значит, вы из Богемии. Так мы с вами когда-то были земляками.

Наблюдающий за рабочими жирный стражник оказывается бывшим судетским немцем из Либереца. Правда, он говорит не «Либерец», а «Рейхенберг».

— Я уже здесь вроде привык, — объясняет он, — но мне все же не хватает нашего пива «рейхенбергского».

Несколько замечаний о судьбе бывших сограждан Рейха, о их тоске по либерецкому пиву и о новом вермахте, что вырастает в одной из частей Германии.

— А куда направляются господа? — дипломатически спрашивает судетский стражник.

— Вообще говоря, не так уж далеко, — смеемся мы. — Из Алжира в Алжир. Рекорд медленной езды.

* Дорога ремонтируется (франц.)

Нажимаем акселератор, и наш «летающий ящик» бренча несется дальше по разрытой дороге. На пустынной каменистой поверхности появляется золотистый налет: видны полосы мелкого, принесенного ветром песка. Красновато-охровый песок сигнализирует о близости Сахары.

Но мы еще долго думаем о людях, которые копошатся на шоссе под палящим солнцем. Ведь многие из них европейцы!

Эти не жиреют на мозолях алжирского народа.

Вместе с ним они строят дорогу, по которой пройдет будущее Африки.

СКАЗКА (?), НАЗЫВАЕМАЯ БУ СААДА

Неожиданно на дороге показывается выветрившаяся стена с прорезанными в ней воротами.

За этой стеной скрывается будто бы восточная сказка. Называется она Бу Саада.

Туда обычно устремляются иностранные туристы, которые за свои франки и доллары хотят купить кусок «настоящей сахарской романтики», как покупают носки или коробку жевательной резинки. Они хотят за пару франков сфотографироваться на верблюде в позе завязтого путешественника по Сахаре. Скажите сами, разве не стоит за эту цену повесить у себя в комнате снимок на тему «верблюды и я»? Толпа проводников, сводников, продавцов «подлинных арабских древностей» и «святого» масла ожидает клиентов сразу же за воротами. Вслед за автомобилем бегут в белых лохмотьях смуглые, худые мальчишки.

Купите подлинную сахарскую романтику! В оригинальной упаковке!

Роскошная постройка в восточном стиле (роскошной постройкой здесь считается любой двухэтажный дом). В таком вот богатом здании мы сложим на ночь свои грешные кости. Надпись: «Отель Оазис». Никогда раньше мы не сказали бы, какое это блестящее изобретение — ванна с душем.

Прямо из ванной вы можете пройти либо в свой номер, либо в небольшой бар. Он такой уютно крошечный, филигранно отделанный, как будто его создали в киноателее. Снежно-белые стены, покрытые неровным слоем извести. Потолочные балки из легких пальмовых стволов. Фиолетовый отблеск ламп. Зеркальный прилавок. На нем гордо, с сознанием собственного достоинства, поблескивает батарея си-

фонов с фруктовыми соками на льду. Марочные алжирские вина от Стауэли до Диодэ, полный набор аперитивов: Перно, Козентро, Апри... О поддержании нужной температуры заботятся вентиляторы и охлаждающие воздушные установки.

Все это для гостей, которые стремятся познать Африку у прилавка с алкогольными напитками или сквозь щели жалюзей в своей спальне. Оба варианта предполагают туго набитый кошелек.

Изумителен закат на краю Бу Саады...

Огромное заходящее солнце похоже на большой огненный апельсин. Оно придает всему вокруг оранжевый, даже кирпично-красный оттенок. Тем краснее, чем больше солнце скрывается за горизонтом. Медленно, но неотвратимо. Апельсиновые, гранатовые, миндальные деревья, агавы и смоковницы постепенно превращаются в темные силуэты. На харминовом небе четко вырисовываются веера пальм.

Вы не верите, что пальмовые ветви могут быть меланхоличными?

В Бу Сааде 13 сентября вы бы поверили этому.

Ветер приносит из оазиса протяжные призывы муэдзина — этого выразителя мусульманской идеологии. Является ли он сверхсуществом? Аскетом? Или муэдзин такой же человек, как и все другие, живущие обычными заботами, ссорящиеся с женами, а вечером направляющие свои стопы в арабскую кофейню, чтобы сыграть партию в кости?

Полторы минуты кричит этот неведомый проповедник своим дрожащим голосом с верхушки минарета. Он словно скорбит над днем, уходящим в невозвратное. Божек защищен против таких мрачных настроений своей практической жизненной философией:

— Чего там жалеть о прошедшем дне! Ведь это было тринадцатое. Предлагаю поэтому не мешать нынешнему дню отправляться восвояси!

Через оазис мы возвращаемся в отель. Белые кубические домики без окон. Темные силуэты высоких пальм на бледно-сером горизонте. Вместо дверей в хижинах висят плетеные циновки из травы или нитей, унизанных стеклянными бусами «made in Jablonec» или «Neu-Gablonz»*. Из-под занавеси кофейни «Хаджи Сукри» слышится гортанная арабская речь. Она подкрашена мелодиями, передаваемыми алжирским

* Яблонец (Jablonec) — город в Чехословакии. Neu Gablonz — так его называли немцы во время оккупации.

радио. Тоскливые мелодии кочевников Сахары. Они полны скользящих глissанде, длинных, как сахарные нити.

Пола в кофейне нет, утоптанная глина покрыта крохотными циновками. На них сидят люди в бурнусах. У каждого на голове тюрбан или феска. Сидят скрестив ноги, как велит пророк, и смотрят вниз или курят кальян на треножнике и с длинной резиновой кишкой. Некоторые играют в домино. Из маленьких чашечек прихлебывают густое мокко.

Над очагом, где блестят латунные кувшины и подносы, завитушки арабских письмен. Танцующие перед глазами буквы выписывают дуги и черточки, напоминая рассыпанный чай. Божек читает по складам:

«Когда солнце сольется с луной и настанет день суда, в этот день грешник предстанет перед судьей своим, потому что не взывал к нему и не верил в него. Ведь бог действительно велик и милосерден».

Это сура, строфа из корана, часть мертвого инвентаря в кофейне четвертого разряда.

А потом стихает музыка и слово берет профессиональный сказочник. Черный, негроидного типа человек средних лет. Вы не понимаете, что он говорит. Но можете догадываться об этом по гримасам, сопровождаемым быстрыми ударами пальцев по плоскому бубну. По мере развития драматической линии повествования удары становятся все чаще и чаще. Внимание, апогей! Потом удары становятся тише и постепенно переходят в протяжное пианиссимо... Наконец, голова падает на колени, свидетельствуя о конце повествования, о трагическом конце.

Неудивительно: ведь сегодня «несчастливое» тринадцатое.

С детским любопытством заросшие волосами усачи слушают рассказчика. Огненные отблески очага гаснут на латунных чашках и на потных лицах задумавшихся слушателей.

Сказка из «Тысячи и одной ночи»?

Нет. Просто сказка за глиняной стеной, в 250 километрах от Алжира. Сказка, называемая Бу Саада.

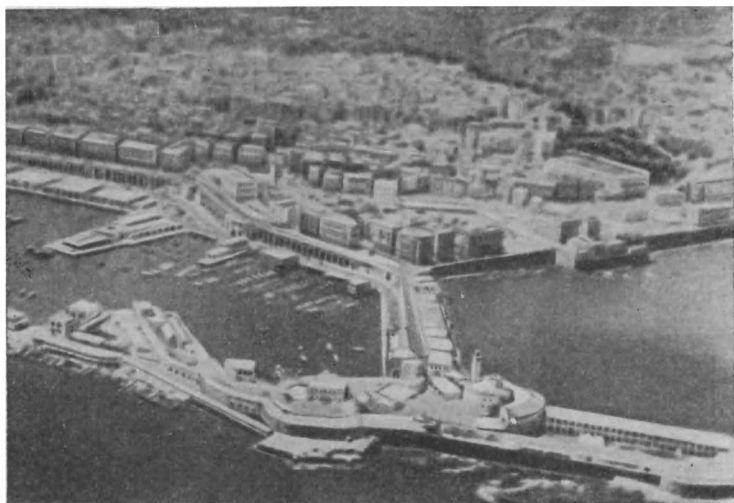
Где ее начало, ее конец?

Неожиданно в приемнике раздался треск. Спортивные известия. Футбольный клуб Тизи Узу выиграл у Эль-Контара со счетом 5 : 2.

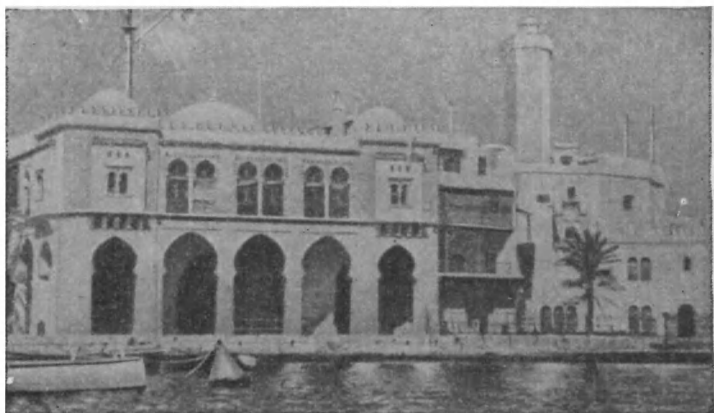
Сказка из «Тысячи и одной ночи» растаяла. Занавес, за которым мгновение назад царило таинственное, сорван безжалостной рукой цивилизации.

Мы не знаем, надо ли радоваться или жалеть об этом?

Поедмте с нами в страну
контрастов, где все чер-
ное и белое и где к югу
от города Алжира вам на
спину польется свинцо-
вый дождь раскаленных
солнечных лучей

Алжир — ворота в Африку — принарядившийся теперь в одежды
современной цивилизации

Гордо отражается в зеркале моря здание алжирского адмиралтейства

Царство нечистот —
уличка Н'Фиссах в ту-
земной Касбе

ОН НЕДАРОМ ПОЛУЧИЛ ОРДЕН ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА

Легкий обед в отеле «Оазис» подавался в четвертом часу пополудни.

Немного слив и фисташек, куски баранины с печеными гранатами, сыр и розоватое вино. У портье нас ожидает письмо: «Grand cheikh Sidi el Hadj Ibrahim ben Sliman благоволит пригласить: M. Jeoffka Boreq et M. Laffsahi Miloche отобедать с ним 29.2.1369 года de l'hégiré» (хиджры!).

После такого приглашения человек в недоумении. Приглашение относится к 29 февраля, а сегодня 14 сентября. Ох да, ведь мусульманский новый год начинается 16 июля, так что все в порядке.

— Дружище, 29 февраля — это сегодня, — помрачнел мсье «Jeoffka Boreq».

— Хорошо, что у нас с собой есть местный календарь. Если так пойдет дальше, мы, пожалуй, доживем и до смерти Карла Четвертого.

Имя шейха Слимана со всеми титулами приведено в письме дважды: сначала арабскими буквами, потом во французской транскрипции.

— Это самый влиятельный человек в Бу Сааде, — объясняет нам владелец отеля. — Знаток истории ислама, философ, мыслитель, немного поэт, большой патриот, почетный член общества «Франция — Ислам». Он очень богат и из своих фондов в Алжирском банке поддерживал национальную алжирскую партию Ферхата Аббаса. Разумеется, лишь до тех пор, пока Ферхат Аббас не присоединился к этим мятежникам.

И владелец отеля добавляет таинственным шепотом:

— Слиман, c'est une personne! — Слиман, это фигура!

Час спустя мы сидим на террасе у шейха c'est une personne. Шейх Слиман — приветливый старик, порой он кажется разговорчивым, порой замкнутым. Своим нежно-белым шелковым одеянием, окладистой бородой, каждым своим движением и архиерейской церемонностью он старается придать себе особую величественность.

— Мои глаза видели много на этой земле. Не только мои телесные, но и духовные глаза. И я пришел к убеждению, что ход мировых событий нельзя изменить никакой людской волей, никакой революцией.

И он стал развивать теорию за теорией, одну страннее другой. Говорил о том, что мира между народами и внутри

каждого народа можно достигнуть лишь братством сердец. Надо создать такое положение, когда все человечество отвернется от материального мира и сольется в единой гармонии. По его словам, путь к этой внутренней гармонии человечеству не может указать ни христианство, ни социализм или коммунизм, а лишь возрожденный ислам.

Шейх Слиман говорит с чувством. Он мистик.

— Если я стремлюсь познать истину, я должен изолировать себя от мира. Только тогда я смогу увидеть сущность всех вещей своим сердцем, но не телесным, а духовным. Тем, что отрешусь от своей физической сущности, я обрету способность смотреть духовными глазами на скрытые таинства. Это подлинное альфана филь-лах — поглощение человека богом. Умереть в мире означает жить в боге. После этого уже не так далек иттисаль — состояние, когда душа отделена от всего телесного и соединена с всемирным. И чем больше людей достигнет иттисаля, тем скорее мы приблизимся к всемирному государству гармонии и братства.

Шейх изрекает, взвешивая каждое слово, а когда упоминает о внутренней гармонии и братстве, касается двумя пальцами сердца. Жестами он напоминает начинающего актера на провинциальной сцене, но голос его звучит убежденно. Каждое движение проникнуто необычайной торжественностью, словно этот непогрешимый великий теоретик хочет сказать: «Смотрите, я пророк. Только я имею рецепт оздоровления человечества». И поэтому: «Следуйте за мной!»

Мы действительно следуем за стариком — в его библиотеку. Она еще более странная, чем ее владелец. В ней главным образом исламистская литература. Религия, философия, мистика. Длинный ряд авторов: Мохамед-эль Батануни, Али Борхан эд Дин эль Галах, Аль Бадауи, Ибн Гихам, Абуль Фида. Рядом с ними религиозные сочинения европейских авторов, знатоков ислама. Например, «Коран, его поэзия и законы» Стенли Лэйн Пуля. Есть здесь и книги об исламе, написанные католиками. Среди них «Символы Магомета, что они означают». Автором ее является аббат Барду, апостольский префект Сахары, знаток исламской символики.

Мы заканчиваем осмотр библиотеки, и хозяин дарит нам по экземпляру французского перевода своего труда с авторским посвящением. Книга называется: «Восток, как его видит Запад» и представляет собой сборник религиозно-крити-

ческих очерков. На обложке читаем, что книга выпущена издательством Г. Пьяцца, улица Бонапарта, 19, Париж.

В саду нам показывают гробницу, которую шейх велел соорудить для себя по своему вкусу. Надгробием служит тонкий мраморный столбик, верхушку которого венчает каменный тюрбан. Надпись: «И над ангелом вознесусь, потому что все мне безразлично, кроме бога». Это цитата из Джалалэддина Руми, персидского поэта, мистика и философа.

Воздух на террасе шейха насыщен ароматом роз. Солнце опускается к горизонту, словно стараясь нанизать себя на высокие стволы пальм.

— Я знаю вашего Масарика, читал Ленина... И все же говорю: развитие, не революция. Гармония, не насилие. Я гуманист и эстет.

— Но позвольте, Сиди эль Хаджи, ведь алжирская политическая партия, партия манифеста, которую вы поддерживаете, считается революционной партией!

— Конечно, конечно,— усмехнулся старик...— Однако если я говорю о революции, я имею в виду людское сердце, а не кулак и кровь. Таково наше мнение, мнение трезвых деятелей партии. Мы не хотим иметь ничего общего с уличными бунтовщиками. Мы готовим всеисламскую революцию сердец путем иттисаля. Ее начал еще пророк, и наш долг продолжать его дело. До победы Гармонии.

Почтенный старик хотел этим, несомненно, сказать, что алжирский народ не имеет права на активное сопротивление колониальным властям. Что идея народно-освободительной революции, которую признают пять шестых алжирского народа, это преступное безумие. Так, к удовлетворению власть имущих, освещает он теоретический вопрос гармонии мира и человечества! А вот на практике он отнюдь не помогает избавиться от нищеты своим соплеменникам, за высокими стенами виллы протягивающим худую руку за милостыней. Ведь красивыми словами о гуманности нельзя помочь покрытым язвами нищим, детям, ослепленным трахомой, больным туберкулезом.

Только теперь мы обращаем внимание, что у шейха на груди сине-белая ленточка ордена Почетного легиона за службу Франции.

Он недаром получил эту ленточку.

Он «друг Франции». Той Франции, которая безразлична к страданиям миллионов алжирцев. К счастью, есть и другая

Франция, которая вносит свой вклад в будущее Алжира. И этот вклад совсем не так мал.

— Разбушевавшиеся силы, такие, как Ферхат Аббас, восстают против французских порядков,— снова изрекает Слиман.— Они хотят, чтобы Алжир получил такое же положение, как соседние Тунис и Марокко. Но скажите сами, господа, с кем французское правительство может договариваться об этом? В Тунисе имеется Бургиба, в Марокко — султан Мохаммед. У нас же нет такой представительной личности, с которой Париж мог бы или хотел вести переговоры!

Выходит, что Сиди эль Хаджи Ибрагим бен Слиман не считается с алжирским народом, с помощью своих организаций объединившимся во всенародном движении, которое называется «Фронтом национального освобождения».

А ведь алжирский народ к вопросу своего освобождения относится со всей серьезностью. Старый колониализм мертв. Речь идет о том, будет ли алжирский вопрос решен путем кровопролития, крупных жертв с обеих сторон или же мирно, на основе непосредственных переговоров Парижа с алжирской оппозицией. Если бы осуществилась вторая возможность, это был бы шаг к созданию подлинного Французского Союза, который согласно французской конституции должен быть содружеством наций, основанным на взаимном уважении и равноправии. Ибо нет сомнений в том, что простой француз сделал и еще немало сделает для развития цивилизации в Северной Африке.

Удастся ли погасить пламя кровавых битв во имя этой цивилизаторской миссии?

Как бы там ни было, небольшая экскурсия в мировую политику убедила нас, что время «Тысячи и одной ночи» безвозвратно миновало.

Иттисаль — это искусство мистиков. Но еще большее искусство, шейх, это твердо стать ногами на своей земле и переделывать ее так, как этого хочет народ.

ВВЕРХ К ДЖЕЛЬФЕ

Нам уже нечего делать в Бу Сааде.

Мы знаем ее чуточку лучше, чем группа американцев и ирландцев, проводящих все свое время за перемешиванием коктейлей в баре «Оазис». От адской жары они защищены куском льда, электрическим вентилятором и большой дозой

жадности к жизни. Оптимизм спортсменов, до сих пор привыкших только выигрывать.

Мы перешли через улочку литейщиков. Перебрались по наносам мелкого сыпучего песка к местному кладбищу, и в обществе мертвых, спящих под вздымающимися к небу каменными столбами, почувствовали себя совсем неплохо. По дороге нам дали резной матрак, бич с кожаными хвостами. Теперь не хватает только сущей мелочи — верблюда.

— Когда в радиаторе выкипит вся вода, будем этим бичом подгонять наш рено,— шутит Божек. И нажимает стартер.

Ближайшая цель — Джельфа.

Следующие 112 километров — езда по выбоинам. Вы едете по алжирской писте, полоске укатанного песка, отмеченной камнями или консервными банками. Местами она переходит в относительно гладкую дорогу.

Дьявол бы побрал эту алжирскую писту! Но в конце концов вы скажете, что лучше плохая дорога, чем никакой. Как иначе вы смогли бы попасть в Джельфу?

Унылая картина без растительности, без тени. Голые скалы с острыми гранями. Так, наверное, выглядит лунный пейзаж. И действительно, то, что мы здесь видим, напоминает кратеры давно погасших вулканов. Миллионы лет назад, вероятно, тут кипела жизнь. Об этом свидетельствуют окаменелые отпечатки удивительных растений, мхов, папоротников.

Обгоняем автобус. Он может служить экспонатом в политехническом музее. Автобус дважды в неделю ходит по маршруту Бу Саада — Джельфа. Обычно владельцами таких автобусов являются местные предприниматели. Некий Бен Насер, охваченный коммерческим вдохновением, купил несколько старых колымаг. Потом он организовал, предварительно разрекламировав свое мероприятие, местное сообщение по пистам в глубинных районах страны. Там, где Банк Ротшильда не решился вкладывать свои капиталы.

За баранкой автобуса сидит европеец с испачканным носом и в промасленной спецовке. У него такой вид, словно он только что вышел из кабачка на одном из углов парижского предместья Клиши.

— Любуетесь, какие новые ковчеги тут ездят, не так ли? — скалит он в улыбке зубы.

— А компания Бен Насер хорошо платит? — спрашиваем мы в свою очередь.

— Господа, только не смейтесь! Бен Насер, конечно, зарабатывает миллионы. Но платит он за километры. А кто мне поможет, когда хлопнет по плечу малярия? Социальные реформы, о которых болтают повсюду, не относятся и долго еще не будут относиться к этой стране. Тем более к компании Бен Насер. Это строго ортодоксальная исламская компания. Она скажет слово — и завтра тебя найдут в колоде, потому что ты оскорбил истинную веру. Бен Насер знает, как устраивать такие дела.

Интересный показатель отношений европеец — туземец. Схема, гнездящаяся до сих пор в наших головах, утверждает: туземец работает на бездельника европейца. Нонет ли исключений из этого правила?

Большой урок для нас: оказывается, не все европейцы в колониях являются эксплуататорами и не все туземцы эксплуатируемыми. Как и любой шаблон, это применимо не ко всем случаям жизни. Есть алжирцы, чьи автомобили, виллы и гаремы появились из пота и крови и алжирцев и . . . европейцев! И наоборот, не каждый европеец в колониях является авантюристом или рантье, живущим на проценты со своего капитала. Камрад Пьер, который приехал из Франции в Алжир в трюме грузового судна, живешь ли ты на свой капитал?

Мне кажется, что и папаша Лефевр, тот, что дробит гравий на шоссе у Сакамоди, не живет на дивиденды.

Тысячи простых французов, итальянцев и других европейцев честно живут здесь трудом рук своих. И шофер автобуса фирмы Бен Насер принадлежит к этой армии. Его жилистая рука, испачканная маслом, с поломанными грубыми ногтями — это не рука эксплуататора.

Повод задуматься для нас, видевших основу общественного устройства в колониях в несложном шаблоне: европеец господин — местный житель раб. Такое упрощение действительности не имеет ничего общего с настоящей поддержкой народно-освободительной борьбы в колониях. Оно не приносит пользы и самому алжирскому народу.

Но уже стемнело, а мы, как муха в паутине, все еще ползем по нагорью Джебель Улед Найл. Дорога проложена среди обломков скал. Страна нетопырей и летучих мышей! Голые утесы вырисовываются на зеленовато-прозрачном горизонте, образуя странные и пугающие сочетания. Беспорядочно торчащие острые пики, вздымающиеся среди каменного приборья, напоминают оскаленные зубы дракона. Если бы мы были мусульманами, мы бы уже начали вызывать к аллаху,

произнося все его девянсто девять имен. Я Рагим, я Джабар, я Ракиб! О милосердный, о всемогущий, о всевидящий!

Мы не паникеры, но, несомненно, здесь обитает какой-нибудь ископаемый ящер, который в подходящий момент вылезет и... брр!.. проглотит наш «летающий ящик» со всем его содержимым. Правда, в нашем автомобиле образцы стекла, а чешское стекло твердое. Желудку ящера не поздоровится!

Однако чудовище так и не появилось в блеске наших фар. И насмешники — джины с головой жабы и крыльями нетопыря — тоже решили, по-видимому, игнорировать нас.

А в это время наш «летающий ящик» размышляет о том, то ли сначала объезжать выбоины, то ли стойко подсакивать «на шторах».

Вы спросите, что такое штора. Это участок дороги, покрытый поперечными канавками, как металлическая свертывающаяся штора магазина.

— Сначала езда по выбоинам. А теперь второй номер программы: езда по железным шторам, — недовольно шипит Божек.

— Не волнуйся, после Джельфы попадем на шоссе и поедem по хорошей дороге до самой Гардаи, — успокаиваю я своего шофера. — Действительно, вот уже поблескивают какие-то огоньки. Конечно, это Джельфа.

В ГЛАВНОЙ РОЛИ ЛЮБИМИЦА ВЕРУЮЩИХ

— Вы находитесь на земле «Territoire Militaire de Sud»*, господа, — заявил нам скрипучий от песка и скрытой злобы голос. Обладателем этого голоса оказался сержант, недовольный иностранцами, нарушившими его покой.

Военная территория Юга! Конец «европейского» Алжира, состоящего лишь из трех департаментов: Алжира, Константины и Орана. Конец цивилизованной полосы северного побережья Африки. Начало безводных и безлюдных пустынь.

В то время как в северных областях Алжира, разделенных на департаменты, власть находится в руках гражданских учреждений, здесь на юге она безраздельно принадлежит военным гарнизонам, рассеянными в беспредельном океане песков.

Печать «государства в государстве»! — военной территории Юга — ставится в наших дорожных паспортах. Евро-

* Военная территория Юга.

лейская цивилизация с громким стуком закрыла за нами двери.

Тем лучше!

Вечерняя Джельфа шумит, как пчелиный улей. Посередине узкой улочки, окаймленной стенами без окон, стоят фигуры в белых бурнусах. Тюрбаны крошечные, чуть больше и просто огромных размеров. После вечерней молитвы никто сразу домой не идет. Всевозможные запахи смешиваются друг с другом, словно краски на палитре художника. Что больше всего интересует, это толпа сынов Джельфы около пестрого плаката. На нем по-арабски и в исковерканном французском переводе написано:

Сегодня кинофильм

В программе „Похищение прекрасной Зобейды“

Египетский фильм.

В главной роли любимца верующих

Тайя Тарука

Вы увидите случай из жизни, где добро и справедливость побеждают зло, потому что аллах воистину велик и всемогущ.

Всего 50 франков за человека.

Через несколько минут мы сидим в импровизированном «кинотеатре». Это зал местного мусульманского мактаба — школы. Скамейки сколочены из пальмовых досок. Бог знает откуда их взяли, потому что ученики обычно сидят на циновках. В первых рядах местная знать, из-за их огромных тюрбанов плохо видно. Хорошо, что хоть экран расположен довольно высоко.

Едва в зрительном зале появились первые посетители, как сразу же разгорелось сражение из-за мест. Каждый стремился не на задние, а на передние места, чтобы видеть героиню фильма с самого близкого расстояния. Водопады цветистых проклятий — а в этом отношении арабский язык поистине поэтичен — низвергались в зрительный зал. Почтенные старцы с библейской внешностью, еще минуту назад важно и торжественно сидевшие в кофейне за партией в шашки, очутились в самом стремительном водовороте. Еще четверть часа назад являвшие воплощение стоического спокойствия, теперь они выплевывают сочные проклятия по адресу

сыновей, внуков и остальных родственников более счастливого соперника. Они трясут друг друга, толкаются, кричат, что совсем не вяжется с величественным видом этих почтенных старцев.

— Чтоб пес сожрал тебе бороду! — не раз слышим мы за своей спиной.

Ответ не заставляет себя ждать.

— Аллах да иссушит твой мозг, сын оспы! Пусть твоя борода украшает зад осла!

Несмотря на такие витиеватые пожелания, в них на самом деле не было никакой злобы. Это было просто излюбленное вступление к культурному мероприятию.

Хорошо еще, что в кинотеатр не пускают женщин.

В конце концов мы были вынуждены примириться и занять свободные места, не пытаясь пробиться к своим местам. И вот начался фильм... Немой фильм о прекрасной Зобейде, которая безумно влюбилась в молодого Теуфика, но по воле собственного отца была помещена в гарем старого богача. Молодой Теуфик — это «положительный герой», поэтому он, разумеется, старается вовсю. Переодетый врачом, он лечит старого богача и, улучив подходящий момент, похищает Зобейду в автомобиле. За автомобилем, конечно, организована погоня, и Теуфика ранят в плечо. Зобейда не только красива, но и всесторонне развита: она управляет даже автомобилем и потому уверенно садится за руль, сменяя раненого героя. Наконец, молодой паре удастся избавиться от всех неприятностей, ибо «цветок любви мил сердцу аллаха».

Означает ли освобождение Зобейды из рук старого богача прообраз освобождения арабских народов из-под ига колонизаторов? Кажется, что публика именно такую символику и ощущает. Старый богач уж слишком напоминает колонизатора, начинающего ощущать признаки старческого ревматизма, несмотря на блеск всего своего богатства.

Интереснее наблюдать за публикой, чем следить за ходом событий на экране. Когда развитие интриги замедляется, зрители грызут сахарный тростник или семечки подсолнуха.

А в это время на полотне развивается драма: бешеная погоня, бегство по крыше гарема. Публика переживает так, словно зрителей коснулась волшебная палочка. Все вскакивают с мест. Крики подбадривают и без того отважного героя. Ладони сжимаются в кулаки и мелькают в воздухе. А каждое

появление прекрасной Зобейды на экране сопровождается поощрительным «ууух!».

Актриса Тайя Тарука — любимица публики! Красивейшая из красавиц! Ее глаза — свет луны, ее бедра — мраморные столбы, поддерживающие небо!

Египетский фильм обитателю Сахары, несомненно, ближе, чем фильм французский или американский. Хотя бы потому, что в египетском фильме выступают мусульмане, люди его крови, братья по языку и вероисповеданию.

Да, кроме того, Египет стоит во главе освободительной борьбы арабских стран. Египетский фильм сегодня — это алжирский фильм завтра. Он интересен для жителя берегов Нила, так же как и для обитателя оазиса в Сахаре.

Цветистые фразы, по-восточному торжественные жесты. Мечь. Мужественный поступок. Обретение независимости!

— Уюююух! — радуется публика благополучному концу. Теуфик сжимает в своих объятиях прекрасную Зобейду.

— Ты благоухаешь, как сад аллаха! — говорит ей Теуфик.

— Ты навсегда останешься зрачком моего глаза! — отвечает она.

Фильм кончается. Свет. Публике совсем не хочется расходиться.

И тут происходит нечто совершенно неожиданное. В кинотеатр врываются стражи порядка с дубинками в руках.

В несколько секунд упрямые зрители выброшены за двери. Многие уносят из кинотеатра, кроме эстетического удовлетворения, шишку на лбу или здоровенный кровоподтек на спине. Вероятно, это обычное явление. Во всяком случае никто не протестует, потому что «воистину аллах велик и все милостив!»

В ПУСТЫННЫЕ ПРОСТОРЫ ЮГА

ВЕСЕЛЬЕ БУРЛИТ В ЛАГУАТЕ

Еще 112 километров к юго-западу. На этот раз, представьте, по настоящему шоссе. Через нагорье Улед Найл мы перебрались совершенно благополучно, а главное — с неповрежденными покрывками. Высота 1200 метров над уровнем моря, но у нас, уже опытных путешественников, голова и от такой высоты не кружится.

Будь благословенна, изумительная долина, в золотисто-желтом песке которой тут и там высятся стройные пальмы!

Будь благословенна, полувысохшая речушка Уэд М'Зил, что наполняет влагой каналы в пальмовых рощах!

Будьте благословенны, древние, потрескавшиеся стены, дающие тень вечно жующим ослам и верблюдам!

Будь благословен, скрипящий журавль колодца, будь благословен, веселый базар с крошечными кофейнями, улочкой чеканщиков и с зелено-бело-черными узорами ковриков!

Все это составные части городка Лагуат, живописно раскинувшегося на склонах Джебель д'Амур — Нагорья Любви. Составной частью веселого Лагуата являются не только кубба, гробница халифа из рода Ларбаа, но и автобусный гараж у северных ворот. Составную часть Лагуата представляет и синьор Малокко. Он служит в фирме «Хабиб и Хабиб» и держится необыкновенно торжественно, когда мы передаем ему «летающий ящик» с образцами чешского стекла.

— Гром и молния, вот это будет ходкий товар! — восхищается он, — ей-богу, это обязательно нужно отметить. Пусть на это уйдет половина моих комиссионных!

Синьор Малокко итальянец из Триполитании. Желу у него убили в прошлую войну во время авиационной бомбардировки. Когда в 1945 году «оборону» Триполитании взяли в свои руки англичане, они оставили почти всех итальянских помещиков в покое, но тысячи мелких итальянцев-колонистов выселили из страны под предлогом, что они симпатизировали итальянскому фашизму. Среди изгнанных был и синьор Малокко.

Синьор Малокко ненавидит нынешних английских хозяев Триполитании, но он слишком хороший коммерсант, чтобы открыто говорить об этом. Он любит Италию и верит в нее. Мы тоже. Хотя, вероятно, немного иначе, чем он.

В берберийской кофейне за ярким, расшитым бисером занавесом уютно. Приучитесь сидеть на циновке со скрещенными ногами, и вам покажется, что вы дома. Скажем, как в трактире в Жевницах около Праги. Только это африканские Жевницы.

Французы завоевывали Лагуат целых восемь лет — с 1844 по 1852 год. В последний раз эта «Жевница» испортила им настроение в 1955 году.

— Увидите, как берберы забавляются, — обещает нам синьор Малокко. — Это люди с открытым сердцем. А их девушки... впрочем, *vederete aggr un meraviglia* — то есть увидите чудеса еще сегодня.

Мы должны сгорать от нетерпения? Вовсе нет.

Импровизированные подмостки. Точнее говоря, подмосточки. Что здесь будет происходить?

Занавес медленно поднимается. Два посоха с резным мужским тюрбаном вместо набалдашника заменяют актеров. Живой диалог. Веселый смех. Выскакивает еще один актер-посох. Аплодисменты. Снежно-белые зубы посетителей сияют в улыбке.

Нечто вроде кукольного театра, только в берберийской постановке.

Меняются декорации. В кальяны доливают воду. В латунных чашечках благоухают новые порции зеленого чая.

Бренчит старинный струнный инструмент дарбука, гремит бубен. Берберский бубен — оригинальная штука. Своим звуковым рисунком он создает у слушателей напряженное состояние. Бубен наполняет воздух непостижимым трепетом, и все чего-то ждут. И вот откуда-то из полумрака течет протяжная, жалобная мелодия.

В кофейню танцуя входят две девушки. Без покрывал на лице — ведь они свободные берберки! У них естественная улыбка. Ничего профессионального, вымученного. Это не судорожная, натянутая улыбка профессиональных танцовщиц, «свободных предпринимательниц» алжирской Касбы.

Черные бархатистые глаза.

А в глазах огонь. Он воспламеняет сердца и словно вещает: «Мы можем зажечь пожар. Мы — пламя страсти, которая горяча, как ветер, и сушит мозг».

Водопад густых черных волос. Легкие атласные лифчики, расшитые блестками. Шелковые шаровары, схваченные над лодыжками. Цветной стеклярус. Пятки выкрашены хенной в синий цвет. Что ни движение, то металлический звон. Браслеты из серебряных монет звенят на запястьях и лодыжках.

Девушки, в тело которых вселился дьявол. А ведь каждой не больше пятнадцати лет.

Внимание, представление начинается!

Волнующий змеиный танец харраки. Сначала порывистые движения живота, неожиданные вкрадчивые изгибы, полные мягкости и неги. Тоскующе разведенные руки. Снова судорожные движения живота, мимика, говорящая о напрасном ожидании и отчаянии. Трепет, волнение и внезапно трагический финал — абсолютная неподвижность.

Прекрасные девушки, но кто их хореограф?

Слово имеет флейта зуммара.

Танцует Зейнех, на этот раз под покрывалом. Она имитирует грусть покинутой женщины. Томительное ожидание выражено полными нетерпения мелкими шажками и грустными жалобными позами. Потом рука, поднесенная к глазам, как бы сообщает: милый уже виден. Ликующая радость по поводу его возвращения. Чередование пластических движений и поз сменяется быстрым кружением, почти вихрем. Апогей изображает ликование, и вот танцовщица сбрасывает итам, покрывало. Кокетливо прищуренные глаза и поклон означают благодарность зрителям.

Впечатление от танца неотразимое.

Не остатки ли это древних танцевальных феерий в честь финикийского божества Эшнунны? Или это только обычный трюк для привлечения в кофейню посетителей?

Кто знает...

Таково наше вступление и в самый мрачный и в то же время самый светлый уголок Алжира, в страну Мзаб.

О БЕЗРАБОТНОМ ТЮРЕМЩИКЕ

На краю Лагуата приютилась полуразрушившаяся постройка, почти без окон. В трещинах стен пучками растет трава, двери деревянные, с тяжелыми железными запорами.

Перед дверями на циновке проводит свой кейф, послеобеденный отдых, старик, щурающий глаза на солнце. Веки

у него опухли, сухое, как пергамент, лицо изрыто сотнями морщин. Тюрбан засален до блеска.

— Мсье, господь бог не забудет тех, кто одарит милостыней его слуг,— поет он хриплым голосом.

Ну, что же, так уж принято на Востоке. Лезу в карман (в который уж раз сегодня!), чтобы обеспечить себе расположение аллаха.

— Кто вы такой?

— Владыка королевства, именуемого зинданом (тюрьмой). Это дом тьмы, дом размышлений. Он мил взору и аллаха, и людей, потому что заблудшему здесь возвращается набожность и свет истины.

Я недоверчиво оглядываю ветхую постройку, будто бы — по словам старика — такой милой и богу, и людям.

— Брр! Каким запахом несет от этого «дома размышлений!»

— В зиндане ничего не забыто для удовлетворения человеческих потребностей,— рассыпается перед нами тюремщик. — Разве в китабе (Книге) не написано, что каждое место, на которое ступила нога кающегося грешника, должно благоухать лавандой и амброй?

С величайшим самоотречением мы решаемся войти в зиндан. Медленно, с визгом и скрипом поворачиваются на ржавых петлях тяжелые ворота. Сразу же за ними в коридоре помещается квартира тюремщика. Огромный очаг. Огромные усаые тараканы неохотно расползаются по углам.

Мы осматриваем камеры. Свеча в руке зиндан-баши служит единственным источником, освещающим темные уголки размышлений. Пол буквально кишит насекомыми. Запах «лаванды и амбры» удерживает нас на почтительном расстоянии от обширной камеры на двадцать человек. Но сейчас здесь ни одной живой души.

— Удивительно! Тюрьма есть, а узников не видно. Не разбежались ли они из этого дома размышлений, пока вы отдыхали после обеда? — подшучиваем мы над стариком.

— Милостью божией,— отвечает он,— в этом зиндане редко гостят заблудшие души. И вовсе не потому, что нет людей, которые переступают а д а т, закон пророка. Крупных преступников сажают в военную тюрьму в городе, а сюда попадают лишь мелкие грешники. Эти проводят здесь день, два. С большинством из них приходится разговаривать при помощи арапника, который и в моих старых

руках свистит как бич ангела Азрафила. Да, кроме того, у меня двое помощников. А теперь я покажу вам помещение, где свершается справедливость.

Мы проходим по тюремному коридору. Повсюду запах гнили. Тяжелый массивный ключ гремит в замке. Зиндан-баши открывает обширную камеру. Дневной свет попадает сюда только сквозь решетку в маленьком квадратном оконце. Здесь нет ничего, кроме скамейки, к которой привязывают провинившихся для порки.

— Это скамья воплей, но она же и место благовещения, ибо делает грешника чистым перед лицом аллаха. В день последнего суда все люди предстанут перед взором милосердного. У клеветников повиснут языки до колен, а изо рта у них будет исходить зловоние. У воров пальцы рук покроются язвами, и они станут в три раза больше, чем у обыкновенных людей. Так, на каждом человеке явят себя грехи, совершенные им при жизни. Те же, у кого на спине сохраняются следы моего арапника, найдут любовь в глазах аллаха, потому что грехи их были смыты еще на этом свете.

Вот как, оказывается, гуманна и филантропична должность тюремщика.

— К сожалению, вот уже две недели как я без работы, — жалуется старик, играя арапником. — Когда некого наказывать, мне и моим помощникам нечего делать. Прямо беда!

Тусклый свет, падающий в «камеру размышлений», все же дает нам возможность прочесть надписи, сделанные на стене. Одна из них особенно растрогала нас. Звучит она буквально так:

Пятнадцать ударов за то, что я шутил с женой муфти у колодца в полуденную жару. Ее щедрость при свете звезд с излишком вознаградила меня за такое пустяшное наказание.

Другие надписи тоже свидетельствуют об удовлетворении клиентов:

Здесь третьего дня месяца шаувала я получил тридцать ударов по пяткам от зиндан-баши Абдул Касима Бен Фаджари ибн Атали — да будет благословенно его имя, да защитит его аллах!

Старик не без гордости показал нам как эту, так и другие надписи. С такой же гордостью владелец гостиницы

где-нибудь в Европе показывает книгу с благожелательными отзывами почетных посетителей. Мы покидаем зиндан с убеждением, что лагуатская юстиция — самый гуманный и остроумный институт в мире, остров разума в океане глупости.

Безработный тюремщик гремит засовами и, моргая хитрыми глазками, медленно садится на завшивленную циновку перед своим учреждением. Потом он просит у нас еще горсть франков — да будет благословенно его имя, да защитит его аллах!

БЕРБЕРИЙСКАЯ ПРИНЦЕССА ЗЛА

Над высохшим руслом Улед М'Зил искрится утро. Ноги вязнут в песке, похожем на охровую муку.

Солнце начинает припекать.

Высокие стройные стволы кокосовых пальм с раскидистыми веерами на вершине почти не дают тени. Километрах в тридцати отсюда, в горах, лежит Таджемут. Это не обычные горы, а Джебель д'Амур — Горы любви!

Здесь же любовью занимаются, правда, не даром, дочери Улед Найлы, берберки. Кроме того, они самые лучшие под солнцем ворожеи, заклинательницы и танцовщицы.

Почему они так веселы и игривы, когда сотни их умирают от туберкулеза на глиняном полу в логовищах на склонах гор?

Почему они так вызывающе танцуют и гремят браслетами, когда пшеничной лепешки едва хватает, чтобы насытить их молодой желудок?

Почему с такой беззаботностью кружатся они под своими покрывалами, когда большинство из них едва доживает до сорока лет?

Не знаю. Может быть, потому, что все это предопределено в Книге?

Нужно спросить об этом их самих. Здесь, в далеком Таджемуте.

— А вот холодная вода, холодная вода! — Хромой старик с изрытым оспой лицом тащит на спине мех из козьей шкуры. Шерсть обращена внутрь.

— Глоток этой воды откроет для вас двери рая, — расхваливает он свой товар.

— За двести франков, господин, — предлагает совсем другой товар дородная, но отнюдь не безобразная берберка.

— Если тебе не хватит моего искусства, у меня есть зудж бенат, две дочери. Они все умеют, даже танцевать и делать заклинания.

— А где твой господин? — любопытствую я.

— У меня нет господина. Господин есть у арабов и слуг бея. У меня есть муж. Он занимается торговлей в Лагуате. Разносит по домам древесный уголь. А я с дочерьми продаю мужчинам радость.

— Так вы все работаете?

— Аллах хочет, чтобы мы жили.

— Я дам тебе двести франков, если ты покажешь свой дом!

Мой «Роллифлекс» заряжен. Сколько людского горя поместится в его камере!

Глиняный, утопанный пол покрыт грязными рогожами. В сенях — старый очаг, глиняные кувшины, ведро для воды. Запах чеснока и овчины. За плотной занавеской «приемная» для гостей.

В задней комнатухе, завешенной портьерами и наполненной ароматом благовоний, подперев рукой щеку, лежит принцесса Зла.

Да, это она. Та самая, о которой Ибн Тихам говорит: «Это цветок жасмина для мужских глаз и вместилище порока, который разъест душу».

Кожа цвета бронзы. Хрупкая красота, полная женственности. Густые, черные, как смоль, волосы, водопадом низвергаются на сильные смуглые плечи. Такие волосы бывают грубыми, каковечья шерсть. Целомудренность и пропорциональность черт, которым бы позавидовала и античная богиня, вышедшая из-под рук греческого скульптора.

Но у принцессы Зла глаза не имеют ничего общего со спокойным взглядом Афродиты. Они полны вызова и необузданности дикой кошки. Пухлые, влажные губы женщины Востока слегка раскрыты в ожидании.

Из какого мира пришла сюда она, эта языческая богиня?

Сошла с полотен мастеров итальянского Возрождения?

Ах да, Айшуш не знает, что такое Возрождение. Она не умеет ни читать, ни писать. Умеет только страстно ласкать. И, вероятно, еще страстнее ненавидеть.

Если бы сейчас был 2000 год, то и этот уголок Алжира был бы, вероятно, другим. Айшуш обитала бы в простом, но гигиеничном жилище, изучала бы медицину или собирала на фабрике телевизоры. Но хотя это время уже не так

далеко, она еще живет в глинобитной мазанке, считает только по пальцам и верит в «дурной глаз». Не сомневается в охранительной силе фатмы, амулета в форме протянутой женской руки, который правоверная мусульманка носит на шее вместо медальона.

За пять-шесть крон Айшуш отдается каждому, кто пожелает, и лишь изредка к дару тела добавляет и дар своей души — нежность.

Принцесса Зла на мусорной куче забытого мира.

Прощай, сверкающая жемчужина в венце порока.

БОРЕЦ СО СМЕРТЬЮ

Солнце прошло уже значительную часть своего пути, но доктор Дюверье все еще не делает перерыва на обед.

— Вы только взгляните на эти описания малярийных кровяных телец от В 63 до В 98, — обратился к нам какой-то мужчина лет сорока в белом халате. — Да, только одни эти описания уже прославили доктора Дюверье в пастеровском исследовательском центре в Париже.

Предметные стеклышки, шприцы, физиологический раствор, микроскоп и диаграммы.

Это царство доктора Дюверье.

Медицинская станция. Она расположена на краю Лагуата. Ряд продолговатых палаток и простой деревянный барак с надписью:

CENTRE REGIONAL D'EDUCATION SANITAIRE*

Окна завешены противомоскитными сетками. Две-три стройные кокосовые пальмы раскинули свои листья-веера в жарком неподвижном воздухе. Над баракom белый флаг с красным полумесяцем, то же самое, что у нас красный крест.

Местные жители знают, что это означает.

Это означает инъекцию, успокаивающую желудочные схватки, чистую постель (возможно, впервые в жизни), теплую грелку во время приступов малярии, наконец, ободряющие слова и улыбающийся взгляд из-под очков с золотыми дужками. Таков доктор Дюверье.

* Региональный центр медицинского просвещения.

— Мы работаем над очень интересными вещами, господа,— говорит он, словно разговаривая сам с собой.— Проблемой дня является трахома. Мы лечим ее всяческими способами... Сульфонамид, ауэромицин. Но вы, несомненно, знаете, что трахома вызывается невидимым вирусом. Этот вирус не переносит температуры большей, чем температура человеческого тела. Если бы возбудить в организме человека небольшую горячку, вирус был бы положен на обе лопатки. Однако вызвать горячку, введя плазмодий крови, зараженной малярией, означает в этом климате изгонять черта дьяволом. Искусственная безвредная горячка, вызванная облучением коротковолновыми лучами, это было бы хорошее решение...

Перед баракom ожидает целая толпа. Это больные трахомой. Начинается трахома незаметно: слезятся глаза, возникает такое чувство, будто в них что-то попало, конъюнктивы набухают кровью. Обычно житель Сахары не придает таким мелочам никакого значения. Если аллах допустил происки злого духа, значит так надо. Но когда вокруг глаз образуются гноящиеся язвы, больной начинает «лечиться» у местного врача — «хакима». Само собой разумеется, что трахома никак не реагирует на его заклинания и заговоры и все дальше поражает ткани глазного века, вызывая уж совсем неприятные ощущения. Кажется, что у пораженного трахомой глаза постоянно прищурены. У него меланхолическое, даже тупое выражение лица, апатичный вид, из которого его не выводят даже рои мух, выющиеся вокруг загноившихся век.

— Разрешите вопрос, доктор? Почему вы оставили Париж и приехали в Лагуат, в пустыню. Личные обстоятельства? Или...

— Нет. Обстоятельства научные, и только. Желание специализироваться в тропических болезнях. И потом... Кто-то должен в конце концов заниматься здесь врачебной практикой. Обыденной, ежедневной работой врача. Возвышенные речи в парламенте алжирцам не помогут. Нужно меньше думать о личных удобствах и больше — о помощи ближним. О нет, я совсем не гуманист, не альтруист и даже не филантроп. Я простой француз, ничего больше. Я выполняю свой долг.

— Как вам работается здесь? Вероятно, вас встречают здесь недоверие?

— Суеверия и предрассудки, естественно. Они здесь на

каждом шагу. Большинство людей до сих пор верит хакимам. Доверие можно заслужить не словами, а практическими результатами своей работы. Ликвидировать трахому, снизить детскую смертность, избавить их от экземы — это доводы, которые поймет самый упрямый фанатик. Полками резервистов и огнеметами нельзя привлечь к себе сердца жителей Сахары. Наукой можно. Этим, только этим можно добиться в один прекрасный день действительного взаимопонимания между Алжиром и Францией, как понимаю его я, простой французский врач.

— Вы работаете среди населения и... как агитатор?

— Да, и как агитатор. Но я не убеждаю туземцев в преимуществе наших «измов». Не убеждаю их повышать жизненный уровень, в то время как они до сих пор не знают, для чего служит зубная щетка, которой, как правило, не имеют. Я агитирую тем, что прежде всего вижу в своих пациентах людей. А людям надо помогать. Это мой долг.

Таков доктор Дюверье, француз с прозрачной, просвечивающей на руках кожей и с чистым сердцем. Он ищет путь к сердцу алжирцев и непременно его найдет.

Он знает душу человека, живущего в каменистой пустыне на границе цивилизации.

К примеру, такой случай: в окрестностях появились венерические больные.

На плакатах, которые выпустила медицинская станция, было написано:

Вспомни, что сказала Айша (жена пророка): Держи свое тело в чистоте и не отказывайся от лекарств. Если увидишь, что твое тело посетил злой дух немочи т'сафья (гонорея) или мердек'кбир (сифилис), обратись на медицинскую станцию в Лагуате.
Это советует тебе врач — твой друг.

Такова его визитная карточка. Доктор Дюверье изучает коран, местные обычаи, настроение людей. Он пользуется и мусульманскими религиозными предписаниями, чтобы заставить население придерживаться основных законов гигиены.

Его труд это не только уколы. Не только чирканье цветным карандашом в больничном листке. И не только впрыскивание атебрина и плазмоцина против малярии.

Это глубокое знание психологии человека.

Выиграет ли пенициллин битву с заклинаниями местных хакимов? Наука — с суеверием? Доверие — с недоверием? Жизнь — со смертью?

Если когда-нибудь здесь возникнет современный африканский город с белыми постройками в арабском стиле, с фонтаном и парком, тут должен быть поставлен и памятник самоотверженному человеку, прокладывавшему путь африканскому будущему. Памятник Неизвестному врачу.

ДВОЕ ИЗ ТИЛЬГЕМПТА

Из Лагуата мы едем дальше, на юго-восток.

— Дорога как около Фридка, — заметил Божек, намеренно приглушив рев дизеля.

Здесь Фридек называется Тильгемпт. Желудок напоминает о себе.

— Алло, не скажете, где здесь можно перекусить?

Сухопарый человек в огромном, неестественно высоком тюрбане с достоинством склонился перед нами.

Тюрбан словно гора да к тому же украшен шнурами!

— Я здешний писец. Аллах одарил меня ученостью. Если ты не знаешь, с кем говоришь, будь добр и выслушай мое имя: Сахнун Лакдар бен Ами бен Ламрани Барек. Слава моих отцов и отцов моих отцов гремит от Эль Голеа до оазисов Туату, а моя слава — еще дальше. Теперь ты знаешь, кто перед тобой, о чужеземец.

— Как я вижу, ты большой человек, и поэтому ты должен знать, где здесь можно утолить голод.

— Сойдите с машины, чужеземцы, и следуйте за мной. Мой брат, который живет вон там, самый богатый человек в этих краях, так же как я — самый ученый. Я поведу вас в его дворец.

Кажется, этот приветливый человек не страдал недостатком чувства собственного достоинства. Только теперь мы обратили внимание на его грушеобразный нос, над которым возвышалась костяная оправа очков без стекол.

Через минуту мы входили во «дворец» «самого богатого» человека в Тильгемпте. Обычная глиняная постройка. На полу разбросаны дырявые соломенные циновки. Вокруг погасшего очага беседуют огромные тараканы.

— Как вам нравится наш дворец, господин? Восхитительно, не правда ли? Подождите, сейчас придет брат.

Наконец, приковылял и «самый богатый человек». Собственно говоря, «самый богатый» и «самый знаменитый» походили друг на друга, как две капли воды. Такой же бесформенный, огромный тюрбан, такой же грушеобразный нос, такие же огромные очки без стекол.

Церемония знакомства. Тильгемптский «богач» раскланивается так, как будто его приветствует весь мир. Желает «мира» и девять раз столько лет, сколько нам определено в Книге.

— О аллах, какая радость, какое удовольствие! Большие люди приехали в наш Тильгемпт!

И так далее.

Слово взял в конце концов писец.

— Господин, у тебя бумага от самого губернатора, ты ученый и журналист, значит, лицо почти столь же известное, как и я. Это накладывает на тебя обязанности. Напиши в свои газеты, пусть не посылают сюда никаких учителей. Между нами, учеными, чем меньше образования, тем лучше для нас. Я — единственный человек во всем Тильгемпте, умеющий читать и писать. Когда кто-нибудь захочет написать вексель, он приходит ко мне, платит четыреста пятьсот франков, а я еще думаю, стоит ли соглашаться. Любовное письмо стоит еще дороже. Кто бы стал экономить на той, кто является светом его души! Я говорю: пусть только резидент имеет своих учителей. Образование ведет к тому, что простой народ начинает больше уповать на свой разум и отворачивается от святых. Школа это выдумка дьявола — аллах да обратит его в камень!

— А когда ты умрешь и в Тильгемпте не будет другого писца? — спрашиваем мы Самого Знаменитого.

— Тогда люди будут ходить к моей гробнице. Весь мир будет скорбеть о моей кончине. И аллах — если он пожелает — даст мне новую жизнь. Я снова буду самым знаменитым писцом в Тильгемпте.

— А ты действительно убежден, что ты самый ученый человек под солнцем?

— Как же иначе? Ведь я читал коран и могу назвать семь небес. Ведь я знаю, что Москва самый большой город в великой Билад Франсия, а инглизи — это большое племя, которое живет на острове, называемом Лондон. Они не знают тайны огня и поэтому питаются сырым мясом «биф-т-ек».

— Ты действительно мудрый и образованный человек. Но теперь-то ты продашь нам что-нибудь съестное?

— К еде я не имею никакого отношения. Что значит голод тела по сравнению с голодом души? Удовлетвори сначала голод своей души, чужеземец. Если ты дашь мне кхем-смиа феранк — пятьсот франков, я напишу письмо той, что является зарей твоей жизни и цветком лотоса...

Дерзость этих людей не имела границ.

Мошенники? Или же безвредные сумасшедшие, на которых мы случайно натолкнулись?

Но и они занимают свое место среди наших встреч в Сахаре.

ЗВЕЗДЫ НАД БЕРРИАНОМ

Пустынные, безлюдные просторы Юга!

Над нами бездонное, бесконечное зеленовато-прозрачное небо.

Вы знаете, что значит, когда человек боится своего голода?

А вокруг нет ничего, кроме песка. Безводная смерть. Пустыня. Эс-Сохра. Но она совсем не однообразна, эта Сахара, наносящая горы песка здесь, под Беррианом. Однообразие там, где нет перемен. Здесь же отсутствие перемен только кажущееся. В каждой песчинке бурлит жизнь. Именно сейчас, при магическом лунном свете, на песчаных склонах возникает удивительная игра света и тени. То же самое и с жизнью этой страны: благодаря сохранившемуся древнейшему общественному устройству возникает игра острейших противоречий. Это сказочные богатства и язвы завшивленных нищих; погоня за всевозможными наслаждениями и муки самобичевания; безумие фальшивых пророков и ложные пророчества безумцев.

И под кажущимся неподвижным покрывалом ночи можно обнаружить жизнь.

Две ящерицы scinus с большой головой и удивленными глазами мелькнули в свете автомобильных фар. Они сразу же нырнули в песок. Вероятно, рев нашего мотора прервал их любовную игру.

Мы жалеем, что нарушили их уединение. Но попробуй убедить ящерицу, что ты не опасен ей, когда она видит перед собой венец творения — человека!

Доля секунды — и от них не осталось и следа. И снова царит ужасающая тишина, воплощенная в таинственности песков.

А освещенное луной небо над головой?

Как удивителен свет, сияющий над южными просторами Сахары!

Бесчисленные кристаллы искрятся над головой дрожащим блеском, то розовым, то голубоватым, то фиолетовым! Кажется, что до них можно дотянуться рукой. Все небо светится. Темно-синий ультрамарин, разбавленный молоком.

Час ночи, а кругом — фонтаны света!

Миллионы светящихся точек на расстоянии вытянутой руки, и все то же давящее душу одиночество!

Неподвижность пустыни, и в то же время — бурлящая жизнь в каждой песчинке!

Звездное небо над Беррианом... Именно здесь, в этих пустынных просторах, и в такую ночь могло возникнуть учение о том, что надо всем бодрствует закон Вечных Дорог!

Все религии, все теософии возникли скорее всего в пустыне. Во всяком случае те, основой которых являются отрешение от материального и созерцание, от Будды и до Иисуса, не исключая ислама.

Финикийский Эшнунна, римский Юпитер и мусульманский аллах — не кажется ли, что это по существу одна и та же Сила, которая всегда обретает язык и подобие тех, к которым она является? Здесь, под звездным небом Берриана, предаются созерцанию простые кочевники. Поэтому их аллах никогда не будет богом из Микеланджеловой Сикстинской капеллы. Их аллах имеет подобие кочевника, по окончании дневного пути прислушивающегося к шепоту песка и звезд. Аллах Сахары не имеет ничего общего с внешностью семитского Ваала или еврейского Иеговы, которые преследуют людей эпидемиями, катаклизмами и огненными дождями. Его лицо иссушено солнцем и полно добросердечной простоты, как лицо старика из оазиса М'Зила. Это лицо бога, который является не пугающим господом толп, а водителем караванов, дарителем тени, покровителем колодцев, дающим убежище при песчаной буре.

Только этот бог, звезды и пустыня...

Что говорит о пустыне Абул Фида в «Жизни Пророка»?

«Благословенно одиночество пустыни. Той, чья величественная простота является ароматом розы для носа верующего, очищенной от всего суетного и неизменной из века в век. Святыня всех святых, безмерная, бесконечная, ограниченная лишь ожерельем звезд. И каждая мельчайшая твоя песчинка, пустыня, восхваляет всемилоостивого, которому будет принадлежать день суда».

Но именно здесь, в пустыне, возникли и теории, ослабившие волю человека и предоставившие его произволу кismet — книги, в которой будто бы предугадано все.

Ничего не поделаешь. Так написано в Книге.

Ислам богат теориями о том, что воля человека ничто и что все подчинено Судьбе.

Вот что пишет, к примеру, бусаадский шейх Слиман в своей книге «L'Orient vu de l'Occident»*:

«Бессмысленно сопротивляться судьбе. Разве принесет розе пользу сопротивление тому, чтобы ее лепестки опадали? Лепестки, вчера еще розовые, сегодня увянут и завтра опадут. Одинаковые пути жизни предопределены и для цветка, и для человека».

Так ли это?

Не нуждается ли подобная философия бессилия и самоуничтожения в оживлении философией действия?

Несомненно, когда-нибудь это произойдет. Будет это в году 2...., когда огромные атомные землечерпалки, скреперы и культиваторы появятся в безлюдных просторах Юга.

Именно здесь, под Беррианом.

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ ШАРИКИ

— А я вам говорю, что торговля это торговля. Вы мне ваши предвыборные лозунги здесь не наклеивайте. Все равно никто из вас не умеет читать. Убирайтесь!

Мсье Гузэ, почтенный купец из Берриана, разгорячился так, что его кабаний затылок от волнения покрылся потом. Двое подростков алжирцев схватили сверток с листовками и, страшась слов мсье Гузэ, поспешили оставить поле битвы.

— Жалкие бродяги, — никак не мог успокоиться купец, — они еще лезут в мою лавку со своей политикой!

Мсье Гузэ из тех французов, которые убеждены, что кинофильмы и политика абсолютно противопоказаны алжирцам. У него есть лавка, где он продает патентованные кастрюли и спиртовые горелки по бесконкурентным ценам. К алжирской проблеме он относится «с позиции силы». В интересах «самых туземцев» и в интересах своих горелок и патентованных кастрюль.

* „Восток глазами Запада“.

— Выборы здесь никого не интересуют,— заявил он между двумя стаканами мятной настойки со льдом. — Туземцы убеждены, что избирательные бюллетени пригодны только для Европы.

Кое в чем мсье Гузэ прав. Равнодушно проходят худые ноги в белых лохмотьях мимо предвыборных плакатов.

Такова предвыборная атмосфера незадолго до выборов в местные органы власти в небольшом городке Берриане, окруженном пальмами и сыпучими песчаными наносами. В политическом отношении атмосфера здесь отнюдь не накалена. О надлежащей температуре заботится солнце: оно осыпает своими раскаленными стрелами и белые квадратики домов, и плоскую крышу маленькой гостиницы.

На площади, окаймленной миниатюрными галереями в распространенном здесь стиле, почти незаметно, что завтра будут происходить выборы.

Но все-таки кое-что есть!

Сухощавый писец из муниципалитета важно сидит посередине площади среди груд мяты, копен сена и ярко-красных гранатов. Перед ним две корзины с цветными глиняными шариками. Такими играют у нас в парках мальчишки.

Красные — социалистическая партия мусульман, филиал SFIO.

Белые — социалистическая партия манифеста, глава ее Ферхат Аббас.

Завтра, когда туземцы пойдут голосовать, они будут опускать в ящик вместо избирательных бюллетеней шарики. Красные или белые. Этим они выполняют свой гражданский долг. Они ведь полноправные граждане африканской Франции, не правда ли? Об остальном уж позаботится уважаемая счетная комиссия.

И поэтому сегодня с трех до девяти вечера выдают «избирательные жетоны». Каждый, кто хочет голосовать, подходит к писцу, предъявляет удостоверение личности и получает один красный и один белый шарик.

А предвыборная программа?

Кто бы, скажите пожалуйста, интересовался ею здесь, в пустыне? То, что выдают из себя авторы листовок, имеет какое-то значение лишь в северных департаментах. Здесь, под раскаленным солнцем, жизнь — это жалкое существование между двумя глотками воды. Политические взгляды выражаются здесь тройным, хриплым и пугающим криком: «Воды! Хлеба! Свободы!»

Теперь мы видим, что для политической агитации в каждой стране пользуются различными средствами. По площади медленно двигается агитационный «автомобиль» социалистических мусульман. Такой «автомобиль» имеет одно очевидное преимущество: он не нуждается в запасных частях и ездит на собственном двигателе. Это статный мегари, верблюд на высоких, стройных ногах. На обоих его боках раскачиваются транспаранты с французскими и арабскими именами кандидатов.

Никакого впечатления. Верблюд, даже украшенный транспарантами, тут обычное явление. А читать умеет едва ли один человек из восьми.

Но все-таки политическая жизнь здесь не так уж пассивна, как нам сообщал мсье Гузэ. Отзвук решительных требований независимости докатился с северного побережья и сюда, в пустыню. Об этом позаботились газеты и радио...

На углу площади собралась группа молодых людей, наполовину одетых по-европейски. В центре собравшихся кто-то машет транспарантом. Неумелые, коряво написанные буквы кричат:

«Выпустите из тюрьмы бойцов за свободу!»

«Да здравствует Фронт народного освобождения Алжира!»

Вокруг собирается толпа любопытных. Лед тронулся. Долой колонизаторов! Воды! Хлеба! Свободы!

Боязливый местный полицейский в опереточном тюрбане не знает, как ему поступить. Не знает, на чью сторону стать. Он дипломатически скрывается в одном из переулков. «Такая уж коварная ситуация!»

Зато из другого переулка на площадь, тяжело ступая, входит военный отряд.

Толпа поспешно расходится. Здешние жители хорошо знают запах пороха, остающийся после того, как военные отряды «наведут порядок».

Колониальная пехота марширует по площади.

Худощавый чиновник муниципалитета смущенно перебирает белые и красные шарiki.

ГДЕ ОСТАНОВИЛАСЬ ИСТОРИЯ

ДРЕВНЯЯ РЕСПУБЛИКА МЗАБ

Камениста и безводна пустыня вокруг Гардаи. Здесь ценится каждый глоток воды.

Постоянная борьба одиночек и целых коллективов за воду и жизнь.

В течение тысячелетий создавалась эта своеобразная общественная организация. В окрестностях Гардаи находится одна из древнейших и удивительнейших республик мира — республика Мзаб.

Молодая француженка Соланж М. покинула на три месяца Париж. Девушка изучает здесь историю ислама. Если ей нечего делать и если она уже переварила дневную порцию книжной премудрости, она вместе с нами отражает налеты комаров на небольшой террасе отеля в Гардае.

— Еще один! — кричит в спортивном азарте девица, уже известная в Париже.

Счет 23:11. Сегодня для комаров черный день. Подождите, вы, крылатые разбойники, долго вы будете помнить Соланж — истребительницу!.. А что касается мзабитов, живущих вокруг Гардаи, то это любопытная история. Когда сахарские берберы были разгромлены в 681 году в оазисах Зибана, они волей-неволей были вынуждены принять ислам. Вскоре после этого в Северную Африку из Арабии начал проникать ваххабизм, учение строгой и в то же время демократической секты. Ваххабиты не признавали ширкху — многоженства, не курили, были воздержанны в словах. Смех у них считался запретным поступком, так же как публичное купание и обнажение тела. «Лишь отрешением ото всех светских радостей и удовольствий, — провозглашали ваххабиты, — можно достигнуть полного тождества с богом, ахадижата». И именно такое учение восприняли обращенные в ислам берберы христиане. Произошло это примерно в 900 году. С того времени ничего не изменилось: мзабиты не только сохранили прежние строгие нравы, но и обогатили их рядом новых запретов.

— А что было после 900 года?

— Мусульманские царства в Северной Африке возникли и распадались, но мзабиты продолжали жить своей жизнью. Даже турецкие завоеватели избегали совать свой нос в кхебку, каменистую пустыню в самом центре алжирского юга. Франция только в 1882 году захватила Гардаю, но она сохранила религиозное и политическое самоуправление Мзаба. История здесь просто остановилась, как незаведенные часы. Здорово, не правда ли?

— Действительно здорово, особенно если учесть вечную резню и потоки крови, пролитой во имя истинной веры, агаджата и т. д. А в чем, собственно, состоит нынешнее самоуправление Мзаба?

— Мзаб как изолированный район составляет религиозное целое. Имеет своего собственного правителя. Это Шейх эль Баба. Он занимает такое же положение, как папа в римской церкви, но избирается на всеобщем собрании всех верующих или всех граждан Мзаба, что одно и то же. В Мзабе есть свой крохотный Рим, носящий название Меликка и расположенный в нескольких километрах отсюда. Эль Баба устанавливает, что можно, а главное — что нельзя. Правоверный мзабит не курит и не пьет спиртных напитков. Не пьет он даже кофе. Кофейни здесь отсутствуют. Мзабит не играет в кости, танцы запрещены. Ох, не могла бы я быть мзабиткой! Ну и, само собой разумеется, мзабит берет себе только одну (заметьте, одну!) жену.

— Но зато та, наверное, держит его под каблуком.

— Невежда! — оскорбляется Соланж. — Мзабитская женщина играет почетную роль в общественной жизни. Мзабит никогда не возьмет себе в жены чужеземку. Мужчины часто ездят по торговым делам в дальние края. Поэтому, еще до того как стать взрослым, мзабит должен жениться. Часто можно видеть, как мзабиты везут невесту откуда-то из чужих земель. Это потому, что каждый умерший должен быть погребен в земле Мзаб. Умершим их потомки приносят жертвоприношения: разные вещи, которых они были лишены при жизни.

— То есть культ мертвых?

— Да, если хотите. Все это мало похоже на ислам. По правде говоря, ислам у кочевников берберов — лишь внешний глянец. А из-под него то там, то тут проступают остатки древнего берберийского христианства, а то и еще более древнего язычества. Если бы вы знали местные обычаи

и людей поближе, вы могли бы даже встретиться с остатками культа Ваала и Танит.

— А что с остатками христианства?

— От христианства остался глубоко укоренившийся культ Исы бен Мариам, Иисуса, которого позднейший ислам объявил одним из пророков Магомета. Кроме того, мзабит не верит, что небо — это огромный гарем и что на нем семь кругов, как утверждают мусульманские муллы. Мзабит, как и христиане, со страхом относится к загробной жизни.

— Вы сказали, что пока мзабит не женится, он не смеет покинуть Мзаб.

— Да, таков закон. Это просто предосторожность против смешанных браков. Мзабиты берегут чистоту своей крови, как зеницу ока. Они не хотят, чтобы их юноши женились на чужбине, и живут в раковине, словно улитки.

— Мудрая предосторожность. Особенно с точки зрения здешних женщин,— засмеялся Божек. — Благодаря тому что каждый мзабит должен взять в жены только мзабитку, мужчин хватает на всех. Здесь не может быть, так сказать, излишка старых дев. Девушки не киснут на укус, и поэтому не надо искать выхода в многоженстве.

— Вот именно, каждая мзабитка, если она пожелает, может найти мужа. За измену вере, которую допустит мзабит на чужбине, его жестоко наказывают. Европа и Париж в этом отношении далеко отстали, — помрачнела вдруг Соланж, — и им следовало бы поучиться у мудрых правителей Мзаба.

— Позвольте вопрос,— обратился к ней Божек.— Вы еще не замужем, не так ли?

— Oui, naturellement,*— отвечает Соланж. — Нынешние мужчины, кроме мзабитов, конечно, вообще не стоят, чтобы из-за них терять свободу. И вообще, я думаю, что подобные дебаты ни к чему, давайте лучше уничтожать комаров. Еще один! Счет 24—11!

ВОДА — ЭТО ЖИЗНЬ

— Говорят, ты факих, адвокат. Дай мне ашрин феранк,— двадцать франков, господин, и я провожу тебя на судебное разбирательство,— шепчет мне старый Гафнаи.

* Да, конечно.

Уже третий раз он испытывает мое любопытство. Человек Востока, достойный своего имени, он обладает способностью использовать любопытство чужеземца и сделать его предметом коммерции.

— О чем будут судить, отец? — спрашиваю я старика и сую ему в протянутую руку алжирский двадцатифранковик, наших сорок галеров.

— О самой важной вещи Мзаба. О воде.

Свободное пространство перед судьями расцвечено пестрым ковром тюбанов.

Здание суда? Да, если можно назвать так бесформенную постройку с потрескавшимися глинобитными стенами, подпертыми сухими пальмовыми жердями.

— Джемаа-судьи идут, — шепчет старый Гафнаи.— Судья — это толба, мулла. Но он один ничего не может решить. Как закончится спор, зависит от старейшин — присяжных и даже от народа.

— Кто назначает судью?

— Никто, господин. Судьи и старейшины выбираются всеми.

Вот это правильно! Родовая, первобытная демократия сохранилась в алжирском Мзабе в течение многих тысячелетий. Коллективные решения и выборы должностных лиц в сердце безводной, каменистой пустыни! Здесь есть чему поучиться юристам, социологам, копающим в пыли прошлого историкам!

Рассматривается спор гражданина А с гражданином Б, имена не играют никакой роли. Ответчик обвиняется в том, что в один прекрасный день отвел воду из канала соседа на свое поле.

Выступает свидетельница — древняя, иссушенная солнцем старуха. По законам алжирских правоверных мусульман, свидетельство двух женщин имеет такую же ценность, как свидетельство одного мужчины. Но здесь, в гардайском суде, женщина, несмотря на свое покрывало, — полноправный свидетель. Даже при решении такого важного вопроса, как вопрос о воде!

Еще один пережиток родовой организации, когда женщина была полноправным членом рода. Древняя демократическая община, словно необычайный цветок, распустившийся вдруг в оранжерее двадцатого столетия.

В это трудно поверить. Тем более, что мусульманское религиозное мирозерцание отрицает у женщины существо-

вание души и рассматривает ее лишь как говорящий неодушевленный предмет. Иногда, правда, немного больше...

Суд под председательством мзабитского муллы возвратился с совещания. Приговор строг, но справедлив. Ответчик должен возместить истцу убыток в сумме 30 000 алжирских франков плюс некоторую долю урожая фиников. Раздавшийся после вынесения приговора одобрительный гул означает, что присутствующие согласны с решением суда.

Да, свести воду с земли соседа — это большое преступление. В безводной пустыне имеет цену каждая капля. Иногда может спасти жизнь даже глоток горячей воды из автомобильного радиатора.

Усталые, мы возвращаемся из суда и снова становимся свидетелями самого страшного, что есть в жизни — жажды.

Продавец воды хранит свой товар в козьем меху, как святыню. Если вы пожелаете, он продаст вам чашку воды за десять франков.

Но есть такие покупатели, которые не хотят пить из общей чашки — это негигиенично даже по местным представлениям. Поэтому более чистоплотные сосут воду через тонкую соломинку.

Журавли старых колодцев ужасно скрипят. Деревянные оси, поворачиваясь в деревянных подшипниках, издают пренебрежительные звуки.

Мы очутились в ином мире. В мире, погруженном в сумрак прошедших веков.

Да, мы в Гардае.

Мы карабкаемся по узкой, темной лестнице наверх, к вершине холма. Здесь несколько улочек сходятся в одной точке, у подножия минарета. Такого минарета я еще нигде не видел. Он похож на квадратную дымовую трубу, торчащую в лазурном раскаленном небе Мзаба.

Нет, не прикасайтесь, пожалуйста, к трухлявым стенам. Кто знает, какое заклятие скрыто в каменных сводах, выступах, нишах, крытых галереях и истлевших деревянных балках? Запах прели наполняет сумрачные улицы с глухими стенами, без окон. Неужели это пещерный поселок, становище давно вымерших существ, населявших когда-то эти пещеры?

— Вовсе нет. Здесь живут люди!

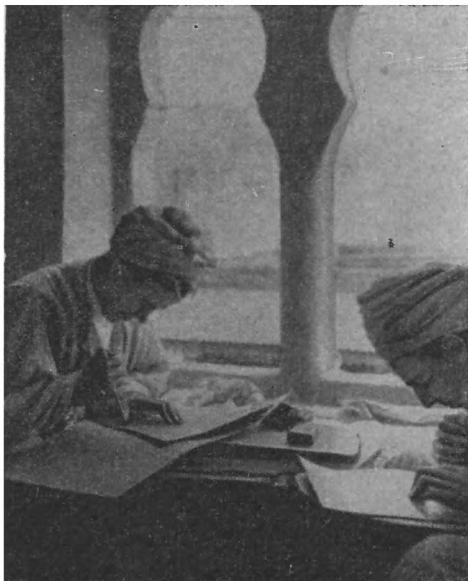
Жители самых верхних улочек осуждены на вечную жажду. Здесь нет воды. Сюда ее доставляют верблюды и и ослы в гхирбе, мехе из овечьей шкуры.

**Недалеко от столицы — библейское жилище жителей Бу Саады,
впереди высохшая речушка — уэд**

**Глиняные жилища туземцев возбуждают подозрение у
военной полиции колонии: облава в Джельфе**

Ручная работа по
коже — традицион-
ное ремесло мза-
битов

Ароматное мокко начинает и заканчивает беседу алжирцев

Это единственный существующий здесь водопровод.

Вы можете идти, идти без конца, и ни одна живая душа не обратит на вас внимания. Погруженные в себя, люди не бросят на вас любопытного взгляда. Божек лезет в карман за губной гармошкой и ее писком пробует привлечь к себе внимание. Тщетно. Напрасный труд. Звуки глухо отражаются от полуразрушенных стен этих живых могил. Попытка не удалась.

Неприступен Мзаб. Замкнуты его обитатели. Хотите пари, что вы не услышите здесь ни взрывов хохота, ни язвительного смеха? Строгость во всем.

Помни о дне последнего суда, сын пыли!

Где сутолока арабской Касбы? Где музыка берберийских танцоров? Где шум кофеен?

Даже в лавках Гардаи вы не услышите так свойственного Востоку шума.

— Люди здесь, наверное, отвыкли громко ругаться, — констатируем мы.

Строгая изоляция женщин от мужчин. Идете за покупками в лавку: один вход для мужчин. Кроме этого, специальное окошко для покупательниц-женщин. Вы думаете, что нежное создание под покрывалом (вместе с одеждой оно весит пудов шесть) заглядывает в окошко исповедника? Нет, она просто покупает у мясника полкилограмма нежирной грудинки с костью.

Еще одна деталь. Закутанное существо бесшумно выходит из темной лавки в полумрак улочки. Проходит почти рядом с вами. Почему она отворачивает от вас взор? Почему замирает на месте, ожидая, пока вы пройдете? Слишком мрачно среди разрушающихся стен Мзаба.

Жаждающие тела и жаждающие души.

Во рту у вас неприятный осадок от всей этой затхлости.

Вы хотите прополоскать рот глотком свежей воды. Но в походной фляге, которую вы тащите с собой в заднем кармане, воды едва на донышке. Ах, если бы с безоблачного, добела раскаленного неба полил дожди!

Вода — это жизнь.

ТАИНСТВЕННАЯ УАРГЛА

«Аллах акбар! Бисми ллахи рахмани р-рахими! Ху а лла-ху элладжи ла илаха илла...» — разносятся во все четыре стороны света протяжные выкрики с верхушки минарета.

Да, в эту пору со всех минаретов мира раздаются одни и те же призывы. Десятки тысяч муэдзинов, но одни и те же слова, одна и та же мысль! От западной оконечности Африки через Ливию, Египет, Персидский залив и до Индийского океана, до Китая!

Уаргла, городок на юге Алжира, вместе со всеми тоже протирает глаза.

Вы стоите на рыночной площади, окаймленной старинной галереей. А крик муэдзина, который вы слышите, доносится с верхушки мечети Лейлат Аза.

Призыв не пропадает впустую. Будто всех на рыночной площади коснулась волшебная палочка. Как ни малоподвижны люди, закутанные в длинные белые одежды, они, вопреки всем ожиданиям, быстро опускаются на колени, поднимаются, снова опускаются, низко кланяются. И все в одном направлении — туда, где, по их мнению, находится Мекка и священный камень Кааба! Достаточно нескольких слов муэдзина, и вся пестрая толпа — как один человек, в хаос внесена организованность.

То, что эту организующую силу религии можно использовать в целях политического завоевания, еще в седьмом столетии понял Магомет, творец всемирной империи ислама.

После молитвы жизнь течет своим чередом.

Несколько ударов молотком, и вот появился прилавок. Или же на земле просто расстилают кусок не очень чистого полотна. Чего вы тут только не найдете! Циновки из галвы — африканской травы. Коврики из Бени Искуэна с варварским чередованием цветов: белый — оранжевый — черный. Латунь ручной чеканки. Верблюжьи седла — простые дорожные и для торжественных случаев, лежат рядом с овечьими мехами. Краситель генна и имбирь. Женские ожерелья из твердых черных шариков, более дешевых, чем стеклянные. Шахам для волос, жирная мазь, скатанная в шарики, напоминающие биллиардные. Свежие гроздья фиников рядом с грудями мяты и поленницами дров.

Гранаты и апельсины наполняют воздух ароматом. Еще несколько шагов — и в нос ударяют запахи корицы, дубильного экстракта, бараньего жира.

А солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Вместо воздуха — расплавленный свинец. В жарком мареве дрожит ослепительно белый язык минарета Лейлат Аза. Мозг как будто окутан полупрозрачным покрывалом.

— Интересно, как сейчас у нас на дороге из Страницы в тенистый Буковец?

Даже верблюжьи горбы в такую жару поникли. Длинные характерные тени, отбрасываемые головами этих животных, тянутся к белой стене с зубцами наверху. Резкий контраст света и тени. Все или черное, или добела раскаленное. И улочки под сводами из плетеного тростника.

Тень этой необычайной решетчатой крыши ползет по утопанной земле, по мешкам с древесным углем, корицей и мятой.

И в такой-то жарнице люди кричат и до изнеможения торгуются. Житель Уарглы спорит даже тогда, когда покупает почтовую марку. А те, что пришли сюда из окрестностей, рядятся с особенным талантом и страстью. Они пришли в город купить соли, масла, фитилей, мази для волос и еще какой-нибудь мелочи, без которой нельзя представить жизнь обитателя Сахары.

Над открытыми лавками закорючки арабских письмен. Европейские вывески «жестянщик», «кожевник» или «красильщик» обозначаются здесь причудливыми непонятными нам завитушками арабской вязи.

Сможете вы прочесть это? Нет? Неважно. Пришедшие сюда из окрестных селений кочевники тоже не смогут. Тут грамотные составляют самую незначительную часть населения: примерно четыре процента. Другими словами, процентов 96 обходится без чтения и письма. Да и зачем они? Разве для этого не существуют писцы?

Большие зеленые мухи на уарглийскую жару не жалуются. Они целыми роями вьются над выставленными для продажи сахарном рахате и других сладостях, и даже пальмовый веер продавца не может их разогнать.

Вы в Уаргле, старинной столице Сахары. «Древнейший город Сахары. Никто не знает, когда он был заложен», — сообщает о нем греческий историк Геродот.

Да. Уаргла существовала еще во времена расцвета Карнака, Луксора или месопотамских Ура и Ниппура.

От времен Карнака и Луксора сохранилось несколько храмовых колонн.

От Ура и Ниппура не осталось ни пылинки. А Уаргла существует. Кругом разваливающиеся стены. Но она живет!

В двенадцатом столетии Уаргла была опустошена эпидемией чумы. Жизнь в ней на какой-то срок замерла и в

1553 году, когда восточный завоеватель раис Саллах разграбил ее своими жадными руками и хотел задушить совсем. Неудивительно, что французы, проникшие сюда только в 1870 году, не нашли здесь ничего, кроме полуразрушенных, потрескавшихся от страшной жары стен. Мостовая в городе одна из древнейших в мире. И по ней бредут черные, закутанные, как коконы, женщины с глиняными кувшинами на голове.

Такие мостовые существовали в древнейших центрах цивилизации на Тигре и Евфрате.

Цивилизация просто не имела времени коснуться Уарглы.

И все-таки!

На площади, опоясанной галереей, стоит повозка с машинкой для производства мороженого. На лице белозубого продавца детская радость. Он одет в длинный белый балахон, но на нем накрахмаленный воротничок и шляпа.

Шик!

А вот еще кое-какие следы европейской цивилизации.

Кочевники, которые пришли сюда из пустыни, чтобы продать корзину галвы или молодую верблюдицу, слышат из репродуктора специальное сообщение. Оно передается из Алжира на волне 210,6 метра и рассказывает о том, что мсье Фор «поставил перед парижским парламентом вопрос о доверии в связи с обсуждением вопроса о бюджете», и о том, что «выступление канцлера Аденауэра, посвященное Саару, вызвало волнение на парижской бирже». После этих новостей, столь «интересных» для кочевников, в репродукторе что-то хрипит, а в Уаргле все снова идет по-старому.

Сегодня как и тысячи лет назад.

ХАКИМЫ И ЗАКЛИНАТЕЛИ

Перед глиняным домиком с отверстием вместо двери сидит странный человек, вооруженный длинной деревянной флейтой. У него негроидные черты лица и черная кожа, как у многих жителей этой дыры. Для пущего эффекта брови у него вымазаны известью.

Несколько зрителей следят за его резкими движениями. Вот он вытащил что-то из корзины, прикрытой куском полотна.

Перед нами извивается хвост песчаной змеи.

— А, змея, — обрадовался Божек. — Я хотел бы дернуть ее за хвост.

— Если она позволит это сделать. Мне кажется, змея вовсе не расположена к этому.

Раздвоенный язык высунулся из широко раскрытой пасти. Сссс-сссс! Предостерегающее шипение должно означать одно: оставьте меня в покое, сегодня я не в настроении. Но змеиное шипение совсем не действует на раскрашенного человека с флейтой.

Несколько тактов протяжной мелодии — и змея смотрит в глаза своему хозяину. Флейтист обнаженной рукой поглаживает свою милую сотрудницу.

Та спокойно дает засунуть себя обратно в мешок.

Представление окончено.

— Вы видели только живую рекламу. Это просто ярлык фирмы, не более, — дает оценку наш спутник. — Накрашенный человек вовсе не укротитель животных. Это хаким, лекарь. Своими упражнениями со змеей он лишь демонстрирует зрителям свое могущество. А как же! Если он может изгнать духа зла из змеи, значит, он в силах изгнать и злых духов, нагоняющих на людей всякие болезни.

Да, это логично.

Лечение и даже операции производятся прямо на улице. Это хорошая реклама для хакима. А пациент имеет полную возможность доказать зрителям, что у него сильные нервы и хорошее самообладание.

В «клинику» приходит пожилой мужчина с завязанным горлом. Вероятно, фолликулярная ангина. «Доктор», очевидно, считает мытье рук научным предрассудком. Он сует грязные пальцы в рот пациенту.

Заклинания. Голос хакима скрипуч, как сахарский песок. Затем длинный, докрасна раскаленный железный прут всовывается в горло и прижигает заднюю стенку гортани.

Пациент отшатывается.

Зрители обмениваются мнениями. Сейчас они более спокойны, чем в то время, когда смотрели на представление со змеей.

— Это правильно. Раскаленное железо изгонит злых духов из горла.

Снова длинное заклинание. Хаким завязывает на шее бледного, трясущегося пациента магический узел. Ну, теперь злой дух уж не посмеет возвратиться обратно.

Существенный вопрос: долго ли проживет после такой операции пациент?

— Воля аллаха,— пожимает плечами хаким.

Врачебные методы господина хакима разнообразны. Но всегда кончается тем, что пациент либо умирает, либо выздоравливает.

У вас болит голова? Приложите к глазам паутину и прочитайте суру от этой болезни. Правда, за то, что вы не внесете в глаза инфекцию, хаким не ручается.

Затруднения с пищеварением? Выпейте отвар из шалфея, сорванного в лунную ночь. На живот положите горячий уголек. Будете здоровы, как рыба.

Вас мучает рана? Промойте ее мочой молодой верблюдицы — и все в порядке. Надо сделать это до тех пор, пока рана не заживет.

Хаким не только дает рецепты против болезней, но услужливо поможет вам и в любом другом затруднительном положении. Вы собираетесь в путешествие по безводной пустыне? Хотите встретить в пути родник с холодной водой? Отправляясь в путь, повесьте себе на шею кусочек шкуры гиены. В нее надо зашить порошок из сушеных глаз нетопыря. Тогда, путешествуя в пустыне, вы увидите воду, если даже она течет под землей.

Хаким поможет вам и в том, чтобы понравившаяся вам девушка вас полюбила. Не знаете как? Очень просто! Нужно взять немного мяты и соли и замесить их слюной ящерицы (ведь женщины, как известно, в родстве с ящерицами). Все это надо высушить на огне после захода солнца. Потом всыпать высушенную смесь своей милой в кофе, и успех обеспечен.

Она будет тосковать по вашим объятиям. (Ну, а если этого и не случится, вы можете найти другую, красивых девушек ведь всегда достаточно.)

Кошачьи и нетопырьи глаза, если смешать их с солью и проглотить незадолго до рассвета, дадут вам возможность повидать духов и посоветоваться с ними. Если дать хакиму пятьсот франков, он сообщит вам таинственные слова, которыми можно вызвать в клубах дыма демонов, джинов. Джин, дух пустыни, услышит ваше заклинание, и вы обязательно его увидите.

О, хаким может излечить все болезни и тела, и души. Он видит невидимое и слышит неслышимое. Как ловко он рисует углем таинственные знаки, несущие либо счастье,

либо гибель! Даже его разрисованное лицо свидетельствует о том, что это ученый муж.

Поэтому клиентов у него всегда хватает и без объявлений в крупных европейских журналах. Не верите, убедитесь сами. И если вам повезет (проглотите на рассвете мяту с солью или порошок из сушеных глаз нетопыря), вы увидите необычайные зрелища.

Например, заклинание змеи или как хаким рвет зубы.

УЧИСЬ, СЫН МОЙ, БЫТЬ МУДРЫМ

В закрытой галерее на одной из улочек Уарглы я увидел необычайную картину.

Около двадцати мальчуганов, по большей части негроидного типа, сидят со скрещенными ногами на циновках из галвы и размеренно кланяются. Наклон... выпрямление... наклон... выпрямление... Может быть, это тренировка гребцов на восьмерках? Нет. В такт этим монотонным телодвижениям они хором скандируют какие-то сначала малопонятные слова. Ученики произносят их механически, без души.

Но вот в коллективной декламации отдельные слова выступают более отчетливо. Каждое слово означает какое-нибудь качество аллаха. Монотонно звучит:

Ар-рахман! Милосердный!
Ар-рахим! Имеющий сострадание!
Аль-бесир! Зрячий!
Аль-кауф! Сильный!
Аль-кахар! Мстящий!
Аль-ариф! Всезнающий!
Аль-мухаймин! Защищающий!
Аль-азиз! Могучий!
Аль-гамаль! Совершенный!
Аль-джалил! Великий!
Аль-муджиб! Надежный!
Аль-мубди! Творящий!
Аль-мухжи! Оживляющий!

Неожиданно раздается стук. Удар посохом, все встают. Что означает сия картина посреди темной улочки?

Вы видите, как обучаются в муктубе, туземной школе. Это школа без аудиторий, без персонала, без учебников, без доски и без школьного звонка, но все-таки это школа.

Впереди на циновке сидит хмурый мужчина с вертикальной морщиной мыслителя на лбу. На голове красная шашия,

в руках хворостина. Перед ним пюпитр с раскрытой книгой. Хворостиной он призывает учеников к порядку. Это учитель.

Увидев нас, учитель прерывает урок. Разумеется, он рад поговорить с чужеземцами, у которых есть фотоаппарат и франки, чтобы заплатить за несколько фотоснимков.

Дешевый портсигар из пластмассы быстро завоевывает сердце педагога.

— Будьте гостями, чужеземцы, и осмотрите все, что пожелаете. В качестве мударриса, профессора этой школы, могу сообщить, что вы видите перед собой лучшую из лучших школ в Эльджезайре, сад учености и рассадник богоугодных мыслей. Вы хотите присутствовать на уроке или только фотографировать? Один снимок — пять франков. Деньги вперед, они ведь послужат возвеличению школы.

Мы живо представляем себе, какое возвеличение школы имеет в виду «господин профессор». Тем не менее выкраиваем из нашего бюджета 20 франков и немедленно усаживаемся на пахнущие мятой мешки.

— Это третий класс,— поясняет мударрис.— В первом классе ученики изучают буквы, во втором — их сочетания. Здесь, в третьем, они читают суры из корана и заучивают их на память. Так же они знакомятся и с основами письма. Начинают с буквы *алеф*. Это первая буква в алфавите — такая вертикальная закорючка.

Судя по всему, обучение организовано по всем правилам педагогики.

При виде нас школьники расшумелись, как пчелы в улье. Маленькие Омары, Селимы, Саиды, Ахмеды затеяли между собой свободную дискуссию. Кажется, что за спиной учителя вот-вот разгорится настоящее сражение. Яблоком раздора служит жевательная резинка в грязной ручонке одного из мальчуганов. Вдруг в руке профессора появляется хворостина. Удар по пюпитру — словно грянул гром — и мгновенно класс замирает в торжественной тишине.

Урок продолжается. Идет диктант.

Тот из вас, кто думает, что во время письма все ученики обращены к учителю, сильно ошибается. Они рассажены на своих циночках так, что лица их через одного обращены вперед и назад. Получается так, что один ряд сидящих друг за другом школьников обращен лицом к учителю, другой ряд — лицом к нам.

— Очень удобно,— отвечает мударрис на наш вопрошающий взгляд,— никто из них не сможет списать у другого ни буквы.

Действительно, просто и практично. Вперед смотреть вовсе не обязательно, потому что здесь нет такой вовсе ненужной вещи, как доска. Окрики учителя и удары хворостиной предупреждают малейшее нарушение дисциплины.

Краткий диктант закончен. Вы спросите, какой следующий предмет будут изучать ученики?

Чтение наизусть отрывков из корана. Школьники снова раскачиваются в ритме скандируемых ими слов. Каждую минуту — гневный удар хворостиной о пюпитр.

— Лодыри! Пес да будет лизать бороды ваших отцов! Я, ваш мударрис, знаю на память все сорок четыре книги, какие есть на свете, а вы не можете выучить и одну суру из корана. Начнем снова!

Механически класс еще раз повторяет всю суру безразличными, монотонными голосами. Тень скуки лежит на этом «рассаднике учености».

— Тот, кто учит невежественных, как вы, бандиты, мил взору аллаха,— гремит уарглийский педагог.— Нас, знатоков письма, ждут наслаждения семи кругов неба. Но мало кто из вас, несчастных, перейдет тонкий, как бритва, мост Эс-сират, который ведет к вратам рая.

Но вот наступает с нетерпением ожидаемый всеми конец урока.

Не попрощавшись, мальчики разлетелись в разные стороны, как стая птиц от выстрела. Каждый ученик схватил принесенную из дома циновку, и — ищи ветра в поле! А господин профессор взваливает на спину деревянный пюпитр и прячет коран в широких складках своей одежды.

— Тяжелая работа,— жалуется он,— жалованье все уменьшают и уменьшают, а ведь мало кто из родителей вспомнит об учителе своих детей и сделает ему подарок. Да и у этих сорванцов в голове что угодно, только не уважение к своему доброму профессору. Без учености, вдалбливаемой мною в их головы, они были бы глиной, из которой сотворил их аллах, жалким сбродом.

Мы уходим с твердой верой в педагогические способности «профессора».

На прощание рассматриваем хворостину, чьих ударов отведало столько ленивых учеников этого муктуба. В такие

минуты из «школы» доносятся жалобные крики не сумевших оценить доброту своего учителя. Таким образом, можно легко убедиться в действенности педагогических методов этой школы, а также в том, что такой способ общаться с душой подростка мусульманина поистине эффективен.

С другой стороны, посещение школы окупается даже в том случае, если через две недели после окончания «школьного курса» в головах учеников станет снова совсем пусто, а их руки не смогут удержать письменных принадлежностей. Ведь написано же в святых книгах:

«И самого большого грешника спросит Джibraил в судный день, сидел ли он почтительно у ног учителей своих и стремился ли он к познанию. И если грешник ответит «да», войдет его душа в рай. Ибо поистине аллах велик и всемилостив».

ПОСТАВЬТЕ НА ЛАМИНА!

Кто такой Ламин?

Один из многих, кто глотает пыль в небольшом городке Уаргле. А чтобы не глотать этой пыли слишком много, рот у него закрыт покрывалом, как и у многих его соплеменников. Впрочем, может быть, какое-нибудь религиозное предписание повелевает здесь мужчинам тоже закутываться тканями?

Во всяком случае, покрывало в нижней части лица ясно говорит: «Этот человек тарги, и с ним лучше не связываться».

Тарги — большое племя, обитающее в Сахаре. Плоскогорье Ахаггар является родиной этого странного народа. Его представители держатся воинственно, да они и на самом деле воинственны. Это почувствовали на себе французские колониальные войска в 1857, 1876, 1903, 1922, 1955 годах... Череп тарга тверд, как камень Сахары. На него не действуют даже такие современные методы, как сбрасываемые с самолетов напалмовые бомбы.

По улочкам Уарглы неслышно ступают трое таргов. Выражение их лиц довольно подозрительно... И действительно! В складках одежды они прячут острые ножи.

Мы не выпускаем из виду этих трех людей. Уж не собрались ли они применить через несколько мгновений свое опасное оружие против жертв их кровной мести? По улице ремесленников они выходят на площадь, где уже собралась толпа берберов, арабов, таргов.

Лишь теперь мы понимаем, почему тарги вооружены тонкими, острыми клинками. Большая, сплетенная из пальмовых волокон квадратная мишень привлекает к себе взгляды любопытных — и старых, и малых.

А через минуту начинается состязание. Один за другим с расстояния примерно в десять шагов кидают они свои ножи в мишень. Такой вид спорта мы не встречали на стадионах старой Европы. Чтобы увидеть его, необходимо приехать в еще более старую Африку.

Зрителей охватывает спортивный азарт. Трое таргов, еще недавно вызывавшие у нас подозрение, сбрасывают верхнюю одежду. И вот один из них становится в круг, обозначенный белой известью.

Гремит барабан. Спортсмен поворачивается, переносит вес тела с одной ноги на другую, отводит руку назад, снова вращательное движение всем туловищем, и в воздухе свистит нож. Прямо в центр мишени.

Один за другим становятся бойцы в белый круг. Каждый бросает нож по-своему. Иногда это бросок с поворотом всего корпуса, иногда — снизу вверх, иногда — неожиданный, молниеносный взмах. Но в каждом способе — высокое мастерство.

Вызывает удивление еще одна деталь: скромность спортсменов. Мастерам длинных ножей не приходит в голову держать себя с холодным высокомерием. Они не ждут лавров и званий мастеров спорта. Не просят написать о них статью в газету.

Вероятно потому, что так называемые «нецивилизованные народы» не имеют своих спортивных примадонн, какие есть у нас, народов цивилизованных.

Небольшая передышка, заполненная взволнованным говором зрителей. Купите семечек подсолнуха! Можете их лузгать, пока свое умение показывают мальчишки — молодая поросль какого-то спортивного клуба Уарглы. Один мальчуган приставил к мишени руку с расставленными пальцами. Другой паренек бросает ножи, и они вонзаются точно между пальцами, в нескольких миллиметрах от живой ткани.

Из ребят получатся хорошие мастера этого вида спорта и без дорогостоящего аппарата с чиновниками от физкультуры, пользующимися служебными автомашинами. Ведь здесь в отличие от Европы некому платить.

— Хази Ламин бен Ламин. Поставьте на Ламина! — скачет кадык у подростка, сидящего на ящике из-под фи-ников.

Марки в его руке служат доказательством того, что и с.с.да проникла горячка тотализатора. Разве важно, что «бюро тотализатора» помещается на поломанном ящике?

Движение вокруг букмекера. Взволнованные голоса, выразительные театральные жесты даже тогда, когда речь идет о мелочах. Ведь это просто забава, средство разогнать скуку, являющуюся пожизненным спутником наивных детей Сахары.

Поставим и мы на Ламина!

Ага, выиграл. Похлопывание по плечам, широкие белозубые улыбки на лицах цвета какао. Выигрыш незначителен, но Ламин местный фаворит, номер один, и это обстоятельство повышает настроение, ибо «пророк» утверждает: «если верующие веселятся перед вечерней молитвой, злые духи не станут совращать их души ночью». Поэтому: если будете в Уаргле, поставьте на Ламина. Выиграете немного, но зато наверняка.

ЛЮДИ И ВЕЩИ В ПЕСКЕ

ЛЕГИОНЕР НОМЕР 9083

Миниатюрные канавки избороздили поверхность песка и нарушили его девственную чистоту. Словно чья-то рука сгребла золотистую песчаную муку невидимыми граблями.

Посреди песчаных наносов — темный прямоугольник пальм и потрескавшихся стен. На картах этот смарагдовый четырехугольник обозначается как оазис Гerratara.

Но перед нами большой, благоустроенный город: в кофейне целая батарея вентиляторов и мятный лимонад на льду. Скорее дайте сюда зеленую освежающую водичку! Наполнить рот и горло сказочно холодной жидкостью, даже ценой того, что часа через четыре вы, несомненно, будете хрипеть. Выпить зеленую свежесть и приложить холодный стакан к разгоряченной щеке. Да, зеленый мятный лимонад возвращает интерес к жизни.

— Если уже на то пошло, не помешала бы кружка пильзенского пива с хорошей шапкой пены. Знаешь, в таких холодных бутылках, — мечтает Божек.

— Это могло бы быть и будейовицкое... — отвечает кто-то у прилавка на чистейшем чешском языке.

Мы не верим своим ушам! Здесь, в кофейне, наш земляк?

Загорелый мужчина в серой военной форме иностранного легиона. Широкие парусиновые брюки, которые хорошо подошли бы и более широкозадому владельцу. Круглое кепи цвета хаки с большим козырьком, сзади с него свисает на плечи белый платок.

Пара рыжеватых невымытых глаз смотрит на вас, прикрытая тонкой мутью лихорадки и опьянения.

— Будьте здоровы! Какой ветер занес вас сюда, земляки?

Сначала мы беседуем о пиве, о жаре, о песке и малярии. Лишь после этого наш земляк начинает приподнимать занавес, скрывающий его прошлое.

Судьба его пестра. В 1946 году он был народным управляющим фарфорового завода где-то на границе, около

Карловых Вар. Потом удрал из Чехословакии. Почему, этого он не сказал. Вероятно, какая-нибудь уголовщина. Бежал из немецкого лагеря в Париж. Там жил «торговлей». Когда с торговлей ничего не вышло, ему пришлось взять в руки щетку и тряпку и мыть в гараже автомобили, принадлежащие людям, более счастливым, чем он. Но это «работа не для парня, который способен на большее». Земляк переменял ее. Работал швейцаром в «Пигмалионе» и носил блестящую униформу. Потом однажды сказал: «Униформа, так униформа!» Отправился на улицу Святого Доминика. Там его хорошо приняли, предложили сигарету, выдали денежный аванс. Так он вступил в иностранный легион. После подписания контракта поезд увез его с Лионского вокзала Парижа в Марсель. Здесь пришлось ждать транспорт, отправлявшийся в Африку. Десять-пятнадцать дней в крепости Сен-Жан. Последние франки были истрачены в марсельском порту. Ночные заведения с красными фонарями у входа. Бар «Cintra», «Caravelle», «Cher Langeustieres» и так далее.

Наступает давно ожидаемый день. Транспорт отправляется в Африку. В трюме судна «Ville de Bougie» среди мелких карманников, делавших вид, что они опытные преступники, и среди опытных преступников, выдававших себя за мелких карманников. Наконец, Оран!

Из Орана в товарных вагонах до Сиди бель Аббеса. Присяга перед знаменем, без гимна (ведь legionеры не имеют ни национальности, ни родины). Лозунг: «L'honneur et discipline!» Честь и повиновение!

Муштра. Походы при 52° жары. И без снаряжения у тебя подогнуты ноги. Как-то не выдержал. Первое наказание — привязали к козлам. Раз в одну-две недели попойки в баре четвертого разряда или в публичном доме, что, впрочем, одно и то же.

Служба в разных гарнизонах, похожих один на другой, как две капли воды. Уджа, Себду, Тиарет, Улед Джелал... только, ради бога, не Вьетнам, там вьетнамцы будто бы отсекают белым головы. Уж лучше остаться в Алжире и быть поближе к Европе и к тому, что ты покинул.

«Le légionnaire est un soldat sans nationalité, ...son service est l'honneur». Legionер — это солдат без национальности, его служба почетна. И поэтому не стоит заниматься местными или даже международными проблемами. Иностранный легион согласно его уставу аполитичен. Почему

бы тогда не ограничить душевный мир legionера шестидцатью страницами иллюстрированного журнала, отпечатанного на меловой бумаге?

Мы снова обращаемся к земляку в форме legionера.

— А почему, собственно, вы, приятель, вступили в легион? Думается, что вам этот климат вовсе не так уж подходит.

Ответа нет. Это единственная привилегия, которую дает вступление в легион. Право молчать. Право зачеркнуть все жирной линией и скрыть от любопытных взоров свое прошлое. И от властей, что довольно легко, и от собственной совести, что порой труднее.

Но что с теми, которые бежали сюда не от своей совести и не от статей уголовного права, с теми, которые попали сюда в поисках романтики? А таких здесь немало.

— Хорошо, я погубил свою жизнь,— заплетающимся языком бормочет земляк.— Но скажу вам: плевать на все! Когда я наглотаюсь пыли, то вхожу в первый попавшийся бар и кричу: «Гарсон! Налей мне Стауэли! Legionер живет! Не прозябает! Да здравствует жизнь!»

Его товарищ Вилли, качаясь, подает ему стакан:

— Ты прав. Выпей!

Вилли представляет собой то, что начальство называет «здравым мужским типом». До тех пор, пока он не пробормочет хриплым голосом «Inge, warum bist du so nett *?» и пустой стакан не летит в стену, разбившись вдребезги. Потом голова Вилли глухо стучается о прилавок.

— Ой, опять перебрал, думает об Инге,— констатирует наш земляк в военной форме.— Такова уж здесь жизнь,— говорит он.

Действительно ли живет legionер номер 9083?

Живет ли действительно Ирка М., чешский парень из небольшого селения в Велкем Бору у Гораждовицка?

ДЖУА. О КАМНЯХ И СОЛНЕЧНЫХ ЧАСАХ

Городок Джуа (Дзива) убедил, что человеку не обязательно уметь определять время. Особенно тому, кто очутится в центре Алжира в пору, когда позиции колонизаторов становятся все более шаткими и вокруг растет волна ненависти.

* Инга, почему ты так мила?

Это произошло так. Мы бредем по улочке типичного городка среди пустыни, окаймленного глиняными стенами без окон. Намереваемся сфотографировать приземистые дома — кубики из глины, притиснувшиеся к остаткам выветрившихся стен. При всей своей примитивности они весьма живописны.

Несомненно, что все тут осталось в таком же виде, как и в 1858—1863 годах, когда сюда проникли французские экспедиционные войска под начальством Дюверье и Соллейля, или в 1871 году, когда здесь до последнего человека был истреблен французский гарнизон.

Фотоаппарат нацелен. Вдруг откуда ни возьмись просвистел камень. Он упал у самых наших ног и зарылся в землю. Осматриваемся, но вокруг никого нет.

Невидимый враг среди безлюдных, разрушающихся построек.

Чем возбудили мы такую к себе неприязнь?

На всякий случай прячу фотоаппарат. Легкое движение пальцем в кармане — и предохранитель пистолета калибра 6,35 мм снят.

Возможно, что это грабители, а иметь с ними дело не так уж приятно.

— Хотел бы я знать, почему охотятся за нашими жизнями или во всяком случае за нашим фотоаппаратом?

Вероятно, нас принимают за французов. Здесь население, кажется, не очень-то хорошего мнения о своих защитниках и, очевидно, считает, что это надо им продемонстрировать. А может быть, мы хотели сфотографировать какую-нибудь куббу, гробницу, что запрещено. Черт разберется в местных обычаях!

Да. Джуа, лежащая в широкой долине посреди песчаных наносов, имеет свой специфичный язык. Камень, брошенный в двух европейцев с фотоаппаратом, означает всего-навсего «фотографировать здесь запрещено», «осторожно» или «мы снимаем всякую ответственность». Тем более, если двое плохо информированных европейцев собираются фотографировать священную куббу, под которой, как мы потом узнали, еще с 1611 года спит почтенный Си'эль Хаджи Бу Аззам, наполовину талей, ученый, наполовину святой.

Сначала он был простым бедняком, этот Бу Аззам. Когда в Джуа высохли последние колодцы и верующие стали умирать от жажды, Аззам пообещал свою жизнь богу. Аллах, всемилостивый, по его просьбе спас людей, верблюдов

и овец от неминуемой смерти. С той поры жизнь Аззам стала принадлежать исламу. Аззам совершил паломничество в Мекку, а когда вернулся, его исхудавшее тело было сплошь покрыто священными язвами. Глаза же пылали неземным светом. Он достиг иттисаля — жизни в боге.

Это было в семнадцатом веке. А когда в 1871 году в Джуа поставили военный гарнизон, жители три дня и три ночи зывали к духу Бу Аззама. Животные французов пали, снабжение водой оказалось расстроеным. Гарнизон был перебит до последнего человека.

Сколько раз древние стены Джуа орошались кровью? Такова Джуа, окруженная древней, полуразрушенной стеной, расположенная на месте высохшего речного русла.

Мы предпочитаем обратить свое любопытство к более насущным проблемам дня. Надо бы перекусить.

Местная французская гостиница в арабском стиле может предложить нам, кроме прохладного душа, цыплят с оливками, дешевое вино и множество полезных советов. Мсье Ревелло с супругой очень рады, когда им приходится принимать у себя европейских гостей. Даже если они приезжают из страны «за железным занавесом». Альбом фотографий, посвященных Праге, разгоняет их последние сомнения в том, что Прага — это центр кочевников-скотоводов где-то в восточноевропейских степях.

— Я живу в Джуа пятнадцать лет,— замечает господин Ревелло.— Пойдемте, я покажу вам интересную местную достопримечательность.

Почему бы нет? Очень может быть, что на этот раз камни счастливо пролетят мимо.

Уличкой Дуккара, кое-как вымощенной глиняными плитками, мы направляемся к солидному дому по соседству со старой мечетью. Несколько ударов тяжелым железным молотком в ворота, несколько слов мсье Ревелло, недоверчивому слуге, и мы входим в просторный двор.

— Здесь живет мой друг, имам Лакдар,— объясняет мсье Ревелло.

И вот он показывает местную достопримечательность — солнечные часы, виденные нами впервые за все время нашего путешествия в поисках интересных людей и любопытных вещей.

— Вы бы проверили по ним свои часы?

— Да, но ведь цифры арабские.

У нас обычно цифры 1, 2, 3 и т. д. называют «арабскими». Но эти цифры для арабов все равно что китайская азбука.

Вы спросите, как выглядят «подлинно арабские» цифры, хотите познакомиться с ними. От нуля до девятки араб пишет цифры следующим способом:

Отсюда можно видеть, что лишь «1» и «9» более или менее похожи на наши «арабские» цифры. Если же араб напишет наше число 100, это будет означать 155.

Научиться считать до десяти совсем не трудно, особенно если под рукой имеется транскрипция:

1 вахад	6 сетта
2 зудж	7 себ'а
3 тсельтса	8 тсеманиа
4 арбе'а	9 тес'а
5 кхемса	10 ашра

После этой небольшой экскурсии в мир «действительно арабских» цифр мы смогли бы разобраться и в солнечных часах, которыми украшен двор дома имама в Джуа. Часы показывают надежно, потому что тучи здесь почти никогда не закрывают солнца, как в Европе. Впрочем, кто тут интересуется временем? Оно течет так же быстро, как и тогда, когда его не измеряют. Смотреть время от времени на часы — это европейский обычай! Один день пройдет, настанет другой.

«Считай не часы своей жизни, а ее результаты, аромат которых мил носу аллаха».

Разве не так черным по белому написано в Книге?

КОГДА НОГИ ВЯЗНУТ В ПЕСКЕ

Верблюд у городской стены в оазисе Джуа сжевал последнюю охапку сухой галвы и принял обычное, тупое и добродушное выражение. Хаджи Мессуд бросил ему еще одну охапку травы и похлопал его по длинной, кривой, вылинявшей шее.

Ноги у верблюда короткие и сильные. Сразу видно, что это выючное животное, совсем не элита среди своего четвероногого племени. Вообще в Джуа редко можно увидеть благородного верхового верблюда. У такого верблюда-рысака ноги стройные, тонкие, как у натренированной балерины.

Хаджи Мессуд произнес какие-то загадочные слова, и верблюд, продолжая пережевывать галву, опустил на передние ноги. Его невозмутимость в эту минуту можно было сравнить с невозмутимостью стойка или эль-азхарского мыслителя.

Смуглые люди в белых одеждах приводят сюда еще несколько четвероногих «автомашин»: начинает формироваться караван.

— Солнце высоко, можно грузить! — приказывает Месуд. — Старайтесь, старайтесь, мои милые, мои храбрые львы и герои. Работайте, вы, оборванцы, плуты и бездельники!

Потом начинается процесс усаживания. Это далеко не пустяки. Едва верблюд ощутит прикосновение, как сразу же встает. Поэтому вы должны быть внимательны, как охотник. В левую руку надо взять узду и быстро вскочить в седло, пока животное стоит на коленях. В то же время правой рукой необходимо придержать переднюю часть седла. Чем скорее вы сядете, тем лучше для вас. Когда опустившийся на колени верблюд ожидает наездника, он очень волнуется. Это легко заметить: он скалит свои желтые зубы, щелкает ими и фыркает.

Когда же верблюд поднимается на ноги, а вы уверенно сидите в седле, испытайте, как он реагирует на ваши команды. Заставьте его опуститься на колени и снова встать. Как заставить его опуститься? Нужно легонько стегнуть его кнутом по задним ногам и резко дернуть уздечку вниз. Наконец, вся эта церемония окончена.

— Главное то, что мы тронулись, — заявил с облегчением Божек через час, когда Джуа была уже далеко позади. — Лучше уж раскачиваться в седле, чем до бесконечности ждать, пока весь караван будет в сборе.

Но зато теперь для нас наступило полуторадневное испытание всех физических и душевных способностей. Выполнить нормы спортивного комплекса сущая игрушка в сравнении с такой поездкой. Караванная тропа, веди нас к Беррахему, Бир Бесбесу и Улед Джелалу! Джины пу-

стыни, будьте благосклонны к нам, не засыпайте наши глаза песком, храните от морской болезни, тотчас же появляющейся, если посмотреть вниз с высокого седла раскачивающегося «корабля пустыни!» И особенно когда поднимется ветер и несет навстречу мелкий песок. В это время человек, не чувствуя под собой твердой земли, начинает испытывать весьма неприятные ощущения, возникающие где-то в области желудка.

— Смотри... в песке выбеленные солнцем кости,— констатирует, сидя в седле, Божек.— Что ни говори, это не очень приятное зрелище.

— Не поднимай панику из-за какой-то кости,— успокаиваю я.— В жичанском лесу близ Праги ты увидел бы кучи промасленной бумаги и пустых консервных банок из-под паштета. Что поделаешь, в каждой стране свои обычаи!

Погонщики верблюдов выглядят очень колоритно — они напоминают разбойников пустыни. Но мы надеемся, что они не имеют намерения отобрать у нас компас, фотоаппарат, бритвенный прибор и тому подобное — ведь для них все это совсем ненужные вещи. Правда, на их стороне численное превосходство, но зато у нас есть бумага господина генерального резидента, да еще с круглой печатью на бланке соответствующего формата! Как-никак это внушает уважение!

Кроме того, водитель каравана, хаджи Мессуд, почтенный и солидный купец. Сначала он не хотел брать нас с собой. Потом в конце концов согласился, правда, на наш собственный риск и страх, но потребовал уплатить половину условленной суммы вперед.

— На ваших дорогах вы платите за проезд тоже вперед, да еще все сразу,— веско заявил он.

Однако вскоре мы заслужили его расположение. Что не смогла сделать круглая печать господина генерального резидента Алжира, то сделал подарок: дешевая зажигалка.

В одиннадцать часов Мессуд решил сделать остановку. Значит, надо хлестнуть верблюда по задним ногам и дернуть уздечку вниз.

— Рреее!

Верблюды опускаются на колени. Критический момент! Животное выполняет приказание с тупым повиновением, забыв про наездника или груз. Сначала оно опускается на передние ноги. Если вы вовремя не отклонились назад, то вылетите вместе с седлом через голову верблюда.

Но мы уже не новички. Мессуд испытующе смотрит на нас и улыбается. Он явно разочарован. Очевидно, он ждал головокружительного сальто-мортале. Выступления воздушных акробатов. Однако за такие зрелища надо платить, иначе ничего не увидишь. Легкий наклон — и мы стоим на земле.

Отвязываем от верблюда гхирбу, мех для воды. Он из овечьей кожи, и вода в нем имеет противный привкус. Но нам она кажется такой же приятной, как шампанское на льду.

Поставлено несколько легких палаток. Их полотняные стенки пестрят обычным здесь резким сочетанием красок: белой, оранжевой, зеленой.

Обед.

Мы едим вместе с Мессудом сухой, постный кускус. Это блюдо из пшена, кусков сушеной баранины, кореньев и каких-то трав. После кускуса десерт: орехи с солью.

Нельзя сказать, что погонщики верблюдов не придерживаются во время еды правил хорошего тона. У них есть скатерти, да еще какие!

Да, да, эти арабские скатерти, расстеленные в палатках погонщиков верблюдов, весьма практичная вещь! В них множество карманов и складок. Когда после еды скатерть складывают, в них можно хранить муку, соль, табак или сушеную саранчу.

У Мессуда торжественное выражение лица.

— Это трехсотое путешествие, которое я совершаю вместе с пророком.

— Вместе с пророком? А я и не заметил, что у нас на палубе такой приятный спутник,— острит Божек.

— Клянусь моей бородой, пророк действительно с нами,— доверительно приглушает свой голос хаджи Мессуд.— Вы посмотрите, на шее у меня священный гамайль, а на голове зеленый тюрбан. Знаете, что это значит? Это значит, что я был в священном городе ислама и что я семь раз обошел вокруг Каабы. Я настоящий хаджи. Не какой-нибудь мошенник, присвоивший себе этот титул для рекламы, а сам и носа не высовывавший дальше своего города. Я человек, который побил в себе дьявола камнями. Поэтому пророк всегда со мной. А раз это так, то он, вне всякого сомнения, принимает участие во всех моих торговых делах.

— Тогда пророк должен иметь долю в прибылях или хотя бы комиссионные, как компаньон,— снова поддразнивает Божек.

— Совершенно справедливо! С любой прибыли моей фирмы одна треть идет моему компаньону Мухамеду ибн Абдаллаху. Для меня это выгодно, потому что я плачу налог на 40 процентов меньше.

— Черт побери! — всерьез заинтересовываемся мы, — но кто же хранит эти деньги? Пророк?

— Разумеется, я, — белые зубы засветились на небритом смуглом лице Мессуда. — Пророк в своей святости не нуждается в моих жалких грошах, тем более что сам он вот уже тринадцать веков как мертв. Но память о нем священна и вечно будет жить в сердцах верующих!

Разговор оборвался.

О своем компаньоне Мессуд вспомнил лишь к концу дня, когда оранжевое, как огромный апельсин, солнце начало погружаться в океан песка, а темные силуэты каравана стали вырисовываться на пылающем горизонте.

Все сошли с верблюдов.

Слова вечной молитвы, читаемой Мессудом, далеко разносились в пустынных просторах.

«Во имя бога наимилосерднейшего! Слава и хвала аллаху, господину мира, всемилостивому, который будет судить всех в последний день! К тебе взываем: веди нас путем тех, к кому ты милостив, а не путем тех, кто заблуждается. Ибо нет бога, кроме аллаха, и Магомет пророк его».

Голос Мессуда, водителя каравана, звучал пламенно, тем более что в своей молитве наш милый хаджи упоминал и о своем торговом компаньоне.

Мессуд явно колебался между верой в своего пророка и верой в свои проценты.

ЗДЕСЬ ШУМЕЛИ ЛЕСА САХАРЫ

Мы находимся где-то между Уэд Гадидом и Уэд Зербой, на пути к самому северному пункту военной территории юга, — Улед Желлалу.

Кхабир Мессуд, водитель нашего маленького каравана, дает знак к краткой остановке. Над песчаными донями несутся слова утренней молитвы — эль-фагр, которую кочевник поэтически называет «молитвой утренней зари».

«Во имя бога наимилосердного! Присягаю в день воскресения: поверит ли человек, что я смогу собрать кости его? Воистину, смогу это и соберу даже самые мелкие кости пальцев его!»

— Цитата из суры воскрешения,— шепчет Божек, вглядываясь в светлеющую даль.

Вездесущая, непостижимая песчаная пыль повсюду. Ею покрыты руки и волосы. И вокруг нас один песок... кроме нескольких балисес — металлических бочек, обозначающих дорогу. Да и те тоже наполнены песком, чтобы жаркий ветер пустыни не перевернул их.

Понемногу песчаная пустыня начинает менять свой облик. На горизонте вырисовывается холм, его плоская, будто срезанная вершина покрыта каменными развалинами. На востоке, уже разгорающемся золотисто-красными отблесками, маячит несколько пальм. Еще мгновение, и над горизонтом покажется раскаленный солнечный диск, источник жизни.

Кто хоть немного знаком с древней литературой Востока, тот не может не вспомнить гимна во славу североафриканского солнца, сложенного египетским владыкой Эшнатоном:

Твое появление непостижимо,
О животворный диск, существующий извечно.
Когда ты появляешься на восточном

краю неба,

Ты наполняешь весь мир своим светом,
Ибо ты, Солнце, прекрасно и величественно,
Ты царишь над Землей, а твои лучи
Обнимают все... живое и неживое.

Этот гимн был сложен в 1370 году до н. э., но звучит он и сегодня, спустя 3330 лет, вполне современно. Его строфы будут трогать сердца и через десять и двадцать тысяч лет, хотя и Земля и ее обитатели станут уже иными. Пустыня Э с - С о х р а — Сахара, как раз такое место, где более ощутимо, чем где бы то ни было, осознаешь смысл времени.

Караван между тем продвинулся к северу. До расстилающегося впереди Каменистого нагорья с растущими на нем там и сям пучками зелени можно, кажется, дотянуться рукой. Здесь мы услышали о подземном туннеле, который якобы тянется под пустыней и соединяет Шотт-эль-Мельгир с колодцами лагуатских оазисов.

И вот мы среди каменных развалин, поросших колючим кустарником и стеблями опунций. Вдруг глазам нашим открывается... что это, мираж, галлюцинация? Фата-моргана пустыни? Нет, это не мираж. Это настоящий туристский лагерь, такой, какие раскидывают обычно во время вос-

кресного пикника. Но где гитара и костер? Кому пришла в голову безумная мысль расположиться лагерем в осыпях Эрг-эль-Зербы?

Из палатки слышится французская речь с парижским выговором.

Он и она.

Не влюбленные ли это, бежавшие сюда из Парижа, в знойный климат южных территорий? Может быть, их чувство показалось им недостаточно горячим под холодным небом Европы?

Палатка зашевелилась.

Сначала показался он. Заросшее лицо делало его похожим на пророка. На голове разрисованный тропический шлем. На шлеме и голова фокстерьера, и бутылка виски, и червонный туз и т. п. Зато совсем не пророческий вид придавали ему короткие штаны цвета хаки, из которых торчали загорелые ноги, самые худые, какие только видел песок Эрга.

За ним светловолосая девушка, с серыми горящими глазами.

Современный божок любви с уверенной улыбкой двадцатой весны.

Сердечный, шумный разговор.

— Необычный пикник, не так ли? — хлопает меня по плечу бородач в коротеньких штанишках. — Но каждое «почему» имеет свое «потому». Чтобы вам было ясно: Сюзанна и я в Париже изучаем геологию. А здесь проходим практику.

Он показывает нам геологический молоток и рабочий журнал.

— И не скучно вам посреди моря песка, на раскаленной куче камней?

— Вам бы тоже не было скучно, мой друг. Три вещи облегчают нам жизнь. Во-первых, расположенный поблизости лес, во-вторых — переносный приемник «Филко», в-третьих — моя кошечка, Сюзанна, которая мимоходом получила здесь обширные познания в геологии и кулинарии.

— О каком лесе вы говорите? Я не вижу ни одного деревца.

— И все-таки в нескольких шагах отсюда находится настоящий лес.

— Что вы водите меня за нос, дружище? Вы думаете, я слепой?

— Мы не шутим, честное слово! Если не верите, пойдите посмотрим.

Двух неверующих Фом из Чехословакии молодая парижская парочка берет за руки и влечет к месту, где торчит множество каменных вековых стволов.

— Окаменевший лес,— шепчет почтительно молодой геолог.

— Восхитительно! — говорю я.

Пробую представить себе те доисторические времена, когда между Джуга и Улед Джеллалом рос лес. Вероятно, он простирался от северного Джебель Кагриля — нагорья, которое высится над Улед Джеллалом, и до Ахаггарского плоскогорья, находящегося и теперь во владении туарегов. Трудно сказать, какая растительность покрывала здесь когда-то землю. Очевидно, это были гигантские виды древовидных папоротников и хвощей. Но теперь все погружено в сумрак давно прошедших веков и погребено под многотонным песчаным покровом, лишь кое-где прерываемым высохшими руслами уэдов.

Кажется, что в каменных стволах заключены духи существ, живших еще в те времена, когда людей не было, или уже мертвых многие миллионы лет.

Сюзанна выносит из палатки консервированный кофе и свой «Филко», изящный радиоприемник, имеющий вид миниатюрного чемоданчика. Ловим волны 210,6 м. Радио Алжира. Джаз.

Сюзанна, дитя Парижа, танцует вокруг палатки и хлопает в ладоши в такт музыке, льющейся из далекого Алжира.

Духи далекого прошлого Сахары, несомненно, поражены.

А каменный лес бесстрастно глядит на человеческие фигурки, собравшиеся вокруг батарейного радиоприемника, на палатку и танцующую Сюзанну.

Вероятно, он говорит себе:

— Что делать... Я слишком стар, чтобы обращать внимание на этих безумцев.

ПОД ЗАЩИТОЙ ФРАНЦИИ

Местный полицейский с изуродованным ртом, в тюбике, с деревянной саблей на боку и толпа мальчишек в белых лохмотьях. Негроидные лица с пухлыми губами. Ноги обуты в галоши из грязи и пыли. Наш караван

входит на главную и единственную площадь Улед Джеллала. Вокруг площади, как и в остальных городках Сахары, крытые, пестро расписанные галереи.

Солнце докучает нам сильнее, чем толпа любопытных. Разгружаем животных и скорее в тень. В городке, по слухам, существует приземистое здание — отель с дешевыми номерами. Вот здорово: бар с холодильником, ванна, на окнах сетка от moskitov, постель!

Но происходит что-то непонятное. Нас окружают несколько стражников во главе с уже знакомым нам полицейским и ведут к огромному дому с плоской крышей. Вокруг дома высокие стены, поверх которых протянута колючая проволока.

Над этой громадой из камня и колючей проволоки в знойном, недвижимом воздухе развивается красно-бело-синий флаг Франции.

— Но, господа, неужели мы взяты под стражу? Ведь у нас письмо от господина генерального резидента... а вот и разрешение.

Оказывается, вовсе нет. Мы не взяты под стражу.

Мы просто милые гости французского офицера, мсье коменданта.

Комендант Дуэ производит впечатление общительного и интеллигентного человека, пожалуй немного утомленного и нервного.

Он из тех колониальных офицеров, которые исполняют приказания, держа свое мнение при себе.

Он из тех колониальных офицеров, которые отдали часть своей жизни и здоровья этой «африканской Франции».

Он из тех колониальных офицеров, которые высидают в седле верхового верблюда столько же, сколько и за рулем автомобиля, а после двухмесячного отпуска в Париже или Нанси уверенной походкой снова ступят на песок Сахары.

Человек, чье сердце превратилось в высеченный из камня символ Долга.

— Ах, вы спрашиваете, стреляем ли мы во взбунтовавшихся туземцев? Да, мы это делаем, но только из соображений собственной безопасности. Поймите, что мы здесь на войне. Сущность войны заключается не в том, чтобы миндальничать друг с другом.

— Вы убеждены в правильности того, что совершается в Алжире по отношению к местным жителям?

— Дело вот в чем. Свет неосязаем и неосязаем, но он реален. Если бы я не верил в единственную абсолютную ценность, во Францию, я не верил бы ни во что, даже в правильность того, что происходит сейчас в Алжире.

Комендант Дуэ раскурил трубку. Луч света, пробившийся в его кабинет сквозь щель в жалюзи, отразился от граней стеклянной пепельницы и заиграл множеством радужных зайчиков. Вентилятор монотонно бормотал свою колыбельную.

— Видите ли, служба в Сахаре имеет свои особенности. Она истощает в нас не только физические силы, но и французский дух. Поэтому вы не должны удивляться, господа, если французские колониальные методы здесь, в Алжире, иногда не соответствуют традиционным представлениям о французской галантности.

— Конечно, конечно,— киваю я головой.— Люди и не поверили бы, как европейские методы в колониальном климате утрачивают свои традиционные качества.

— Вот, вот,— грустно соглашается комендант.— Впрочем, с туземцами после нескольких небольших инцидентов установились очень хорошие отношения. Некоторые из них очень милы. Достойные граждане африканской Франции. Кстати, завтра я еду в гости к шейху Бенгане в область Тольги и Бискры. Приглашаю вас с собой, господа, и надеюсь, что не в ваших интересах отвергнуть мое предложение. По окончании нашей небольшой экскурсии вы сможете воспользоваться ближайшим экспрессом Бискра — Алжир.

Ага. Вот о чем идет речь. Удалить двух «милых» иностранцев из района военной территории Южных областей.

И как можно скорее.

Ну что же, Бискра все равно лежит на нашем пути.

Все ясно.

— Mon commandant, ваше благородное предложение обязывает нас от всего сердца поблагодарить за него.

— Это все, господа, что я могу для вас сделать. Поэтому я и приказал своим людям проводить вас сюда в форт. Исходя из ваших собственных интересов, исходя из вашей безопасности. Если бы вы, вопреки моим предостережениям, захотели оставить форт, в ваше распоряжение поступает лейтенант Леклерк. Иначе я не могу ручаться за вашу личную безопасность. Леклерк кстати покажет вам коллекцию окаменелостей и предметов, найденных при раскопках, собранных здесь в форте. Это остатки древних

культур, браслеты, ожерелья из зубов и тому подобное. Во время ужина и после него вы, разумеется, наши гости.

Иными словами: без лейтенанта Леклерка не смейте совать свой чехословацкий нос в наши колониальные дела.

Лейтенант Леклерк с виду милый, симпатичный молодой человек. В отутуженных брюках, в рубашке цвета хаки с короткими рукавами, он двигается с легкостью танцовщицы. Французское остроумие сыплется из него, как искры из рождественского фейерверка. На руке у него элегантный хронометр, комбинированный с компасом. При каждом движении руки движется и воздушный пузырек в маслянистой жидкости под стеклом. Все это позолочено. Ногти тщательно отшлифованы.

Так же отшлифовано и каждое его слово.

Интеллигентный, образованный, знаток древних культур.

И все-таки он активно поддерживает политику силы — последнее слово европейских держав в Африке. Той политики, которая, к сожалению, постоянно углубляет и без того глубокую пропасть между народами Алжира и Франции.

— Как вы относитесь к будущему колониальных режимов в Африке, мсье лейтенант? — пробуем мы уколоть этого франта.

— О ла, ла, что за вопрос? — рассмеялся Леклерк. — Политикой, господа, я принципиально не интересуюсь. Это я предоставляю другим. Я служу здесь, в Джеллале, потому что принес присягу Французской республике. Но вам я могу сказать, что охотнее бродил бы по парижскому Монмартру со своей Vivienne. Красивая девушка, а?

Мы рассматриваем фотографии. Вивьенна, Сюзанна, Ивонна, Одетта. Личики, какие можно видеть в парижском метро между шестью и девятью вечера. У всех ротики в форме сердечка.

— В этом я очень разборчив, господа. Количество не должно идти в ущерб качеству. Это мое политическое кредо, в котором не изменило ни запятой мое пребывание среди алжирских песков. О, Париж! — закончил наш невольный приятель, и его протяжный вздох был прерван резким ударом кулака по столу.

— В этом вшивом форте единственное развлечение — слушать джаз по радиопрограммам. Мечтать о фонарях на набережной Сены и о прогулках вокруг прудов в

Булонском лесу. А здесь надо натирать спину лимонной кислотой против этих милых существ — комаров. Иногда они устраивают настоящие вторжения. Человек должен сыпать во все кушанья атэбрин. Какая уж тут политика!

Лишь позднее мы узнали, кем был наш собеседник — убежденный «враг» политики.

Он был агентом местного отделения политической информационной службы.

ФИНИКИ ШЕЙХА БЕНГАНЫ

Песчаной дорогой из Улед Джеллала по направлению на Тольгу и Бискру неся серый открытый автомобиль 3016-AL-16. В автомобиле сидели два французских офицера и два штатских чехословака, чьи лица уже приобрели смуглый оттенок и без применения косметических средств.

Сзади комендант Дуэ с чехословаком номер один. У руля лейтенант Леклерк с чехословаком номер два.

— Шейх Бенгана самый большой производитель фиников в районе Бискры, — говорит французский комендант. — У него семьдесят семь чистокровных арабских коней. Коллекция оружия, японского и восточного фарфора и фаянса, кальянов. Кроме того, пятьдесят две жены. Столько, сколько недель в году.

— Мы увидим его жен?

— Конечно, нет. И постарайтесь не расспрашивать о них. Здесь не Европа, тут семейная жизнь совершенно частное дело, понимаете? Могу вам еще кое-что сообщить: со всеми Бенгана действительно живет. Средний возраст супруг достаточно высок, примерно семнадцать лет. С восточной точки зрения — они взрослые, почтенные женщины, которым уже недалеко и до двадцати.

А вокруг нас только песок. Того и гляди он целиком поглотит шоссе.

После полутора часов езды автомобиль резко тормозит. Каморка привратника или что-то в этом роде. За стеной сад и роскошная вилла в изящном арабском стиле.

Первым выскочил лейтенант. Щелканье дверок автомашины, запах бензина от перегретого мотора, несколько секунд ожидания. Лейтенант уже звонит у ворот.

— Это Леклерк. Доложи шейху Бенгане. Да живей пошевеливайся!

Невидимый дух-слуга скрылся и в свою очередь кому-то звонил. Через минуту послышалось гортанное:

— Соизволите войти.

Почему бы нет?

Само собой разумеется, меня очень интересовал владелец финиковых плантаций и еще больше — владыка пятидесяти двух жен.

Однако скоро мне пришлось испытать самое большое разочарование дня.

Шейх Бенгана, муж пятидесяти двух жен, оказался старой развалиной. Его бегающие глазки плутовски улыбнулись коменданту. Было ясно, что встретились двое хороших знакомых, понимающих друг друга с полувзгляда.

— Друзья из Чехословакии пришли взглянуть на твои финиковые пальмы, шейх, — представил нас комендант.

— Они такие же желанные гости, как и ты, — двусмысленно улыбнулся Бенгана, эта хитрая лиса. — Финики фирмы Bengana — Dattes-export, или просто Benganex, — экспортный товар, и надеюсь, скоро с ними познакомятся и в вашей Чехословакии. О, конечно, насколько это позволит политическая ситуация. Но я надеюсь, надеюсь. Урожай как раз поспел. Главные покупатели: Швейцария, Италия. Скоро мои финики пойдут и в Исландию.

Как видно, господин Бенгана «трудится», так сказать, в мировом масштабе. Это не мелкий лавочник, во всяком случае в обычном смысле слова.

Потом мы прошли в пальмовый сад. Хитроумная оросительная система. Облицованные цементом каналы полны водой. Всюду доказательства тщательной планировки.

Источник богатства Бенганы — финиковая пальма. Мы узнаем, что отдельные экземпляры имеют от роду 250 лет, но обычно пальма живет лет до 70. Когда она начинает отмирать, ее ствол весной в двух-трех местах подсекают прямо под листьями. Обильно выделяющийся сок стекает в специально подвешенные сосуды. Сок течет недель 10—12. По утрам жидкость переливают в другие сосуды и дают ей перебродить. Получается лагми, пальмовое вино.

Но основное, что дает пальма, это финики.

Десятки девочек и мальчиков, совсем крошечных, карабкаются по шершавым стволам вверх. Маленькие рабочие деревянными крюками срывают гроздья золотисто-желтых плодов. Некоторые плоды розоватые, как коралл. Другие прозрачные, словно сделаны из стекла.

Потом финики поступают на сортировку и сушку. Мотор, вероятно от трехтонного грузовика шевроле, приводит в движение сортировочный конвейер. Что-то вроде намека на машинное производство.

В сортировочной мы убедились, что «финик финику рознь».

Да, здесь было что выбирать!

Вот эти розовато-прозрачные, пахнущие медом, называются «эль шелеби». У них крохотная косточка, они быстро засахариваются и легко прессуются.

«Аджвах» — синеватые, словно покрытые инеем.

С ними конкурирует приторно сладкий «хилвах». Он сладчайший из сладчайших. С этим словом обращаются друг к другу здешние влюбленные. Правда, не установлено, постоянно или только в период самой жаркой влюбленности.

Большой спрос и на финики сорта «балах». Их сушат прямо на деревьях. Затем вместе со стеблем грозди складываются в ящики с надписью «Bengana — Dattes — export».

Если вы особенно изысканный гурман, фирма Бенгана предложит вам «эль-сейхани». Эти финики срывают еще незрелыми и бросают в кипящую воду. Они сохраняют свой кафареечно-желтый цвет и легкий горьковатый привкус. После варки и охлаждения «эль-сейхани» нанизывают на бечевку и сушат. Точный технологический рецепт, однако, является секретом фирмы Бенганы.

Вкус ананаса напомнит вам сорт «мискал». Это очень крупный финик с мякотью, напоминающей густой мед. Он золотисто-прозрачный, словно из стекла.

Именно эти изумительные плоды обрабатываются в сортировочной под литером IX.

Длинные ленты транспортеров подносят финики к сортировочным чанам. И вот здесь, у благоухающего золотого ручья, в виде баснословных прибылей снова возвращающегося в сокровищницы шейха Бенганы, мы обратили внимание на лица молодых сортировщиц.

Работают они с неимоверным напряжением.

— Красивые девушки, — смотрю я на Леклерка, — и какие прилежные. Дешевая рабочая сила для плантаций, не правда ли?

— Красивые-то, красивые... но знаете: у красивых плодов червивое ядро, — машет рукой Леклерк. — По крайней мере у тридцати пяти процентов этих девушек, еще не успевших стать женщинами, наследственный сифилис. Они

будут иметь детей, много детей. И их дети тоже станут наследственными сифилитиками, и снова будут рожать одно поколение сифилитиков за другим. Представьте себе такую цепь? Правда, это несколько не снижает их ценности как рабочей силы. Пока, конечно, они не ослепнут или не сгниют заживо.

— А французская администрация?

— Проводит некоторые санитарные мероприятия. Правда, она старается не вмешиваться в социальные отношения населения, тем более в отношения между алжирским работодателем и алжирскими рабочими. В алжирском статуте ясно говорится: «всему туземному населению гарантируется экономическая свобода».

Это означает:

Алжирский предприниматель имеет неограниченные возможности затевать различного рода предприятия, зарабатывать и распоряжаться судьбами своих рабочих.

Алжирский рабочий имеет неограниченные возможности не работать и умирать с голоду, часто не достигнув и тридцати лет.

Алжирская женщина имеет неограниченные возможности рожать детей, возможно новое поколение наследственных сифилитиков.

Финики шейха Бенганы имеют горьковатый привкус.

О ЛОШАДЯХ И НЕМНОГО О ЛЮДЯХ

Шейх Бенгана хороший коммерсант.

Он был бы простым лавочником, а не королем фиников, если бы не имел ясного представления о том, что такое коммерция.

Бенгана очень хорошо знает, что основой всякого коммерческого успеха является внешняя представительность.

Поэтому шейх держит много коней и много жен. И вовсе не потому, что в его годы способен пользоваться этими вещами. Но ведь большая конюшня и большой гарем являются на Востоке показателем высокого общественного положения.

Бенгана — феодал, живущий с единственной целью: чувствовать себя большим хозяином. Современные алжирские феодалы, вот такие, как он, владеют несколькими автомобилями, телевизором, личным секретарем, телефоном, прсведенным в ванную, холодильником для спиртных

напитков и кредитом в алжирском филиале Банка Ротшильда.

Финиковые пальмы, жены, автомобили, телевизор, коллекции оружия, восточной и японской посуды и многие другие вещи являются свидетельством его богатства и власти, свидетельствуют об этом и кони.

Самый благородный конь под солнцем — арабский. Если вы увидите красивого жеребца или кобылу, можете держать пари, что их прапрапрадед был арабской породы.

Арабские кони изумительны. У них ровная линия лба, крупные розоватые ноздри, необычайно стройная шея, высоко посаженный хвост, длинная и нежная грива, порывистые движения. Они умны.

Именно такие кобылы стоят в конюшнях шейха Бенганы.

С особой гордостью водит он гостей по конюшне и любовно называет четвероногих обитателей по имени. Он знает не только их имена, но и родословную — на каждую лошадь заведена тетрадь, где записана ее генеалогия.

Голову даю на отсечение, что господин Бенгана не знает так хорошо своих работников!

Современный феодал Бенгана имеет весьма своеобразное представление о ценности разведения лошадей.

— Вы, вероятно, скажете, что лошадь не такая уж ценность, ведь это не человек. Смешно! Людей можно наделать сколько хочешь. Это докажет любая девчонка на моей плантации. Но попробуйте вырастить благородного, чистокровного коня, как, например, мой Нур!

Бенгана каждый день навещает своих любимцев. Он точно придерживается распорядка дня. Вот неофициальная выписка из этого своеобразного дневника:

- 5.00 — подъем и гимнастика пальцев и конечностей
- 5.15—5.45 — ванна и массаж
- 6.00—7.00 — завтрак: бисквиты в молоке
- 7.30—8.00 — чтение газет, главным образом биржевых новостей
- 8.00—9.00 — посещение конюшни
- 9.00—21.00 — все остальное.

Как следует из приведенного расписания, осмотру коней дается предпочтение перед торговыми делами, докладом секретаря и экономическим анализом цен мирового рынка на финики. Вероятно, потому, что пророк говорил:

«Заботьтесь утром о своих кобылах, и бог, великий, все-милостивый, будет покровительствовать в ваших делах днем».

А также, возможно, потому, что кони лучшая тема для воспевания в стихах. Алжирский поэт называет кобылу «той, что с танцующими ногами», о герое говорит, что у него «сердце жеребца». Влюбленных именует «о мой милый благородный конь» (или кобыла, в зависимости от пола). Короче, конь служит предметом наибольшей заботы и любви и воплощением самых благородных качеств.

Но кони в Северной Африке не только предмет увлечения. Арабские ученые создали целую науку о лошадях, их дрессировке и воспитании. Труды этих ученых помещены в толстых, солидных фолиантах. Иппология, наука о лошадях, стала в конце концов достоянием знати. Вероятно, знать потому и отдаст столько забот лошадям, что не хочет отдавать их людям.

Скачет несколько жеребцов. Тот или иной их подбор имеет свое особое название в зависимости от сочетания мастей.

На скачках с препятствиями каждый конь именуется по месту, занимаемому им в общей группе. Первый называется «маджид» — «увенчанный славой», второй «бесир» — «видящий», третий «хабиб» — «любимец». Конь, который окажется победителем, называется хозяином просто «друг» — эль шалил.

Вот готовят лошадей к воинственной игре. Через минуту-другую понесутся они с пронзительным ржанием, неся всадников, ошетилившихся оружием. Будет показано, как наездник на полном скаку остановит коня перед самым носом испуганного зрителя. И в этом случае коней перед стартом выстраивают в определенном порядке, словно солдат перед атакой. Короче, жизнью лошадей руководит строгий порядок, организованность, какой часто недостает людям. Ислам, а тем более североафриканский, учит ценить коней, как женщин, колодцы, оружие.

И все это в то время, когда шейхи ездят в автомобилях, а высшие сановники мусульманской церкви свои религиозные паломничества в Каир и Мекку совершают в кабине самолета.

Разве вы не знакомы с жизнью пророка? Его история по существу история коней, которые сопутствовали ему на отдельных этапах его жизни.

Величайший проповедник слова аллаха Магомет купил в молодости коня у племени Бени Фасара. Это была кобылка Сакбах. «А «сакбах» означает «галоп». Да, она не посрамила свое имя. Сакбах всегда была впереди. Пророк верхом на ней мчался во главе своих приверженцев. Он, живой меч божий, на черном огненном дьяволе!

Другая кобыла Магомета была белей только что выпавшего снега. Называлась она Муртаджи. Третья кобыла — золотистая Сабха. Десять верблюдиц дал за нее пророк.

Четвертая кобыла — Жулима, темно-коричневая, шоколадная.

Пятая — Эль-Лахиф, и так далее.

Особое место в лошадиной галерее пророка занимала кобыла Мириах — Ветер Юга. Эту изумительную лошадь Магомет получил при помощи пророчества: его внутренний голос будто бы привел его в пустыню к месту, находящемуся вблизи дороги из Мекки в пустыню Неджд. Там стояла брошенная Мириах — Ветер Юга. Она пять раз спасала пророку жизнь.

Обо всем этом нам сообщили за обедом.

— Ветер Юга не исключение, — рассказывает нам финиковый король. — Я слышал и о других лошадях, которые спасали своего хозяина от гибели. Например, гнедой Мутавали однажды во время дворцового переворота умчал алжирского бея Шайруддина. Гнедой был награжден золотым недоуздом и назначен министром. Конь спас жизнь и рису Саллаху, когда его в 1549 году похитили из крепости враги. Вы напрасно искали бы такие случаи в истории других народов.

Бенгана говорит непререкаемым тоном.

Должен ли я рассказать ему историю о Горимире и его Шемике, о прыжке с вышеградской скалы?

К чему? Еще сочтет за пропаганду.

Времена меняются.

Шайруддина спас гнедой, за что был назначен министром.

Бенгану и ему подобных, настоящих бичей алжирского народа, ничто не спасет. Никакое чудо, никакая кобыла. Даже если бы ее назначили премьер-министром.

СПЯЩИЙ ПРОБУЖДАЕТСЯ

ТАНКИ НА УЛИЦАХ БИСКРЫ

Избитое изречение гласит, что не жил тот, кто не побывал в Бискре.

Бискра, город на краю Сахары, ворота к северному европеизированному побережью Алжира. Город развлечений, игорных домов, кофеен и танцевальных залов. Место паломничества отнюдь не для тех, кто предается богоугодным размышлениям. Сюда приезжают, чтобы встряхнуться и забыть о повседневных заботах.

Бискра служит магической приманкой для кочевника, который много недель скитается по пустыне, а потом появляется посреди темных улочек старинных кварталов, чтобы «вкусить жизнь». Здесь есть девушки Улед Найла.

Что там писал Абу Абдаллах Омар бен Мухамед в своей книге «Благоухающий сад сновидений»? «Хвала аллаху, который вложил мужскую радость в тело женщин и женскую радость в тело мужчин. Богатые и бедные, все без исключения, подвержены слабости искать любовь...»

До глубокой ночи звучат дарбуки в туземных танцевальных заведениях, так же как в европейском квартале допоздна горят матовые лампы бара «Сахара». Вблизи гостиниц утомленно мерцают красные лампы дансингов, где вы сможете увидеть «подлинные» берберийские танцы.

Так выглядит Бискра — прожигательница жизни. Нечто вроде миниатюрного Парижа, стоящего одной ногой еще в песке, а другой — уже на асфальте европейской цивилизации.

Но есть не только Бискра прожигательница жизни. В последние годы, после второй мировой войны, появилась новая Бискра, Бискра-воительница.

Однажды вечером мы искали эту Бискру-воительницу в темном двухэтажном доме с плоской крышей южного стиля. Винтовая лестница привела нас к двери с молотком и вывеской, на которой было написано:

„VOIX OUVRIÈRE“

региональная редакция города Бискры.

Время работы от 5 до 7 и от 19 до 22 ч.

Как? Рабочие часы в такое необычное время?

Мы вдыхаем затхлый воздух филиала редакции газеты Voix Ouvrière, что означает «Голос рабочего». Она является местным органом CGTA, алжирской конфедерации труда.

Профсоюзных деятелей и их газеты можно найти повсюду, какого бы цвета ни была у них кожа. Везде, где живут и работают люди труда!

Потому что везде есть множество людей, которые создают богатства этого мира и за свой труд хотят получать справедливое вознаграждение.

— Лафид — редактор, основной корреспондент, корректор, администратор и служащий — все в одном лице, — представляется нам подвижной араб.

Дешевый европейский костюм массового пошива сидит на нем мешковато. На голове шашия, плоская феска, красного цвета. Она резко контрастирует с курчавыми, черными, как вороново крыло, волосами. Орлиный нос и тонкие губы оставлены ему в наследство теми, кто никогда и не помышлял о редакторстве.

— Сегодня, к примеру, я собирался приготовить материал о деятельности стачечных комитетов здешних железнодорожников, а потом вымыть два уж чересчур запачканных окна, — рассказывает Лафид. — Видите ли, я хожу в редакцию только после работы — я ведь работаю в гараже Гранье. Счетоводом. Когда я правлю статьи или цифры, я думаю, как исправить жизнь, чтобы она стала лучше. Редакторство мне почти ничего не дает. Разве только неприятности с местными властями. Ведь газету мы выпускаем исключительно на средства рабочих. Поэтому у нас нет даже уборщицы. Редактор сам прибирает помещение, моет пол. Вот только освещение было бы поярче. Эти мои глаза!

Мы просматриваем оттиски последних номеров:

2000 алжирских рабочих объявили забастовки.

Компания Бори проводит снижение заработной платы.

Новые контингенты резервистов прибывают в Алжир.

Полиция в Константине опять стреляла в бастующих.

Похороны жертв демонстрации против колониализма и голода.

Батна: пятеро убитых, одиннадцать раненых.

Такова хроника последних дней и недель.

Зеркало, в котором отражаются судорожные попытки колониализма, пытающегося зубами и когтями удержать свои прежние владения!

— Не думайте, что в борьбе с колониализмом принимаем участие только мы, алжирцы,— говорит Лафид.— На нашей стороне стоят десятки тысяч французов и других европейцев. Все они ассимилировались здесь и считают себя тоже алжирцами. Но и многие из неассимилировавшихся осуждают насилие. Здесь, в Бискре, работает на железной дороге и автомеханических мастерских много французов, которые вместе с нами борются за улучшение условий труда. Мы учимся у них...

— А французские солдаты, которых полно везде?

— Даже многие из них идут с нами. Хотя бы внутренне. Ведь наша борьба направлена не против французского народа. Во время последней демонстрации на углу улицы Гхамра стоял танк. Представьте себе, мимо него непрерывной чередой шли толпы демонстрантов. Впереди — национальные флаги. Наши люди протягивали руки к танку и до хрипоты кричали: Да здравствует независимый Алжир! Долой империалистов!.. И тогда произошло нечто неожиданное.

— Танк открыл по вас стрельбу?

— Совсем нет. Приоткрылась крышка танковой башни, из нее высунулась рука танкиста и приветственно помахала нам. Толпа на мгновение остановилась, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Три-четыре секунды стояла гробовая тишина. Потом, как удар грома, послышались крики, протяжные, несмолкающие крики. Знаете, что они кричали? Приветствовали французский народ. Ту, подлинно великую Францию, которую и я люблю и никогда не перестану любить.

Лафид начал говорить спокойнее. Житель Востока, он любит мягкость рассудительного жеста. Во время разговора с нами он подчеркивал свои мысли жестикულიцией, выделял драматическую линию, чтобы затем взорваться патетическим признанием.

— Пойдемте погуляем по улицам,— предложил он через некоторое время.— Редакционная коллегия постановила отложить уборку редакции на неопределенное время. Мы живем в такое примечательное время. Что из того, что сегодня вечером не будут вымыты два окна, если не исключено, что завтра они вылетят от взрыва гранаты?

По оживленной, европейского типа улице мы направляемся к городскому парку. На углу стоит стальное чудовище, башенное орудие направлено в окно секретариата CGTA.

Что произойдет в ближайшем будущем? Танк откроет огонь? Или из его люка высунется рука и дружески помажет людям!

Мы входим в парк. Аромат цветов смешивается с запахами асфальта и бензина. Величественные финиковые пальмы образуют над аллеей свод из длинных веерообразных листьев. Вокруг древесных стволов обвиваются пурпурно-багровые бархатные колокольчики — разновидность европейского плюща. Золотисто-оранжевые гроздья стрелиций. Заросли гладиолусов, фиолетовых, розовых, желтых.

Легко одетые люди, алжирцы и европейцы, сидят на скамейках, прислушиваются к журчанию фонтана. Точно так же оживляют парк жители Парижа, Монпелье, Палермо, Копенгагена, Праги или Бомбея. Жалко, что через некоторое время их покой будет немилосердно прерван. С 23 часов на улицах оставаться запрещается.

Лафид и мы вдыхаем дурманящую мозаику запахов этого цветущего вечера. Парк в Бискре на пороге восхитительной южной осени! Здесь даже зимой температура не опускается ниже 10 градусов тепла. Возможно, что когда-нибудь, в эпоху ракет, мы будем ездить сюда на зимние каникулы.

— Куда вы едете этой зимой? — спросит тогда фрау Х., сидящая у телевизионного телефона где-нибудь в Берлине.

— Хотели покататься на лыжах по Луне, но у мужа насморк, и мы летим в Бискру, — ответит по телефону ее приятельница из Цюриха или Праги.

Наши души полны оптимизма и ощущения покоя. Мы дышим опьяняющим ароматом цветов... пока шумный продавец газет не нарушает тишину этого изумительного вечера.

— «Голос рабочего»! «Голос рабочего»! Свежий номер... — кричит разносчик, разрушая вечернюю идиллию.

— Забастовка железнодорожников. Волнения в Сетифу. Еще шесть убитых в Константине.

ГОРОД, НАЙДЕННЫЙ В ПУСТЫНЕ

Уж сколько раз в североафриканских пустынях нам пришлось вдыхать запах давно исчезнувших цивилизаций!

Под пылью тысячелетий дремлют остатки древних культур. Много веков назад североафриканское побережье

захватили финикийцы, после них — римляне. Образ жизни, обычаи завоевателей проникали в глубь страны, и там строились опорные пункты, коммуникации, города.

Южнее Константины, недалеко от дороги к бискерскому оазису, расположены развалины города Тамугадис, нынешнего Тимгада.

Колоннады, мощеные улицы, развалины театра и римских бань посередине безводной пустыни Джебель Орес.

Следы античного прошлого.

Здесь стоял город, основанный примерно в 113—116 годах, во время царствования императора Траяна, когортами третьего римского легиона — легиона Августа. Люди, которые завоевали эту часть Северной Африки, решили перенести сюда частицу Рима. Тамугадис наслаждался богатой жизнью и расцветал в зелени апельсиновых деревьев, олеандров и опунций. Позднее, в пятом столетии, он был разрушен вандалами. Из-под глубины веков древний Тамугадис был извлечен французскими археологами и учеными.

Сегодня Тимгад снова живет, но что значит его нынешнее существование в сравнении с блеском его прошлого!

Маленький, шоколадно-смуглый оборванец с красной шапкой на голове оскалил снежно-белые зубы.

— Мсье, купите старинные монеты, в них закланы духи чужих богов.

И вытаскивает из узелка одну древнеримскую монету за другой. По большей части это медяки с зеленоватым налетом окиси, но попадаются и массивные серебряные динарии. На одной стороне символ какого-то божества, на другой — голова императора с массивным затылком. Особенно у цезаря Траяна...

Минута оживленной торговли, и «сокровище» Тамугадиса оказывается в чехословацкой коллекции... Душой и глазами мы погружаемся в прошлое этих развалин.

Через весь город проходит главная улица Декуманус Максимус. Она направлена с запада на восток. С севера на юг протянулась улица Кардо Максимус. Широкие, ровно вымощенные, они свидетельствуют о высоком уровне строительной культуры.

Вдоль трассы Декуманус Максимус колоннада. Фундамент храма Юпитеру. Сейчас только две колонны достигают своей первоначальной высоты. В конце трассы Де-

куманус Максимус возносится триумфальная арка с четырьмя колоннами и коринфской капителью. По бокам стоят две арки поменьше. Надпись прославляет М. Ульпия Траяна, основателя Тамугадиса, величественного, мудрейшего... Призрак из мрамора и камня.

Кварталы расположены в шахматном порядке. По одной из улиц мы проходим к театру. Огромная сцена. Зрительный зал представляет собой громадный полукруг, каменные трибуны расположены на склоне горы. Здесь помещалось четыре тысячи зрителей.

Как это эффектно!

Так же эффектны подступы к театру. Мы видим развалины фасада с остатками тринадцати колонн. От них сохранились только нижние части, но и они своей монументальностью производят неизгладимое впечатление. Какое же впечатление производил этот театр, когда он был полон людьми, залитый светом факелов!

А вот бани, римские термы. Вы найдете в них раздевалки, купальню с холодной водой, бассейн с горячей, душ и двойные номера — судаториум. К ним примыкает салон массажистов — ункториум.

Римский город даже здесь, в Африке, на краю пустыни, был бы немислим без цирка. Поэтому и здешний цирк был ареной великолепных выступлений. О происходивших здесь публичных торжествах и процессиях можно судить по стихотворению, в котором Овидий воспевал одно из публичных римских зрелищ.

„Как только звездочки с неба прогонит солнечный луч,
Величественное шествие откроет начало торжества,
Потом начнутся скачки, за приз будут бороться кони“.

П. Овидий Назон. Fasti. IV. 390—393.

Дорога, на которой устраивались скачки, была проложена параллельно Декуманус Максимус и отделена от нее рядом колонн, покрытых барельефами. На них были изображены сцены из жизни коней.

Все это было уничтожено ордами вандалов, уничтожено жестоко, туго, бесполезно.

Хотите ли вы посетить дом римлянина?

Зайдемте, например, во владение Тирона. С первого взгляда ясно, что он не был бедняком. Внутреннее устройство напоминает дома богачей в античных Помпеях.

Самой парадной была столовая — сенакулум. Здесь Тирон и его жена Кальпурния возлежали на пиру в окружении близких друзей. Они умащивали волосы благовонными мазями и венчали головы оливковыми ветвями.

Сенакулум служила центром общественной жизни. Шумные пирушки, гости, где вы теперь? Что сохранилось от всего этого?

Тирон был причастен и к культуре. Об этом свидетельствуют остатки его библиотеки с несколькими «*tabulae segeae*». Это покрытые воском пластины, предшественницы современных книг. Частично сохранились также пергамент и перья из тростника.

Тирон не разлучался и с римскими богами. Об этом говорят остатки разнообразного религиозного инвентаря. Вот они. Ампулла — кувшин без ручки. Он служил для винных жертвоприношений. Затем асерра — ящичек для благовонных жертвенных мазей. Триподес — треножная кадильница. Потом клетка для священных цыплят. По скорости, с какой они клевали зерно, Тирон судил о будущем своих торговых операций и сделок. Если цыпленок клевал вяло, тогда, о горе, перспективы плохи. Уж такой был обычай у Туллия Сертия Тирона — справляться у римских, а то и восточных богов по поводу своих торговых дел.

В центральном зале дома сохранилась надпись: *«Охотиться, купаться, есть — только в этом и жизнь»*. Почему бы и нет? — Но такая эпикурейская философия имеет свое слабое место. Огонь и дым, среди которых исчез город, служат ярким доказательством этого.

Та же философия объявляет о себе надписью в сенакулуме. Здесь на стене, расписанной искусными фресками, выведено: *«Не спрашивай, что будет завтра»*.

После нас хоть потоп, говорила мадам Помпадур. И в корзины падали головы тех, кто совсем еще недавно ее окружал.

«Не спрашивай, что будет завтра», — говорили, вероятно, богатый Тирон и прелестная, жестокая Кальпурния. А за ними то же повторяли их клиенты, друзья, любимцы и фавориты. Купайся, смейся, ешь, люби — для работы есть толпы рабов. Разве это люди?

Вот объяснение, почему пал Тамугадис.

И почему он должен был пасть рано или поздно.

ЖИВОЙ ГРАД В ЗРИБЕТ-ЭЛЬ-УЭДЕ

В один прекрасный день 1903 года мсье Фулье проснулся, как всегда, рано, и так как ему нечего было делать, он взял свою молодую жену, два чемодана и отправился закладывать новый дом. Вы спросите, куда? Всего-навсего в Алжир. В Зрибет-эль-Уэд.

Примерно пятьдесят лет спустя его сын мсье Жак Мартин Фулье угощал бутылкой Стауэли на террасе своего дома двух чехословаков, Божека и автора этих строк. Вокруг буйная растительность. Утро, но жара такая, что трудно дышать.

Изумительная североафриканская природа в честь наступления дня разукрасилась самыми красочными тонами. Апельсиновые деревья, смоковницы, персики, миндаль, бананы. Сочные листья. Гроздья цветов, желтых, фиолетовых, кроваво-красных, их целые водопады, сладостные и упоительные. Земной рай? Нет. Обычная усадьба, созданная из ничего пятидесятилетним кропотливым, муравьиным трудом.

Когда-то здесь был пустырь, заросший галвой и бурьяном. Сейчас здесь участки, занятые разными сельскохозяйственными культурами. А в центре — великолепный сад с белой постройкой в легком мавританском стиле.

Сначала им было нелегко, этим Фулье. Стычки с местными жителями, ожидание удара ножом в спину, недоразумения с колониальными властями, инфекционные болезни, отсутствие сельскохозяйственного инвентаря, воды, лекарств. Затем лихорадки, война с москитами...

Но усадьба стоит, и ее белые стены резко выделяются на фоне пышной растительности сада.

Наш завтрак: форель, соленые маслины, сыр, бананы, вино. Но все это не идет в горло, стиснутое духотой, словно невидимой петлей. Воздух наполнен каким-то несущимся издалика гудением.

Иногда в чехословацких школах ученики сговариваются между собой и начинают дразнить старого доброго учителя раздражающим жужжанием и гудением. Никак не угадаешь, откуда оно несется. Точно такие же звуки раздаются и здесь, в зеленом саду в Зрибет-эль-Уэде.

Мсье Фулье нервно вытер платком потное лицо.

— Самум, черт побери, а мы сегодня собирались убирать урожай...

Через минуту налетает порыв горячего ветра. Затем наступает тишина, и вдруг карафа с водой летит со стола и разбивается на сотни осколков. Снова горячее дуновение ветра из пустыни.

А с юга уже приближается темная туча. Она становится все больше и страшнее. По земле начинают скользить тени, и кажется, что вот-вот утреннее солнце скроется в тучах. Шум в воздухе все усиливается.

Слуги в доме — восемь кабиллов — сбиваются в кучу. Тревожные жесты, взволнованное бормотанье. Фигуры в белых одеждах с красными шашиями на головах показывают на приближающуюся тучу.

Встревожен и Фулье.

Неужели это саранча?

Ее несет к нам ветром, живая туча все ближе.

Фулье мгновенно превращается в капитана судна, которому грозит опасность. С террасы, заменяющей капитанский мостик, он отдает приказания. Слуги разбегаются. Через минуту раздается адский шум. Кабиллы сопровождают свое выступление звонкими ударами металлических прутков о решетку ограды, стучат в котлы и горшки. Мадам Фулье исполняет оглушительное соло на охотничьем роге. Все венчает отчаянный лай собак.

Зачем весь этот концерт? Ага, вот в чем дело, саранча боится шума. Если шум будет достаточно громким, есть надежда, что она «не решится» опуститься в сад.

Мы помогаем своим хозяевам: пробуем подражать вою сирены. Это напоминает нам войну 1939—1945 годов.

Но вот страшная туча почти над нашими головами.

Словно крупные капли тропического ливня падают первые насекомые на террасу. И в сад. За ними другие.

Живой град!

Вскоре саранча покрывает террасу и весь сад. Насекомые, величиной с мизинец, по цвету напоминают созревший колос ржи. Они расползаются во все стороны, их бурая масса производит неприятный скрип. Эти насекомые — бич Северной Африки.

Неприятный, свойственный только саранче запах отравил атмосферу рая. Поднятый нами шум, напоминавший выступление симфонического оркестра из сумасшедшего дома, оказался ни к чему. Саранча была слишком зачарована цветущим видом зелени на ферме Фулье. Лакомый кусочек для этих обжор!

Мсье Фулье отдает приказание к бою. С мотыгами, лопатами, дубинками его войско выступает против захватчиков. Треск как при ломке камыша. Кабилы состязаются друг с другом в избиении саранчи. Непрошенные гости должны быть уничтожены. Но борьба тяжелая.

Мсье Фулье меняет тактику. В сад вкатывают два опрыскивателя. Через минуту струя смертоносной жидкости бьет во все углы сада. Горы трупов — к счастью, это всего лишь саранча.

Всюду куда ни ступите, полно насекомых.

Хуже всего, что оросительные каналы и оба колодца тоже забиты саранчой. В конце концов вы уходите в гостиную. Но и там полно этой гадости. Насекомые забрались даже в радиоприемник. Саранча проникла в гостиную через открытое окно, через двери с террасы, щели в противомоскитных сетках, через каминный дымоход.

От занавесок осталось лишь несколько ниточек.

Отвратительные насекомые карабкаются по стенам, падают и снова ползут вверх. Тень, которую они отбрасывают, еще больше подчеркивает их огромные размеры и неприятный вид. Из-под столов и стульев тоже доносится треск и возня — свидетельство присутствия прожорливых гостей и там.

Снова за дело! Смерть мерзости, отравляющей жизнь!

В этот день мы не обедали. Только вечером несколько кусков, да и те застревали в горле. Перед нами все еще стояла ужасная картина нашествия саранчи. Даже спустя час после смерти челюсти насекомых продолжали шевелиться. Брр!

— Я вижу, ужин не идет вам в горло. Может быть, хотите омлет из молодой саранчи? — шутит хозяйка дома. — Говорят, это очень аппетитно.

— Невкусная шутка! — пробормотал глава семьи.

На следующее утро слуги сгребали саранчу с террасы лопатами. Внизу горело несколько костров. Каждый костер — это крематорий.

Колодцы и оросительные каналы надо было до вечера вычистить и продезинфицировать. Земля была перепахана, и яички саранчи уничтожены — насекомые откладывали их на глубину до 3 сантиметров. Короче говоря, множество хлопот.

Короткая передышка. Мы смотрим с террасы на сад Фулье. Сад?

Там, где была пышная растительность, теперь торчат только стволы, сучья, голые ветви. Все зеленое и мягкое

обглодано и съедено. Вчера здесь была живая цветущая мозаика. Сегодня — пожарище.

Даже такие растения, как писанг, бананы, можно определить только по форме ветвей. От трехметровых листьев не осталось и следа.

В этот вечер мсье Фулье сидел на террасе, погруженный в безрадостные мысли. Живой град поставил его на грань разорения. Где и как начинать сначала?

Будь у него мелочная душонка, мсье Фулье предался бы отчаянию или размышлениям об отъезде и о том, как бы выгодней все продать к черту... хватит. Мсье Фулье не капитулирует. Он принадлежит к тому сорту французских алжирцев, которые чувствуют себя обязанными этой земле. Правда, современная техника могла бы помочь им, самолеты могли бы уничтожить насекомых прямо в воздухе. Но кто тогда будет обстреливать алжирских партизан и их дуары, что было бы тогда с «умиротворением»?

Нашествие саранчи окончилось. Уничтожены оба: побежденный и победитель.

* * *

На следующий день на предпоследней странице газеты «Journal de Sétif» появилась небольшая заметка. В ней сообщалось:

В департаменте Константина и в ряде других мест, например в окрестностях Зрибет-эль-Уэда, появились отдельные тучи саранчи. Саранча опустилась на некоторые усадьбы и нанесла ущерб местного значения.

* * *

В Бискре, а точнее в Улед Джеллале, окончилась наша поездка по пустынным просторам алжирского юга. Добравшись до Бискры, мы очутились в сфере действия европейской цивилизации, посетили развалины, оставшиеся после античной роскоши, и были свидетелями живого града на ферме мсье Фулье. Этим, собственно, кончается наш репортаж, который являлся погоней за людьми, нравами, обычаями и вещами среди камней и песков.

Что происходило потом, полностью напоминало обычные туристические поездки, разрекламированные в проспектах алжирского туристического бюро OFALAC.

Снова в Бискру, а оттуда белые вагоны алжирского экспресса уносят нас через Константину и Сетиф.

Не взорвут ли наш поезд партизаны, которые будто бы действуют по указаниям, передаваемым через иностранные радиостанции? Кажется, что на этот раз это не пришло им в голову, и своей бездеятельностью они разочаровали журналистов — любителей сенсаций.

Рельсы блестят на солнце, убегая в североафриканские дали, а вы не знаете, чем восхищаться больше: почти незаметным покачиванием вагона или баром с охлажденными напитками. Белый экспресс без сажи и дыма. Кто привык к нашим железным дорогам, вероятно, не поверит, что сидит в вагоне.

И вот, когда белый экспресс с аппетитом проглотит свои 690 километров, вашим глазам предстанет синь Средиземного моря. Моря, по берегам которого горели ослепительные костры древних цивилизаций.

Скрываясь за живым занавесом буйной растительности, оно каждую минуту появляется снова и снова теряется на горизонте в бесконечной шире.

ПЕСОК ВПИТЫВАЕТ КРОВЬ

Прошлое Алжира еще пестрее, чем мусульманские молитвенные коврики.

Задолго до зари исторической эпохи Северная Африка служила ареной деятельности древних цивилизаций. Я говорю «ареной», ибо культура не неизменный фактор, не слепок с неподвижности. Она непрерывно движется, словно нить на веретене истории. Итак, северная полоска африканского континента была ареной многих культур, но каких культур, этого мы не знаем. Рабочие, строящие здесь дороги, часто под киркой находят следы давно минувшего. В глубоком песке попадаются разбитые сосуды, ожерелья, дощечки для растирания румян. Судя по всему, древние жители Сахары были тщеславными кокетками. Они хотели нравиться североафриканским джентльменам. Мы думаем, что добивались они этого и без нейлона паутины.

Лишь значительно позднее здесь засияла еще более тщеславная финикийская цивилизация. Прежде всего в приморской полосе. Соедините вместе сердце мореплавателя и предприимчивый дух торговца — и вы поймете сущность финикийской цивилизации. Вскоре на арену Северной Африки

вступил Рим. Рим — завоеватель. Оказалось достаточно речи, произнесенной в римском сенате, и международная ситуация обострилась. «Считаю, что Карфаген должен быть разрушен», — прозвучало в римском сенате. Правящие круги Рима знали, как избавиться от опасного конкурента в торговле.

И вот к берегам Карфагена пристают римские двенадцативесельные суда, оцетинившиеся множеством копий. На североафриканском песке появляется отпечаток ноги Сципиона.

Алжир становится римской провинцией.

На завоеванной земле возникают новые, римско-африканские города: Тубурба, Тамугадис, Икосиум...

Как чудесны были римско-африканские города в благовонных объятиях апельсиновых деревьев, опунций и платанов! Как они тщеславились своими банями, амфитеатрами, строительством дорог и водопроводов! Уж не восьмое ли это чудо света? Или просто рекламный трюк, имевший целью поразить тогдашний культурный мир?

Апельсиновые деревья в римско-африканских городах цвели вплоть до пятого столетия. Затем нашествие вандалов, которое уже пронеслось над Италией, Корсикой и Балеарами, превратило алжирский сад в пустыню. Разбитые колонны разграбленных храмов. Засыпанные песком дороги в Кабилии. По богатой приморской полосе пронесся смерч беспримерного разрушения, уничтожения и опустошения. Без смысла, без пользы для победителей. Вандализм.

Но время идет, и плодородное побережье Алжира снова заселено. Для того, чтобы стать добычей новой средиземноморской державы. На этот раз Алжир становится колонией византийской империи. Золотыми расшитыми ризами и христианскими мозаиками расцвела культура Алжира, но социальные противоречия продолжали существовать.

Удивительно ли, что на грани седьмого и восьмого столетий появившийся здесь ислам приветливо встречается местным людом? Удивительно ли, что арабский завоеватель Муса ибн Нуссер находил городские ворота настежь распахнутыми? Понятно, почему византийская знать была побита собственными рабами.

Зеленое знамя пророка победно реяло над Алжиром.

Берберы в подавляющем большинстве приняли новое учение. Во всяком случае внешне. Но не все! Некоторая часть оставалась верна христианской вере, очистив ее от

византийской пышности и парадности. Берберийские христиане образовали несколько общин, ставших образцом экономического процветания и социальной справедливости, но мусульманские конные отряды Сиди Окбы устроили берберам кровавую бойню. Трагедия разыгралась в оазисах Зибана. Место битвы и до сегодняшнего дня называется Сиди Окба...

Берберские христиане решились еще на одну отчаянную попытку, на этот раз последнюю. Они восстали, а их царица Дамижах прогнала арабов до самой Барки. Это была последняя ставка в игре. В конце концов Дамижах потеряла в этой игре свою голову. Какой сюжет для романиста, который должен был бы родиться только для этого произведения.

Так весь Алжир подпал под власть ислама, остатки византийской культуры были уничтожены, христианские церкви превращены в склады и мечети. Но внутренняя борьба продолжалась. Появилось яблоко раздора: вопрос об исполнении высшей исламской религиозной функции, халифата. Должен ли он быть наследственным или нет?

Нет, твердили демократы-ибадиты. За это на них ополчились «правоверные» — фатимовцы.

Секты и пророки множились, как грибы после дождя.

Ибадизм, левое, демократическое течение, имел пылких приверженцев. Он особенно поддерживался обращенными в ислам берберами. Но после поражения ибадизма берберам ничего другого не осталось, как искать спасения в пустынных областях Сахары. Так в каменном море под Лагуатом родилась республика Мзаб.

Потом настает время, когда в Алжире непрерывно сменяются исламские династии. То, что разбросали Идрисы, снова собирают Зиры. На развалинах римского Икосиума, у голубого зеркала Средиземного моря, вырастают первые белые постройки Эльджезаира, нынешнего Алжира.

В 1492 году арабские мавры окончательно изгоняются из Испании. Где еще они могут искать убежища, как не за стенами Алжира? Алжир становится бастионом ненависти к христианскому миру. Гнездом беглецов мавров, которые изобретают новое доходное занятие — морское пиратство.

Сколько пленников христиан сделали свой последний вдох под стенами Эльджезаира?

Один из них, талантливый архитектор, выстроил по приказанию алжирского бея изумительную мечеть. В плане она имела форму креста. За это он поплатился головой!

Если описывать историю Алжира более подробно, пришлось бы заимствовать многое из арсенала Райдера В. Хаггарда. В ней должны были быть использованы все основные художественные средства его романов: великодушие и жестокость, опьянение победы и терпкий привкус проигрыша, страсть к наслаждению и проповеди аскетов. Интриги во дворцах беев. Яд и кинжал. Гаремные интриги. Все это было так же обычно, как употребление аспирина при головной боли. Пиратство снаружи, пиратство внутри.

Шестнадцатое столетие является рекордным по своей жестокости, по количеству христианских голов, отрубленных перед мечетью Джемаа-эль-Кебир. Положением в Алжире была обеспокоена вся тогдашняя Европа. Карл Пятый с согласия всех остальных светских и духовных правителей организует морскую вылазку против пиратского гнезда — Алжира. Но на море поднимается буря. Флот, который Карл создавал годами, разметан за тридцать минут.

Хорошо стерег пророк своим мечом Эльджезаир!

В этом же, шестнадцатом столетии алжирский бей Шайрудин показал себя поистине Соломоном. Чтобы обезопасить себя от европейской интервенции, он для вида отдался под покровительство турецкого султана, но остался неограниченным владыкой страны. В 1710 году Али Баба был объявлен суверенным правителем — султаном.

Турецкий волк был сыт, а алжирская коза — целой.

В семнадцатом столетии появляется новый претендент на покровительство Алжира. Это Франция. Возникают яростные политические распри между ней и Турцией. В 1682 году французский маршал д'Эстрэ впервые поджигает огнем своих кораблей Алжир, что приводит к новому обострению отношений между Турцией и Францией.

В 1827 году алжирский бей Гуссейн пригласил к себе французского консула и во время обеда ударил его по лицу веером. Этот инцидент послужил предлогом для нападения Франции на Алжир. «Покровительница» Алжира — турецкая империя — оказалась колоссом на глиняных ногах. Через три года адмирал Дюпери поднимает над Алжиром французское трехцветное знамя.

Но страна не капитулирует.

Более шестидесяти лет тратит Франция, чтобы проникнуть внутрь страны. Шаг за шагом. Это шаги иностранных легионов.

Французские солдаты вязнут в песке, умирают от жажды, сходят с ума от страшной жары, с простреленными головами падают с седел верблюдов. Но так или иначе они продвигаются на юг: к Метлили, к Герраре, к Тимимуну, к Инсалаху.

Легионеры, сражайтесь за каждую пядь земли, за каждую стену, за каждый колодец! Это ваш долг.

Конечно, если за это платят.

КТО УГРОЖАЕТ ЧЕРЕПАХАМ ГОСПОДИНА ГУБЕРНАТОРА

Франция укрепилась на африканском материке. Новые пришельцы наводнили всю северную часть Алжира. Вблизи голубой глади Средиземного моря выросли новые центры с современными виллами, бензиновыми колонками, гаражами.

Поток французских переселенцев хлынул в Алжир. Древние селения кабилы вынуждены отступать перед колонизаторами. Они ищут убежища на склонах Атласа. За пятьдесят лет — с 1906 по 1956 год — северная часть страны превращена в один большой филиал торгового дома «Франция».

Еще бы!

Оливы и апельсиновые деревья в приморской полосе, смоковницы, пробковое дерево, лангусты и сардины. То, что не увидите на витрине, найдете внутри. Трава галва, пириты, марганец, фосфаты, свинец и тому подобное.

Северная полоса Африки все сильнее «европеивается».

Характерными чертами этой европеизации являются новые стратегические дороги, авиабазы, телевизоры, шины сверхвысокого давления, страховые и пароходные компании, филиал фабрики «Батя» в Баб-эль-Уэде, крупный гараж «Корнелля», торговые агенты по продаже холодильников, неоновые лампы ночных заведений, кока-кола.

Но к этим чертам принадлежат также и влияние новых идей, борьба за повышение заработной платы, рост авторитета профсоюзных организаций, забастовки и стачки. Экономическая власть в стране принадлежит акционерным обществам, чьи акции находятся в руках немногочисленных французских семей. Эта олигархия, которой подчиняется и крупная пресса, служит опорой колониального

режима. Так, например, сенатор Боргю, владелец многих тысяч гектаров виноградников и многих поместий, исполняет в то же время ряд общественных функций и руководит журналом «Эхо Алжира». За другим крупным алжирским журналом маячит тень алжирского короля галвы, мсье Блаше. Политическая власть в стране целиком принадлежит генерал-губернатору, или резиденту. Он правит в роскошном дворце Бардо, а для развлечения навещает своих черепах, обитающих в бассейне, в принадлежащем ему же парке.

Вы спросите: а что же туземцы?

Ах, не говорите о туземцах!

Согласно алжирскому статуту 1947 года туземцев не существует, а есть граждане африканской Франции. Теоретически Мустафа бен Барек такой же французский гражданин, как, например, мсье Пино, мсье Рене Мейер или, если хотите, звезда кинонеба Жерар Филип. Правда, с существенной разницей. Алжирцы в подавляющем большинстве живут в своеобразных гетто, отделенных устрашающей табличкой — Casbah (касба) — туземный квартал. Они не имеют доступа в высшую школу. Их не пускают в клубы, где собирается французское общество. Они не имеют прав на всеобщее социальное страхование...

Правда, в марте 1956 года генеральный резидент Роберт Лакост, социалист, пообещал некоторые реформы. Допущение алжирцев к выполнению общественных функций, всеобщее социальное страхование, повышение заработной платы рабочим, устранение дискриминации в приеме на работу, земельная реформа. Крохотный шаг вперед. Но колониальные круги препятствуют проведению в жизнь даже этих нововведений. Они находят в этом подрыв авторитета европейцев. И кроме того — у них другие заботы.

Какие?

«Нужно сказать, что Французская Северная Африка как полноправный член более широкой оборонительной системы является идеальным местом для постройки ракетных и атомных баз», — сообщает журнал «Париж — Алжир». «Фосфатные рудники в Константине, рудники в Уэнце, свинец и цинк — это богатство, которое должно остаться в наших руках», — заявляет сенатор Буржо устами своего журнала.

В соответствии с тенденцией французских колониальных властей удержать во что бы то ни стало источники

алжирского сырья в своих руках предпринимаются крутые меры против всех, кому французский фрак кажется чересчур тесным. Соседние страны Марокко и Тунис уже завоевали себе независимость, правда в рамках Французского Союза. И Алжир, разумеется, не хочет оставаться позади...

Генеральный директор алжирского концерна Дюпон де Немур на заседании Торговой палаты заявил, что Северная Африка без твердой руки Франции подверглась бы иностранной экспансии.

На одном из банкетов, сообщает анекдот, на столе среди блюд с икрой и бутылок шампанского взорвалась бомба. «Сегодня это очень неприятная обязанность — ходить на банкеты», — заявил один из высоких гостей. «В интересах нашего спокойствия мы продаем алжирских коммунистов американским капиталистам».

Во всяком случае этот анекдот хорошо передает ощущение неуверенности, охватившее колонизаторов в Алжире.

Черепашкам господина генерал-губернатора, по официальным высказываниям, угрожает серьезная опасность.

Но кажется, что в отличие от крупных французских монополистов ничего страшного с ними не произойдет.

* * *

Алжирский вопрос перерастает рамки Северной Африки. Ныне алжирский вопрос появился на арене мировой политики.

Всему этому, конечно, сильно способствовала вторая мировая война.

После 1945 года в Северной Африке усилилось народно-освободительное движение, приверженцы которого требовали независимости и демократических свобод. Под давлением демократических сил французская конституция 1946 года признала, что законодательная власть в Алжире принадлежит алжирскому национальному собранию, избираемому на демократических основах. Но на практике продолжали сохраняться прежние методы управления, опиравшиеся на приказы правительства генерал-губернатора (позднее резидента).

Алжирское Национальное собрание формально существовало, но...

На депутатских местах первого созыва находилось 120 членов. Из них шестьдесят — так называемая европейская коллегия — представляли 800 000 европейцев, живущих в Алжире. Такое же количество, то есть остальные шестьдесят депутатов — так называемая мусульманская коллегия — представляло 8 700 000 алжирцев! Такова своеобразная избирательная математика. К тому же еще генеральный резидент имел право наложить вето на решение Национального собрания, если оно якобы «не соответствует конституции» (имеется в виду, конечно, интересам колониальных кругов).

Во время кризиса 1956 года мусульманская коллегия добровольно разошлась, чтобы выразить этим свою солидарность с общенародным освободительным движением.

Революционные силы не хотели складывать руки. Они организовались и готовились к борьбе. Росли такие массовые организации алжирского народа, как Партия алжирского манифеста, Триумф демократических свобод, Народное движение алжирских католиков, Коммунистическая партия Алжира, партия социалистических мусульман SFIO-Français musulmans, а также профсоюзные организации, группировавшиеся вокруг журнала «Алжирский рабочий».

Колониальный аппарат отвечал на рост освободительного движения арестами, и не проходило месяца без того, чтобы не был обнаружен какой-нибудь новый «заговор». В 1954 году вспыхивает крупное восстание в горах Атласа.

Каково положение французских властей?

Умеренные элементы еще в 1954 году предложили выработать план реформ и договориться с представителями алжирских массовых организаций. В противоположность этому круги, инвестировавшие в страну свои капиталы, опасаются роста алжирской национальной экономической мощи и выступают за то, чтобы Франция проводила в отношении алжирцев «политику силы».

И вот под нажимом этих кругов губернатор Жак Сустель в апреле 1955 года объявляет в Алжире военное положение, а в июле 1955 года за его продление голосует тогдашнее правительственное большинство французского Национального собрания.

Новый рост народно-освободительных сил стимулировала конференция в Бандунге. Как известно, зависимые

народы Азии и Африки провозгласили на ней свое право на самоопределение. Двадцать девять государств, участвовавших в конференции, приняли декларацию, в которой призывают французское правительство решить алжирский вопрос мирными средствами.

В результате деятельности бандунгской конференции 30 сентября 1955 года алжирский вопрос появляется в повестке дня Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Представитель Франции министр Пино взволнованно протестует против того, чтобы алжирский вопрос, «являющийся внутренним делом Франции», обсуждался на международном форуме. После обмена мнений состоялось голосование.

Незначительным большинством (28 против 27) Генеральная Ассамблея постановила не рассматривать алжирский вопрос на ее заседаниях.

Само собой разумеется, что это решение пришлось по душе французским сторонникам «с позиции силы».

На голубом зеркале Средиземного моря появилось множество пенных полос, оставляемых винтами военных транспортов, нагруженных солдатами. Из Франции в Северную Африку стали прибывать новые воинские контингенты, а в газетах появились сообщения о вооруженных столкновениях у Батны, Филиппвилля и в других местах. Вся северная часть Африки превратилась в опасную зону, где ежедневно вспыхивали тысячи огней и огоньков народного сопротивления. И на юге, в пустыне, у Эль-Гули и Тимимуна, воздух был наполнен треском выстрелов.

Как же реагировала на все это Франция?

На бурном заседании Национального собрания 18 октября 1955 года был поставлен вопрос о доверии правительству. Тогдашнее правительство Эдгара Фора с наклейкой «правого центра» защищало, разумеется, свою политику «с позиции силы» и в конце концов получило 308 голосов против 254.

Поворот в политике относительно Алжира произошел после победы умеренных элементов на выборах в начале 1956 года.

Новое правительство Ги Молле начало снова рассматривать вопрос об Алжире. Но снова в игру вмешались сторонники колониализма, и правительство Ги Молле и дальше придерживалось в отношении Алжира все того же курса с «позиции силы».

И вот алжирский вопрос снова зашел в тупик. Кровопролитие продолжалось.

В мае 1956 года в Дели прозвучал рассудительный голос премьер-министра Индии Неру. Свои предложения по мирному урегулированию алжирского вопроса он сформулировал в пяти пожеланиях:

обе стороны в Алжире должны отказаться от насильственных действий, чем способствовали бы созданию атмосферы доверия,

Франция должна признать право алжирцев на самоопределение,

необходимо признать равноправие всех алжирских народностей без различия расы,

необходимо признать факт, что Алжир является родной всех живущих в нем народностей,

на основе всего этого необходимо начать непосредственные переговоры.

Чем дальше, тем больше увязает Алжир в паутине дипломатических спекуляций. Эфир и телеграфные ленты агентств всего мира заполнены мрачными и волнующими сообщениями о будущем этой страны на северном побережье древней и таинственной Африки.

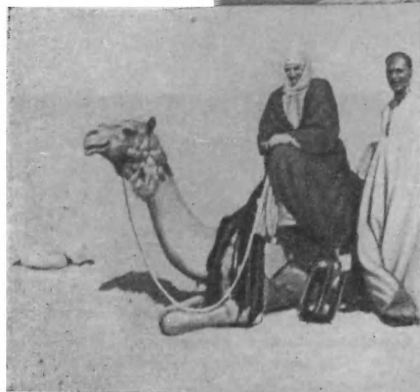
И лишь в пустынных просторах юга Алжира развитие как будто остановилось, и там нет руки, которая бы сорвала листки с календаря истории. Но на самом деле это не так!

АЛЖИРЦЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ

Не надо заблуждаться!

Историю никто не сможет запереть в коробку с песком, называемую Сахарой. Никто не сможет и запрятать ее в разрушающиеся стены городков Сахары, в узкие, темные улочки Касбы или в переплеты корана, написанного пророком. Кто хотел бы остановить историю, тот заслужил бы в школе единицу за незнание неизбежных законов исторического развития.

Спокойствие южных районов Алжира — это лишь оптический обман. Ведь в старинных колодцах веревка, к которой привязано ведро, до сих пор вращается вокруг деревянного шкива, но в нескольких шагах дальше стоит современный гараж с рекламой мишелиновых шин. Ведь и в пустыне внутри каждой песчинки бурлит жизнь, иначе говоря, неизбежное развитие. А звездное небо, кажущее-

Бесконечные песчаные холмы области Юга сложены мельчайшими песчинками

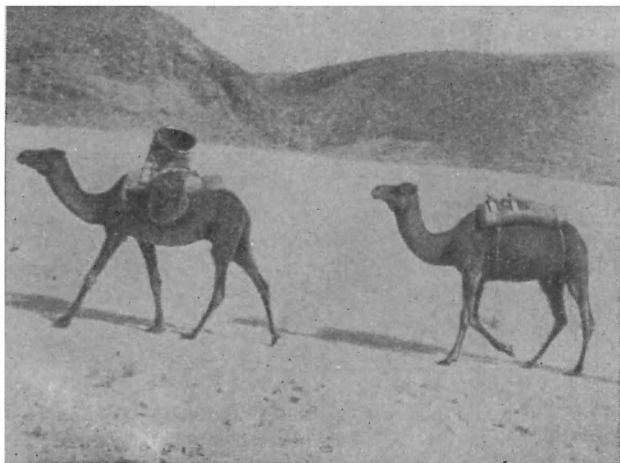
Верблюд мегари, самый надежный вид транспорта на безлюдных бездорожьях алжирского юга

Груды раскаленных камней — кладбище вблизи Уарглы на окраине пустыни

Управляющий пальмерией Бентана в Тольге. Справа от него автор книги с маленьким Омаром, слева лейтенант Леклерк

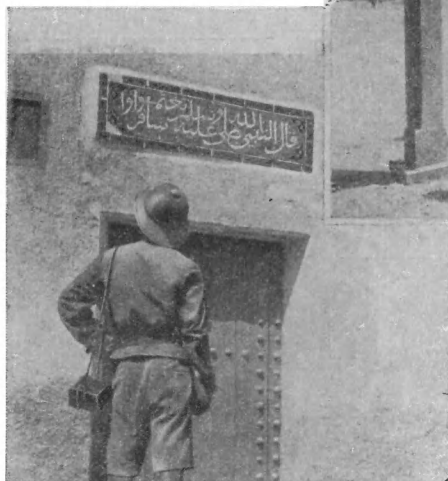
Из Дзивы по направлению к Беррехому — что-то вроде воскресной прогулки

Уличка в Улед Джелалле

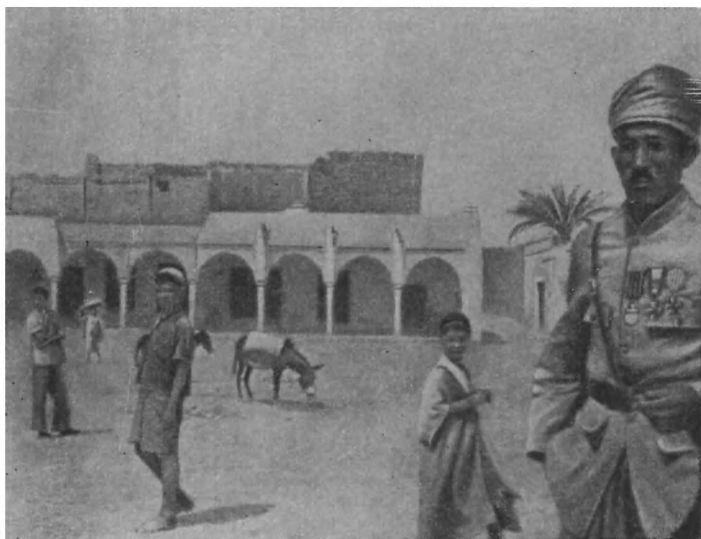
Улед Джеллал.
Площадь оживает лишь в
базарные часы

Прочсть арабскую надпись не очень
сложно — все дело в опыте

Улед Джеллал. Вход в кофейню, над дверью слова из корана

Снова Улед Джеллал. Туземный полицейский в тюрбане

еся недвижимым сводом над пустынными просторами? Но ведь и в межзвездном пространстве каждый год, каждый час, каждую секунду рождаются новые миры.

Таким же миражем является и пассивность людей юга.

Люди здесь мыслят традиционными понятиями, которые оставил им в наследство ислам. Они погоняют своих верблюдов, во время молитвы совершают предписанные поклоны в сторону Каира или Мекки, перебирают девяносто девять шариков четок, повторяя все девяносто девять качеств аллаха, но они уже начинают размышлять об обороте, процентах, комиссионных, как, например, водитель каравана Мессуд.

Кое-кто удаляется от людей и выращивает розы, чтобы не думать об отвратительных язвах нищих. Но, «чтобы идти в ногу со временем», им приходится читать, кроме мусульманских мистиков, и современных европейских философов во французском переводе. Таков, к примеру, бусаадский шейх Слиман.

Феодалы на своих пальмовых плантациях эксплуатируют дешевую рабочую силу единоверцев, но вводят также и механизацию, хотя бы в виде ленты транспортера, а на торговых бумагах ставят европейскую печать, как экспортер фиников Бенгана. Даже недовольные перенимают понемногу новый метод мышления.

Революционер Лафид все еще «правовмерно» покрывает голову мусульманской шапкой, но в своем редакционном кабинете он размышляет, как лучше организовать борьбу стачечных комитетов.

Молодые алжирцы, чьи отцы не знали, как пользоваться мылом, и изгоняли болезни заклинаниями, дискутируют о превращении «пробужденных колоний» в стратегическую основу национальной революции.

Скоростные самолеты, радио, кино и телевизоры сокращают расстояния географические и идеологические.

Поэтому мы не заявляем, что Алжир — это сказка прошлого.

Эт о с п я щ и й, к о т о р ы й п р о б у ж д а е т с я к б у д у щ е м у. Придет время, и он встанет. Проснется, откроет окно, потянется. Потом возьмет метлу и наведет порядок в своем доме, как это обычно делается утром в перерыве между звоном будильника и умыванием. Когда спящий Алжир пробудится, это будет большой заслугой алжирского народа. У него есть не только свои фокусники,

хакиды, предсказатели и танцоры. Среди алжирского народа немало и талантов, мыслящих по-новому, хотя за обедом они и берут столовый прибор еще не совсем уверенно. У них есть свой революционный дух, национальная интеллигенция и, конечно, своя молодежь. Та особенно предана новым идеям.

Но если спящий проснется, в этом будет немаловажная заслуга и французских алжирцев.

Вот эти французы:

Автомеханик Пьер, чьи измазанные маслом руки готовы сваривать и клепать фундамент будущего Алжира.

Мсье Лефевр, кого судьба забросила куда-то на берег речушки около Сакаоди и который своей киркой строит алжирскую дорогу.

Француз-шофер джельфского автобуса, глотающий тысячи километров выбоин, словно куски сахара, и помогающий поддерживать сообщение в раскаленном каменном море «кхевки».

Доктор Дюверье, изучающий жизнь бактерий на аналитическом стеклышке и никогда не вывешивающий табличку «Сегодня приема нет».

Фермер Фулье, из куска пустыни создавший зеленый рай и которому даже во сне не придет в голову уступить природе или людям, мешающим ему.

И еще тысячи других, не упомянутых в этой книге, но действительно существующих.

Француз-радист, сверлящий эфир пулеметными очередями точек и тире и поддерживающий связь через радиостанцию WP-8-Q на краю пустыни.

Француз-землемер, чья кожа стала желтой от частого употребления атебрина, а печень и селезенка до самой смерти сохраняют следы, оставленные приступами малярии, но который не бросит своей работы, пока новое шоссе не будет промерено.

Француз-инженер, засыпающий мертвым сном от усталости под полотняной крышей палатки, окруженный грудой аэрофотоснимков и инструментов. Колыбельной ему служит гудение электрического вентилятора, скрип канатов и скрежет гусениц.

Тысячи французов, строящих мост доверия над пропастью, вырытой ненавистью.

Это ни в коей мере не «положительные» герои. У них дюжины недостатков и grosses слабостей. Но все вместе,

как целое, они сила, которая засыпает пропасти и готовит путь новому.

Где же конец истории о спящем, который пробудится?

Ее напишет сам герой книги, алжирский народ, вместе с тысячами Дюверье, сынами свободолюбивой и великой Франции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Путешествие — это своего рода дверь, через которую выходишь из знакомой действительности, чтоб перейти в действительность, неизведанную, кажущуюся сном...» Эти строки принадлежат Ги де Мопассану, совершившему в 1881 году путешествие по Алжиру.

Если путешествие — это дверь, то рассказ о путешествии хочется сравнить с окном. С окном вагона.

Чехословацкий журналист Милош Главса был в Алжире в наши дни — в 1956 году. Из окна, к которому подводит нас автор, открывается пестрая, быстро сменяющаяся панорама. Многое здесь непривычно и для нашего зрения, и для слуха. Порой кажется, что перед глазами призраки далекого прошлого, а на самом деле это реальнейшая из реальностей. В том-то и состоит своеобразие современного Алжира, что в нем на каждом шагу сталкиваешься с самыми неожиданными сочетаниями прошлого и настоящего, смешного и трагического, кричащей роскоши и безысходной нищеты.

...Город Алжир. Набережная, увенчанная ожерельем банков, роскошных магазинов, первоклассных отелей... и неподалеку в порту толпы голодных безработных, стайки детей, покрытых пылью, с глазами, зараженными трахомой, ищущих среди отбросов хотя бы корку хлеба.

Деревушка Бир-Зейрам в горах Кабилии. Путешественник теряет представление о времени. Люди, жилища, орудия труда — все здесь словно законсервировано с незапамятных времен. Жизнь как бы остановилась еще тысячу лет назад.

Отель «Оазис» по дороге в Джельфу. Филигранно отделанный бар с зеркальным прилавком. Батарея сифонов с фруктовыми соками на льду. Марочные вина. Полный набор аперитивов. Охлаждающие воздушные установки. Максимум комфорта для гостей, изучающих Африку у винной стойки.

Алжирский юг. Изумителен пейзаж Сахары после полуночи. Бесчисленные кристаллы-звезды искрятся над головой дрожащим блеском, то розовым, то голубоватым, то фиолетовым. Все небо светится — темно-синий ультрамарин, разбавленный молоком. А под куполом неба — неподвижность пустыни и давящее душу одиночество.

Именно здесь, в пустыне, полагает автор, и возникли религиозные теории и фатализм, ослабляющие волю человека. Автор знакомит нас с одним из доморощенных мыслителей — шейхом Слиманом. Богатый феодал, на досуге занимающийся поэзией и философией, торжественно изрекает: «Бессмысленно сопротивляться судьбе. Разве принесет розе пользу сопротивление тому, чтобы лепестки ее опадали? Лепестки, вчера еще розовые, сегодня увянут и завтра опадут. Одинаковые пути жизни предопределены и для цветка, и для человека».

Однако для самого Слимана фатализм — не такая уж безотрадная штука. Он пишет книги, которые печатаются во Франции. У него солидный счет в Алжирском банке. Колонизаторы не остаются в долгу за те услуги, которые он им оказывает, стараясь отвлечь алжирских патриотов от борьбы за национальную свободу. На груди старика красуется ленточка ордена Почетного легиона — «за службу Франции».

Городок Берриан, окруженный пальмами и сыпучими песчаными наносами. Жизнь в Берриане — жалкое существование между двумя глотками воды. На площади столпилась группа молодых людей. В центре собравшихся кто-то машет транспарантом, на котором корявыми буквами написано: «Выпустите из тюрьмы бойцов за свободу! Да здравствует Фронт национального освобождения Алжира!»

У этих людей нет своего счета в банке. Каждый второй из них едва ли может рассчитывать, что ему удастся сегодня пообедать. Но они считают величайшим бесчестием примириться с судьбой колониальных рабов...

Характерные бытовые картинки, красочные описания природы, краткие экскурсы в прошлое, мимолетные встречи и беседы сменяют друг друга, как в калейдоскопе. Это

не подробный репортаж, говорит автор книги, а всего лишь яркие его осколки. Но в целом беглые зарисовки Милоша Главсы дают читателю живое и довольно отчетливое представление об Алжире, о его трудолюбивом и мужественном народе.

Чехословацкий журналист был далеко не свободен в своих передвижениях по стране. Французская администрация и французские военные власти не позволили ему побывать в тех районах, где в ожесточенных боевых схватках решается будущее Алжира. Да и своеобразная обстановка партизанской борьбы, в которой алжирцы действуют небольшими группами и по преимуществу ночью, производя неожиданные атаки и мгновенно исчезая после выполнения боевого задания, не очень благоприятна для наблюдения со стороны. Может быть, поэтому автор ничего и не рассказывает о боевых действиях алжирского народа в борьбе за свою независимость. Тем не менее впечатления М. Главсы, с подкупающей непосредственностью переданные в этой книге, помогают понять основное: почему алжирский народ взялся за оружие и за что он борется.

Правящие круги Франции упрямо отвергают неоспоримое право алжирцев на независимость, придерживаясь фальшивой формулы: «Алжир — это часть Франции». Бывший французский министр Роберт Лакост утверждает, что Алжир создан европейцами, и если миллион двести тысяч проживающих там европейцев покинут эту страну, то она будто бы погрузится в анархию и нищету.

Но история — это не учебник, из которого можно вырвать несколько нежелательных страниц. История свидетельствует, что до захвата Францией Алжир был суверенным государством, поддерживавшим дипломатические и торговые отношения с Англией, Испанией, Голландией, Данией, Португалией, США. В годы французской революции алжирское правительство снабжало Францию хлебом и деньгами.

Примерно через сорок лет после завоевания Алжира великий французский писатель Виктор Гюго в бичующих стихах страстно заклеил «цивилизаторскую» деятельность захватчиков:

Мы сжали Африку железными тисками,
Там весь народ кричит и стонет: „Дайте есть!“
Вопят Оран, Алжир — измученных не счесть.
„Вот, — говорят они, — вся щедрость, на какую
Способна Франция: едим траву сухую...“

Десятилетием позднее другой замечательный писатель Франции, Мопассан, после трехмесячной поездки по Алжиру писал в своих очерках:

«При нашей системе колонизации, которая состоит в том, чтобы разорять арабов, неустанно обирать их, безжалостно преследовать, и которая заставляет их подыхать от нищеты, нам придется увидеть еще не одно восстание».

Так колонизаторы «создавали» Алжир.

За сто двадцать восемь лет своего господства в этой стране они отняли у коренных жителей половину пригодной для обработки земли: из 21 млн. гектаров, составляющих земельный фонд Алжира (без южных территорий), в руках иностранцев находится более 10 млн. гектаров. И редко, очень редко среди них можно встретить таких фермеров, как описываемый автором мсье Фулье. Напротив, грабительская политика французов привела к тому, что сейчас в Алжире насчитывается свыше миллиона безземельных крестьян, превращенных в батраков.

За последние годы в связи с механизацией работ в крупных поместьях среди батраков быстро растет безработица. Трактор, комбайн, являющиеся великим благом в социалистическом государстве, становятся причиной нищеты многих тысяч трудящихся в условиях капиталистического хозяйства. Ведь каждый трактор, приобретаемый владельцем поместья, обрекает на безработицу не менее ста батраков. Лишенные земли и воды, крестьяне и батраки живут в неопишуемой нужде, в засушливые годы они становятся жертвами массового голода.

Ископаемые богатства Алжира — фосфориты, железная руда, свинец, цинк — расхищаются иностранными капиталистическими компаниями, находящимися под контролем французских монополий — Банка Парижского объединения, банковской группы Ротшильда и др. Усиливая с каждым годом эксплуатацию алжирцев, монополии получают баснословные, непрерывно растущие прибыли. Годовая прибыль, например, «Сосьете де л'Уэнза» (добыча железной руды) равна в среднем 2,5 млрд. франков.

В то же время «жизненный уровень огромного большинства населения едва превышает самый низкий прожиточный минимум в мире», — так докладывала правительственная комиссия Маспетьоля, изучавшая финансовые отношения Алжира с метрополией. Среднегодовой заработок алжирского рабочего более чем в четыре раза ниже

заработка рабочего во Франции. Алжирцы почти совершенно лишены возможности пользоваться медицинской помощью вследствие дороговизны лечения и лекарств. Доктор Дюверье — это почти исключение. Ведь в Алжире один врач приходится на 10—20 тыс. жителей, а в южных районах — один на 30 тыс. Два миллиона алжирских детей не могут посещать школу, отчасти из-за крайней бедности родителей, отчасти из-за недостатка школьных зданий и учителей. А каковы там до сих пор многие школы — об этом красочно рассказывает автор.

Подобными результатами едва ли следует гордиться «создателям» Алжира!

Экономическое угнетение алжирского народа опирается на политический гнет. За исключением небольшой кучки предателей, алжирцы не участвуют в управлении своей страной. Лживым и лицемерным является утверждение, будто Алжир — это Франция, а алжирцы — это французы. Девять десятых населения этой страны составляют жители арабо-берберского происхождения. И героизмом своего сопротивления они ежедневно показывают, что для них лучше смерть, чем отречение от своей национальности.

Алжир к тому же никогда не занимал и не занимает равноправного положения в системе управления Франции, а алжирцы не пользовались и не пользуются равными правами с французами.

Хотя алжирцам и позволено участвовать в выборах Национального собрания Франции, но до недавних пор при подсчете голосов голос одного француза, проживающего в Алжире, приравнивался к девяти голосам алжирцев. По новому избирательному закону, введенному в силу в 1958 году правительством де Голля, это соотношение голосов составляет и ныне 1:5. Помимо этого, не считаясь с тем, что во Франции примерно в четыре раза больше жителей, чем в Алжире, алжирские избиратели посылают в Национальное собрание в семь раз меньше депутатов, чем метрополия.

Со времени захвата Алжира на всей его территории, вплоть до маленьких деревушек, затерявшихся в песках Сахары, господствует режим свирепого колониального террора. Даже 8 мая 1945 года, день, принесший всей Европе избавление от фашистской тирании, был отмечен в Алжире кровавым побоищем: в этот день французские колонизаторы, прибегнув к провокации, расстреляли 45 тысяч алжирцев.

Голод, глубокая нищета, невыносимый политический гнет — вот главные причины восстания, вспыхнувшего в Алжире в ночь на 1 ноября 1954 года. Алжирский народ не смог больше терпеть деспотического господства иностранцев, укравших у него родину, расхитивших его национальные богатства и растоптавших его человеческое достоинство. В вооруженной борьбе за национальное освобождение алжирцы увидели единственный выход из гнетущей кабалы.

Пятый год длится кровопролитная колониальная война. Против алжирского народа, героически борющегося за свою национальную самостоятельность, действует 600-тысячная французская армия, вооруженная новейшей техникой. Самолеты и вертолеты, танки, артиллерийские орудия и огнеметы сеют смерть и разрушения на алжирской земле. По данным Фронта национального освобождения Алжира, с начала военных действий убито более 600 тыс. алжирцев, среди них женщины, старики и дети. Сотни тысяч человек, потерявших кров и имущество, бродят по стране; сотни тысяч беженцев укрылись в Марокко и Тунисе. Десятки тысяч сторонников национально-освободительного движения упрятаны в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Но ни военные операции, ни зверский террор не достигают цели. Десятки раз представители французского правительства и командования вооруженными силами публиковали заявления о «последних минутах» решающих боев, которые-де должны привести к полному разгрому Национально-освободительной армии Алжира. Чем безнадежнее становится положение захватчиков, тем громче и отчаяннее бахвалятся французские генералы. На самом деле войска колонизаторов являются хозяевами положения лишь в крупных населенных пунктах. Даже сильно укрепленная «линия Мориса» длиной в 200 и шириной в 50—70 км, с тремя рядами колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток, то и дело подвергается нападениям алжирских отрядов.

Французские войска имеют дело не с партизанами, вооруженными ножами и ржавыми винтовками. Алжирская Национально-освободительная армия насчитывает примерно 130 тыс. бойцов. Это регулярные войска, располагающие современным оружием, артиллерией, зенитными батареями, полевыми лазаретами, продовольственными тыловыми

базами, военными полигонами. Алжирские солдаты превосходно знают местность, в которой им приходится действовать, и пользуются полной поддержкой населения. В обширных областях страны, освобожденных от оккупантов, созданы органы гражданского управления.

Действиями армии, гражданской администрации и всем национальным движением руководит Фронт национального освобождения Алжира во главе с Национальным советом алжирской революции — временным парламентом страны. 19 сентября 1958 года было провозглашено создание Алжирской республики и сформировано Временное правительство, вынужденное до прекращения военных действий на алжирской территории находиться за границей. Временное правительство контролируется Национальным советом.

Все попытки правящих кругов Франции навязать Алжиру свою волю терпят неудачу за неудачей. Стойкое сопротивление алжирского народа французской армии убедительно говорит о том, что он никогда не покорится насилию. На его стороне симпатии и поддержка братских народов Марокко и Туниса, уже добившихся независимости, народов всех арабских и большинства азиатских стран, всего прогрессивного человечества.

* * *

Путевые очерки Милоша Главсы проникнуты искренним и глубоким сочувствием к трудящимся Алжира, отстаивающим свое неотъемлемое право на самостоятельное государственное существование. Автор твердо убежден, что этот героический народ не может не победить, как ни велики трудности, как ни тяжела борьба.

«Спящий пробуждается» — название, которое он дал своей книге, написанной два года тому назад, сегодня требует маленькой поправки: с п я щ и й п р о б у д и л с я ! Он поднялся во весь свой рост и взял в руки метлу, чтобы навести порядок в своем доме, «как это обычно делается утром в перерыве между звонком будильника и умыванием».

За окном полыхает заря, обещающая ясный день.

С. Датлин

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

а д а т (арабск.) — религиозно-правовые предписания.

а х а д и ж а т (арабск.) — достижение абсолютного слияния с богом; ваххабиты и их североафриканские последователи ибодиты (см.) провозглашали, что путь к нему лежит через полное отрешение от материального.

а й н (арабск.) — источник.

А й ш а — дочь Абу Бекра и самая любимая жена Магомета. Умерла в 676 году в Медине.

а л е ф, а л и ф — первая буква арабского алфавита.

а л ь-ф а н а-фи-ль-л а х (арабск.) — погружение человека в бога, основано на двух принципах — отрешении и сосредоточении духа.

Б а б-э л ь-У э д — предместье Алжира.

Б а р д о — дворец губернаторов в Алжире.

Б и л а д Ф р а н с и я — арабское название Франции.

Б и р (арабск.) — колодец.

И н о с т р а н н ы й л е г и о н (Légion Étrangère) — основан в 1831 году, много раз применялся для подавления восстаний кочевых племен, например для подавления движения рифских кабиллов в 1926 году. Использовался для «умиротворения» Туниса (1881 год), Мадагаскара (1895 год), Дагомен (1892 год), во Вьетнаме.

д у а р (арабск.) — селение.

Д ю п е р е (Duperrée) Виктор — французский адмирал (1775—1846). В 1830 году во главе флота из 475 судов захватил Алжир, позднее был морским министром.

Э ш н а т о н — точнее Аменхотеп IV, египетский фараон 1400 г. до нашей эры. Вместо существовавшего до него многобожия насаждал культ солнечного диска «атона». Попытки его осуществить религиозно-политические реформы не удалось.

Э л ь д ж е з а и р — арабское название Алжира.

ф а г р, э л ь-ф а г р — утренняя молитва. Ислам предписывает шесть дневных молитв в различные части дня: фагр, субх, зухр, аср (или ашр), могреб и ишаа.

ф а к и х (арабск.) — адвокат.

Ф е р х а т А б б а с — лидер Демократического союза Алжирского манифеста. Вместе с другими эта партия борется за национальную независимость Алжира.

г х и р б а (арабск.) — кожаный мех для воды.

х а д ж и — тот, кто совершил паломничество в Мекку, священный город мусульман.

Х а г г а р д Р а й д е р В. — английский писатель, автор многих приключенческих романов.

г а л в а — североафриканская трава. Используется в качестве корма для скота, для изготовления циновок, рогожи и пр.

х е д ж р а, хиджра (арабск.) — начало мусульманского летосчисления, введенное халифом Омахом. Соответствует 15 июня 622 года европейского календаря.

х е н н а — синяя краска.

ш а р ш а ф (арабск.) — покрывало у арабских женщин.

и б а д и з м — течение ислама, стоящее за демократические выборы халифа, единобрачие и строгость нравов. Основано Абдаллахом ибн Ибадом. В седьмом столетии это течение охватило почти всю Северную Африку. Главным центром ибадизма являлся Тиарет. После 900 года ибадиты были вытеснены внутрь страны, где образовали в окрестностях Уарглы республику Мзаб.

И к о с и у м (лат.) — римское название Алжира.

к а б и л ы — ветвь берберов, населяющая горные области Алжира.

к х е б к а — каменистая пустыня с редко встречающимися источниками воды.

к и т а б (арабск.) — книга. Так арабы называют коран.

к о р а н, а л ь-к о р а н — священная книга приверженцев ислама, содержит откровения Магомета, собранные халифом Отманом (644—656).

к у б б а — надгробие над могилой святого.

м у к т у б, м а к т а б (арабск.) — школа.

о п у н ц и я — субтропическое растение из семейства кактусовых.

у э д (арабск.) — высохшие русла рек в Сахаре.

У л е д Н а й л — берберийское племя, из которого выходят фокусники, предсказатели и танцовщицы. Обитает в горах Джебель д'Амур (Горы Любви).

п и с т а — укатанная дорога в пустыне. В период дождей становится непроходимой.

р а к, а р-р а к (арабск.) — поклон во время молитвы.

s c i p i u s (лат.) — песчаная ящерица, длина 15—20 сантиметров, с недоразвитыми конечностями.

С и д и О к б а б е н Н е ф ф а — арабский полководец, в 681 году разгромил берберов в оазисах Зибана и присоединил к исламской империи Северную Африку.

С т а у э л и — алжирское марочное вино.

с у р а — глава корана, первая из них называется «фатиха», то есть вступительная.

ш а ш и я (арабск.) — плоская феска.

Т а н и т — древняя финикийская богиня, отождествлявшаяся с Аштарет (Астартой).

т а р г и — племя, родственное туарегам, резиденцией которого является плоскогорье в Сахаре Ахаггар.

т о л б а — священник мзабитов.

з и н д а н (арабск.) — тюрьма.

з и р и — исламская династия, заложившая примерно в 1000 году нашей эры на развалинах Икосиума нынешний город Алжир.

з у м м а р а — берберийская флейта.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Алло, это Алжир!	5
Кончается алжирское лето	5
Порт, лишенный романтики	8
Нечистоты на улице Н'Фиссах	11
У порога неба	15
Последний путь человека	18
Когда капризничала свеча	21
2. Среди песков	25
Алжир позади	25
Сказка (?), называемая Бу Саада	30
Он недаром получил орден Почетного легиона	33
Вверх к Джельфе	36
В главной роли любимица верующих	39
3. В пустынные просторы юга	43
Веселье бурлит в Лагуате	43
О безработном тюремщике	45
Берберийская принцесса Зла	48
Борец со смертью	50
Двое из Тильгемпта	53
Звезды над Беррианом	55
Белые и красные шарики	57
4. Где остановилась история	60
Древняя республика Мзаб	60
Вода — это жизнь	62
Таннственна Уаргла	65
Хакиды и заклинатели	68
Учись, сын мой, быть мудрым	71
Поставьте на Ламина!	74

	<i>Стр.</i>
5. Люди и вещи в песке	77
Легионер номер 9083	77
Джуа. О камнях и солнечных часах	79
Когда ноги вязнут в песке	82
Здесь шумели леса Сахары	86
Под защитой Франции	89
Финики шейха Бенганы	93
О лошадях и немного о людях	96
6. Спящий пробуждается	100
Танки на улицах Бискры	100
Город, найденный в пустыне	103
Живой град в Зрибет-эль-Уэде	107
Песок впитывает кровь	111
Кто угрожает черепахам господина губернатора	115
Алжирцы и европейцы	120
Послесловие	124
Объяснение непонятных слов, встречающихся в тексте . .	131

Милош Главса
СПЯЩИЙ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Редактор *Е. И. Вязов*
Младший редактор *Б. Н. Малкес*
Художественный редактор *С. С. Верховский*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректор *З. А. Логинова*

№ Т-04709. Сдано в производство 4/II — 59 г. Подписано в печать 10/IV — 59 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Физических листов 4,50. Печатных листов 6,97 + 0,41 л. вкл. Издательских листов 7,23. Тираж 125 000 экз. Цена 2 р. 20 к. Заказ № 594.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Набрано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано типографией «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

2 п. 20 к.

Географиз
1959